

Автономная некоммерческая организация
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: XXI ВЕК

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (6)

Профессионализм современного журналиста:
сервисное ремесло на информационном рынке
и/или гражданственность *высокой* профессии?

Ответственный редактор В.И. Бакштановский

Тюмень – 2005

ББК 87.7
ISBN 5-98257-006-0

«Тетради гуманитарной экспертизы» – продолжающееся издание автономной некоммерческой организации «Центр прикладной этики: XXI век». Цель издания – публикация материалов гуманитарной экспертизы и консультирование ситуаций становления нового этоса («духа» и «правил игры») в современной России: этоса политического, делового, регионального этоса, этоса журналистики, этоса образовательной деятельности и т.п. Возможные виды и формы публикуемых материалов: результаты экспертных опросов, практикумов, деловых игр; аналитические тексты и т.д.

Редакционный совет:

В.И. Бакштановский (ответственный редактор),
М.В.Богданова, Ю.В.Казаков, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (6). Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии? / Отв. ред. В.И. Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2005. – 88 с.

Шестой выпуск «Тетрадей...» содержит материалы нового проекта АНКО «Центр прикладной этики: XXI век». Его тема сформулирована в виде дилеммы «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?». Тем самым проект уводит его участников от абстрактной дискуссии о том, что выше: гражданственность или профессионализм журналиста и от слишком элементарного решения: «и то важно, и другое». Уводит ради того, чтобы предложить обсуждать вопрос о соотношении профессионализма и гражданственности через проблематизацию природы самого профессионализма современного журналиста: адекватна ли природе профессионализма журналиста характеристика «сервис ремесленника» или суть его профессионализма – служение в высокой профессии, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом?

Разделы выпуска посвящены: (1) замыслу проекта, (2) экспертизе замысла методом экспертного опроса, (3) испытанию замысла методом практикума, (4) «экспертизе экспертизы» методом «включенного наблюдения» и аналитического обзора.

Проект реализуется при финансовой поддержке Департамента информационной политики Тюменской области.

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Научно-организационная работа М.В.Богдановой. В подготовке выпуска принимали участие: В.А. Михайлов, А.П.Тюменцева.

Подписано в печать 20.12. 2005. Формат: 60x84/8. Гарнитура Arial Сур. Усл.печ.л.11
Тираж 150 экз. Отпечатано с готового макета в типографии издательства «Вектор-Бук».

© Центр прикладной этики: XXI век. 2005.

Содержание

Введение. ЗАМЫСЕЛ ПРОЕКТА

Гражданственность высокой профессии: между утопией и реальностью (АНКО «Центр прикладной этики: XXI век»)	4
--	---

Часть первая. ЭКСПЕРТИЗА ЗАМЫСЛА

Программа экспертного опроса	7
«...Сообщать миру новости – это честь и ответственность» (Л.А. Рычкова, «Коммерсантъ»)	9
«...Считаю журналистику высокой профессией. И незачем впадать в грех самоуничужения» (А.К. Омельчук, ГТРК «Регион-Тюмень»)	10
«...Тезис о высокой профессии к отечественной журналистике применим с рядом оговорок, но все же применим» (Е. Егорова, студентка отделения журналистики ТГУ)	12
«...Гражданственность, как представляется, заложена в профессионализме» (В.А. Кабакова, «Тюменский курьер»)	14
«...Противопоставление “высокой профессии” бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого» (А.Г. Носиков, «МК” в Тюмени»)	16
«...Мне кажется, честный журналист вслух говорит “сервисная”, но про себя все-таки знает, что гражданская» (Е.О. Кох, отделение журналистики ТГУ)	19
«...Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое» (А.П. Мокроусов, «Радио-7»)	21
«...Есть ли в нынешние времена отдушина для того, кто все-таки хотел бы остаться журналистом, не потеряв уважения к себе и средств к существованию? Тут каждый волен выбирать» (В.Л. Строгальщиков, «Элита-Регион»)	23
«...В моей практике ситуации конфликта гражданской позиции и требований профессионализма не было» (Ю.И. Пахотин, «АиФ” в Западной Сибири»)	25
«...На первое место в современных условиях я ставлю профессионализм, а затем – гражданскую позицию журналиста» (К.В. Елисеев, «Тюменская область сегодня»)	27
«...Гражданственность журналиста без профессионализма – просто гражданственность частного лица» (И.А. Пермякова, «Вслух.Ру»)	31
«...Гражданская позиция – одна из составляющих профессионализма. Как они могут вступить в конфликт плохо себе представляю» (А.Н. Жилин, ТРТР)	34

Часть вторая. ИСПЫТАНИЕ ЗАМЫСЛА

* Программа практикума	36
* Описание события (фрагменты стенограммы)	38

Часть третья. ЭКСПЕРТИЗА ЭКСПЕРТИЗЫ

* «Включенное наблюдение»	
Гибкий профессионализм? (В.А. Кабакова)	59
Профессиональная фобия: чего боятся журналисты (И.А. Пермякова)	62
Гражданственность – скорее характеристика личности, чем профессии (Л.А. Серых)	66
* Аналитические заметки по материалам проекта	
Будьте реалистами – боритесь за утопию (В.И. Бакштановский)	69

Приложение

* Отклики участников семинара-практикума (Е. Ганопольская, Е. Егорова, Е. Кох, А. Мокроусов, В. Макаров, А. Носиков, Ю. Пахотин, А. Скорбенко)	85
* Участники проекта	88

Введение
ЗАМЫСЕЛ ПРОЕКТА

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИИ:
МЕЖДУ УТОПИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

«Тюменские журналисты прошли гуманитарную экспертизу» – так назвала свою информацию о заключительной части проекта одна из его активных участниц. При этом, полагает автор, участники семинара получили возможность отразить свои взгляды и «наверное, дали прекрасный материал для ученого»¹. Именно с реплики по поводу «материала для ученого» мы начнем описание замысла проекта.

Проект «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?» – по-своему юбилейный. Он завершает первое десятилетие тюменского проекта², направленного на культивирование средствами прикладной этики процесса морального творчества в профессии журналиста.

В повседневной практике понятия «этика» и «мораль» пишутся через запятую. И для этого есть реальные основания, например, в их этимологии или в трактовке этического знания как верхнего, теоретизирующего или рефлексивного яруса морали. Но есть резон и в их различии. Предпочтение одного из двух понятий определяется либо необходимостью подчеркивания известной стихийности ориентирующего и регулирующего ценностно-нормативного момента человеческой деятельности, либо акцентирования другого канала морального творчества – вовлечения в данный процесс экспертных институтов, заинтересованных организаций и школ теоретической мысли.

В сфере прикладной этики речь идет о моральном творчестве, в котором нет специального разделения на «исследователей» и «исследуемых», «испытателей» и «испытываемых». Творчестве, в котором прикладная этика наглядно демонстрирует потенциал моральной рефлексии самих профессионалов журналистики, если они стремятся опереться в своем самопознании на нравственную мудрость общества.

Поэтому двусмысленную фразу «прошли гуманитарную экспертизу» уместнее скорректировать: участники семинара провели гуманитарную экспертизу, обращенную к собственной профессии.

Актуальность темы. Почти очевидно, что базовые интересы демократически ориентированной России не могут быть реализованы без целенаправленных усилий правового государства и общественных институтов по культивированию ценностей и структур гражданского общества. Почти очевидно, что особая роль в этих усилиях принадлежит СМИ – пассионариям глубинных трансформационных процессов в нашей стране.

Вряд ли очевидно, что современной российской журналистике предстоит осознать глубокую связь ценностных ориентиров СМИ – и ценностей гражданского общества. А эти ценности – предмет осознанного морального выбора и для общества в целом, и для групп граждан, и для профессиональных корпораций. И, прежде всего, для такой публичной профессии, как журналистика.

Особый смысл размышлениям об ответственности СМИ за судьбы гражданского общества в России придает сегодня проблемная ситуация (со)существования таких ценностей журналистики, как профессионализм и гражданственность, ставящая неординарные, не имеющие очевидных решений, исследовательские и практические задачи.

Один из признаков проблемной ситуации – заметная и в практике, и в публичных дискуссиях кардинальная переоценка смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Речь идет о тенденции редукции

¹ Пермякова Ирина. Тюменские журналисты прошли гуманитарную экспертизу. Интернет-газета «Вслух.ру». 21.10.05. 17.41.

² См.: Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В. Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.

профессионализма в журналистике к сервису ремесленника, умеющего создавать товар на потребу масс и продвигать его на рынок.

Идея проекта. В отличие от привычной для публицистики «вечной» темы «профессионализм и/или гражданственность» наш проект предпочитает иную проблематизацию – в виде дилеммной трактовки природы самого профессионализма современного отечественного журналиста: «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЖУРНАЛИСТА: СЕРВИС РЕМЕСЛЕННИКА И/ИЛИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИИ?».

Тем самым проект уводит его участников от абстрактной дискуссии о том, что выше: гражданственность или профессионализм журналиста и от слишком элементарного решения «и то важно, и другое». Уводит ради того, чтобы предложить обсуждать вопрос о соотношении профессионализма и гражданственности через проблематизацию природы самого профессионализма современного журналиста: адекватна ли природе профессионализма журналиста характеристика «сервис ремесленника» или суть его профессионализма – служение в высокой профессии, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом?

На наш взгляд, переоценка смысла профессионализма в журналистике через сведение его к «сервису» (сервильности?!) прямо затрагивает проблему гражданственности профессии. И личного морального выбора журналиста. Побуждая к размышлению том, как соотносятся гражданский потенциал профессии журналиста с индивидуальной позицией журналиста, выбором им определенного решения в конкретной ситуации.

В рамках такой проблематизации предметом рефлексии журналиста о ценностных ориентирах профессионализма в деятельности СМИ как института гражданского общества становятся вопросы: * Есть ли место для гражданской позиции журналиста при понимании им своей профессии как сервиса? * Возможна ли подлинно гражданская позиция журналиста без глубокого профессионализма? * Избавляет ли выбор журналистом уставки на служение в высокой профессии от столкновения с ситуацией морального выбора, когда ценности профессионализма и гражданственности конфликтуют и обнаруживаются по меньшей мере две альтернативы: гражданственность как ценность – выше профессионализма; профессионализм для журналиста – выше всего?

Идея проекта конкретизируется в виде двух гипотез.

Первая из них – предположение об оправданности намеренно дилеммной формулировки темы проекта «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?» (а) сомнением в адекватности природе профессионализма журналиста навязываемой сегодня характеристики «сервис ремесленника» и (б) уверенностью в том, что суть профессионализма журналиста – в служении в высокой профессии (в ряду профессий врача, учителя, адвоката, священника), отвечающей своей миссией перед гражданским обществом. Трактовка журналистики как «сервисной профессии», оказывающей «информационные услуги» и т.п., весьма рискованна: слишком легко утратить разницу между высокой профессией и медиабизнесом, тем более, что бизнес на «сервисной профессии» применительно к журналистике легко оборачивается сервильностью.

Вторая гипотеза – гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий (гражданский контроль, гражданские переговоры, гражданская экспертиза, гражданские дискуссии и т.д.). Возможно, владение гражданскими технологиями минимизирует ситуации, требующие от журналиста личного гражданского мужества?

Практикум как формат. Отличие формата «практикум» от форматов «семинар», «тренинг» и т.п. заключается прежде всего в существенной доле исследовательской работы. Отсюда необходимость своеобразной экспертной системы, экспертной как по критерию подбора экспертов³, так и по особому алгоритму проекта: экспертиза замысла –

³ *Социальное время вхождения в профессию и профессиональное сообщество (советское время, переходное время, постсоветское время). *Формат СМИ (городское СМИ, областное СМИ, «региональная вкладка»). *Тематическая специализация (политика, социальные проблемы, культура, гражданские институты). *Должность в редакции (главный редактор, шеф-редактор, президент, руководитель отдела, обозреватель, репортер и т.п.). *Многолетние участники тюменских семинаров по профессиональной этике и «новички». *Минимально необходимое многообразие

испытание замысла – экспертиза экспертизы. Здесь первый этап алгоритма – экспертный опрос тюменских журналистов, второй – игровое моделирование, в том числе самоопределение участников практикума к моделям выбора, проявленным в ходе экспертного опроса, и групповое позиционирование. Третий этап алгоритма проекта – анализ материалов игрового моделирования в формате «включенного наблюдения» и авторский аналитический обзор проекта в целом.

Еще одно отличие практикума – публичный характер процесса реализации и представления результатов проекта, в том числе публикация материалов проекта в СМИ и в специальном издании.

позиционирования по тематике проекта, проявленное как в предыдущих семинарах, так и в публикациях.

Наиболее значимыми для данного проекта являются два последних основания выбора участников проекта.

Часть первая
ЭКСПЕРТИЗА ЗАМЫСЛА

ПРОГРАММА ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

В рамках подготовки Практикума был проведен экспертный опрос его потенциальных участников. Цель опроса – экспертиза вынесенной в название проекта дилеммной трактовки природы профессионализма современного отечественного журналиста. Основные тематические направления рефлексии экспертов сформулированы в анкете.

1. Какая из позиций «за» и «против» тезиса «журналистика – сервисная профессия», представленных в дискуссии на страницах «Известий» и «РГ», мыслится вам более адекватной миссии журналистики?

Попытайтесь предложить дополнительные аргументы в пользу предпочитаемой вами позиции.

<i>Манифест «сервисной профессии»</i>	<i>Альтернативный образ профессии</i>
<p>Р. БЕРШИДСКИЙ: Мы подходим к сути изменений, которые претерпело наше ремесло. Оно стало, как это ни обидно всем потенциальным «золотым перьям», сервисной профессией. Журналистика и литература ныне – не две грани одного таланта, а отчетливо разделенные области. Читатель через редактора говорит репортеру: поди и принеси то, что мне, читателю, нет времени выяснять самому. Сочинителю аналитических текстов: разложи по полочкам то, что мне нет времени обдумать. Щелкнув каблуками, репортер и аналитик удаляются. Только худшие из них остаются понять: а как же моя творческая индивидуальность?</p> <p>...Пропуском в профессию служит не столько божий дар – это раньше без него не принимали в привилегированную касту, каковой почитали себя советские мэтры пера, – сколько любопытство и честность. Остальное – навыки. Тех, кто их приобретет, любопытства и честности не утратив, рынок дорого оценит.</p> <p>...Ценность буковок действительно снизилась, и это объективный процесс, противостоять которому бессмысленно, хоть и рыцарственно.</p> <p>...Потребитель знает, за каким товаром идет к газетному ларьку, а за каким – в книжный магазин.</p> <p>А. ВЕНЕДИКТОВ: Журналистика была и есть сфера обслуживания читателей, а не предмет самовыражения журналистов.</p>	<p>В. ЛОШАК: Маятник нашей журналистики очень сильно качнулся от литературного, несвободного письма советской эпохи к текстам, холодно безразличным по принципу: «Меня послали – я написал».</p> <p>...Но у журналистики, как и у любой профессии, должен же быть внутрицеховой иммунитет. Хотя бы для того, чтобы всех не судили по «пластмассовым мальчишкам». У нас такое ремесло, где «забывшим на всех» просто делать нечего. Вне зависимости от возраста.</p> <p>Ю. БОГОМОЛОВ: Обслуживать желудок клиента, его наружность или наружность его автомобиля и обслуживать мозги его обладателя – не одно и то же.</p> <p>...Сейчас формируется особая субкультура. Я бы ее назвал «офисной». Только почему бы это прямо не признать, вместо того чтобы принципы «пластмассовой журналистики» распространять на все ремесло в целом.</p> <p>В. КИЧИН. Журналистика не стала сервисной профессией – ее пытаются таковой сделать носители сервисного сознания. Для начала они свели журналистику только к информативной и теперь пытаются выдать методы новостников за универсальные...</p> <p>Позиция официанта с салфеткой через плечо им кажется более привлекательной. Она устраивает и тот круг читателей, которых они прикармливали, – таких же ленивых, нелюбопытных и не желающих развиваться.</p> <p>...Что правда, то правда: болезнь эта заразна и круг растет – как читателей, так и их услуги. Но радости тут мало: это деградация в масштабах общества.</p>

2. Считаете ли вы возможным принять нижеследующий тезис о характеристике современной журналистики как высокой профессии? Насколько адекватен этот тезис применительно к отечественной журналистике?

Использование выражений «сервисная профессия», «информационные услуги» и т.п. применительно к журналистике, особенно – общественно-политической, весьма рискованно: слишком легко утерять разницу между высокой профессией и бизнесом, тем более, что бизнес на «сервисной профессии» применительно к журналистике легко оборачивается сервильностью.

К профессии журналиста, как и к профессиям врача, учителя, адвоката, священника, предъявляются особые – максимальные требования, в то время как, например, к продавцам, ремесленникам, фермерам и т.п., – гораздо более умеренные. Например, от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования: для него недопустимо использовать профессию только как прибыльное занятие – врач должен прежде всего иметь в виду благо других людей. В то же время продавец, фермер или ремесленник могут принимать во внимание благосостояние других наряду со своим собственным.

3. Какой смысл представляется вам наиболее адекватным для выражения «гражданственность журналистики»?

* Концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.?

* Миссия и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность?

* Личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции?

* Журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества?

* Личная вовлеченность журналиста, его гражданское участие в решении какой-либо проблемы, уровень его самостояния?

4. Какую из точек зрения на миссию современной журналистики вы разделяете:

(а) Характеристика журналистики как «сервисной профессии» не так уж и цинична. Несомненное достоинство такого прагматического, рыночного подхода – в заботе об интересах потребителя.

(б) При понимании журналистом своей профессии как сервисной нет места для гражданской позиции журналиста.

5. Какое из приведенных ниже суждений вы разделяете?

«Честное исполнение гражданской миссии журналистики как высокой, а не “сервисной” профессии и кодекса журналистики не возможно сегодня без гражданского мужества журналиста».

«Когда от журналиста каждый раз требуется гражданское мужество, чтобы просто выполнить свои профессиональные обязанности, – это чудовищно. Люди должны просто работать».

6. Готовы ли вы разделить суждение «Гражданственность журналиста без профессионализма декларативна, бессильна; профессионализм без гражданственности – ремесло циника»? Были ли в вашей практике ситуации конфликта гражданской позиции и требований профессионализма? Как вы из них выходили? Чему отдавали предпочтение?

7. И, наконец, как вы считаете: стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших реальных отечественных обстоятельствах? Что кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным это может дать журналисту в его практической деятельности?

1. На мой взгляд, точки зрения, представленные в таблице в столбцах «Манифест сервисной профессии» и «Альтернативный образ профессии», не обоснованы их сторонниками до конца. В той и другой точках зрения приведено недостаточно аргументов для того, чтобы считать это основой профессии. Вот, на мой взгляд, самые слабые тезисы.

«Журналистика и литература ныне – не две грани одного таланта, а отчетливо разделенные области» (Бершидский). Сразу хочется задать вопрос: как человек сможет грамотно оформить мысль без литературного таланта, без образных метафор и сравнений, чтобы ее поняли другие, – ведь читатель не видит сочной картинки? Журналистика немислима без литературы еще и потому, что все наши писательские процессы исторически связаны между собой. Как ты выберешь жанр? Как узнаешь, что выбрал его? Без познаний теории литературы и чувства слова (а точное слово может подобрать только мыслящий литературно человек) немисливо написание статьи. Следуя этому суждению, я могу набросать на листе некие тезисы материала. А редактор пусть сделает его литературой? Тогда впору редакторов выделять в особую касту, если они жалуются на то, что вырастили себе на смену.

«Пропуском в профессию служит не столько божий дар – это раньше без него не принимали в привилегированную касту, каковой почитали себя советские мэтры пера, – сколько любопытство и честность. Остальное – навыки» (Бершидский). Опять. Что ты сделаешь только на одном любопытстве и честности? На мой взгляд, журналистика – это симбиоз творчества и сервиса. Не каждый профессионал может похвастаться тем, что преуспел в своей отрасли, что работает творчески и отвечает требованиям времени. Понимание того, что творчество стало синонимом неактуальности профессии – признание своего провала. В журналистике сейчас существует потребность в творческих людях, могущих обслуживать любую тему интересно и качественно. Если репортер будет механически делать работу, какому читателю интересно это?

«У журналистики, как и у любой профессии, должен же быть внутрицеховой иммунитет. Хотя бы для того, чтобы всех не судили по "пластмассовым мальчикам"» (Лошак). Да, внутрицехового иммунитета нет. Но и не каждого мэтра журналистики признают за своего. И не каждому ньюсмейкеры доверяют информацию. Но ведь журналистов воспитывают редакторы, а не улица и не время. Мне все-таки, кажется, что стороны в этом споре пеняют на зеркало, а не на себя. Что имеется в виду под пластмассовой журналистикой? Искусственная? Она и сейчас никому не нужна. Да, есть ниша желтой бульварной прессы. Но разве она конкурент деловому или общественно-политическому изданию? Написать заметку на тему – не просто разобраться в материале, понять, а еще оценить и увидеть перспективу. Образно: нависнуть над всем этим, но ни в коем случае не участвовать. Работу для этого проделываешь колоссальную. И только поэтому журналист – привилегированная каста. Но с такой задачей не под силу справиться простому человеку – и такие люди не задерживаются в профессии.

2. Тезис о рискованности «использования выражений “сервисная профессия”, “информационные услуги” и т.п. применительно к журналистике – особенно – общественно-политической», – конкретизированный опасением «слишком легко потерять разницу между высокой профессией и бизнесом, тем более, что бизнес на “сервисной профессии” применительно к журналистике легко оборачивается сервильностью» – отличный! Четко характеризует работу журналиста.

Сообщать миру новости – это честь и ответственность. Любое слово имеет вес, ты становишься частичкой мозга каждого твоего читателя. И мне в своих ответах не хочется делить журналистику на отечественную и неотечественную. Потому что разные культуры, принципы формирования общества, менталитет. Отечественный журналист, чтобы почувствовать себя удовлетворенным от работы, должен хорошо понимать в какую эпоху он творит, разбираться в ее процессах, а не закрывать глаза, например, на политику и рассуждать только об экономике или обществе. Такой журналист будет в поисках и мучениях, но в конце концов он найдет форму выражения своего творчества и место выражения. Главное – не сдаться. Как это сделало большинство.

3. Отдаю приоритет тезису о том, что *«и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность»*. Журналист – это зеркало. Он отражает процессы, которые не могут охватить люди, занятые в этих процессах. Они не могут взглянуть со стороны, потому что они – винтики в механизме. Журналист дает им эту возможность. Он соучастник – глаза и уши своего читателя. Каждого по отдельности и всех вместе. Гражданственность в том, что он гражданин. Не обыватель – винтик в механизме, – а нечто большее. Избранная каста, которая не кичится этим, а тщательно скрывает.

4. Не разделяю ни одну из представленных в этом вопросе точек зрения. Первую потому, что потребитель сам не знает своих забот. Котенка надо тыкать мордочкой в молоко, чтобы приучить к молоку. Для потребителя также – надо показать ему его новую заботу и он в нее поверит. Во второй точке зрения я не могу смириться с понятием сервисной профессии. Среди нас есть такие люди, но их видно сразу. Они не развиваются, стоят на месте в профессиональном смысле. В конце концов профессия выбрасывает их на берег. Они никому не нужны. При этом они могут иметь совершенно четкую гражданскую позицию, рассуждать о ней. Холить ее и лелеять в дебатах и наедине с собой. Но они не журналисты.

5. Разделяю тезис о том, что *«честное исполнение гражданской миссии журналистики как высокой, а не “сервисной”, профессии и кодекса журналистики не возможно сегодня без гражданского мужества журналиста»*. Мужество журналиста в том, чтобы при расследовании темы и написании материала не склониться к одной точке зрения, не упростить себе работу. Как-то однажды Рафаэль Гольдберг сказал мне, что нужно быть третейским судьей без вынесения вердикта. Мужество в том, чтобы не нарушить этот баланс.

6. Не хочу описывать возникавшие в практике ситуации. Я знаю только одно: перед своим читателем я должна быть честна, не привирать и не украшать – кефир белый, а не черный. Людей, придерживающихся этого принципа, много, но не все журналисты, не у всех есть талант и профессионализм. Почему гражданская позиция именно журналиста должна быть какой-то особенной?

7. Мастерство журналиста в том и заключается, чтобы грамотно и правильно писать в любой ситуации, чтобы не подстраиваться ни под кого (и себя в том числе). Это ответственность журналиста. Вывод должен делать читатель. И тебе нельзя отбирать у него это право. Ты не можешь разделить в сознании между насущным и должным. Ведь журналист обслуживает людей – это его насущное и должное. Кто может этому помешать? Редактор? Издатель? Руководитель? Журналист всегда может убедить их. Если нет, значит, он не убедит и читателей.

А.К. Омельчук

*«...СЧИТАЮ ЖУРНАЛИСТИКУ ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИЕЙ.
И НЕЗАЧЕМ ВПАДАТЬ В ГРЕХ САМОУНИЧИЖЕНИЯ»*

1. Наверное, мир – с некоторым упрощением – можно считать чистой информацией. Информацией – всё. И всё – информация. Род службы журналиста – информация. В разном виде, но не обязательно вселенски полная. Так уж получилось. И Бог журналиста – информация.

Не хотел бы ничего преувеличивать, но ведь можно задать вопрос и так: творец информационной Вселенной – это сервис? Журналистика, на мой взгляд, изначально бытийна. Понятно, что бытово эта миссия извращается, но изначально всё же так – миссия бытия.

2. Считаю. И незачем впадать в грех самоуничтожения и вычленять отечественную журналистику из мирового контекста. Иногда журналистику судят по ее политической верхушке всего необъятного айсберга. Но вряд ли больная – и не самая существенная – часть организма перечеркивает деятельность всего – все еще дееспособного и мощного организма. Предмет журналистики – жизнь, а не политика – мизерная ее часть.

3. Пункт 2. Частично пункт 3.

Журналисты умело, профессионально и последовательно преувеличивают как свою роль в обществе, так и степень трудностей, которые им приходится преодолевать. Можно ли говорить о гражданской самоответственности ученого-археолога, гражданском мужестве физика-ядерщика? Если он облучился – это скорее свидетельствует о его непрофессионализме.

Термин «гражданственность» все-таки и скорее всего применим к политической или околополитической журналистике, где она впрямую рвется либо в бой с властью, либо в объятия власти. Это, кстати, скоропортящийся товар: назавтра всю эту «остроту» читать скучно, забавно и, пожалуй, уже смешно.

Не путать бы: гражданскую позицию проявлял не профессиональный ученый Андрей Сахаров, а общественный деятель и политик с теми же инициалами. Кстати, общество старательно потворствует журналистам в их заблуждениях относительно собственной влияния и повседневного гражданского мужества. Вы нередко встретите даже молодого журналиста, который на работу идет как на подвиг. Даже если не в Чечню едет. Но...

Положение обязывает.

4. В вопросах: суждение и подмена понятий.

Журналистика этими вопросами предельно заужена: сводить журналистику к единственно политической составляющей, думается, некорректно.

Акцентироваться на «гражданственности» журналиста – кастрировать его. Мы довольно долгое время бытия проводим на горшке, но зачем же всю многоцветную жизнь сводить к этому почтенному занятию?

5. Люди должны просто работать.

В каждой профессии есть своя специфика. Каким бы дебильным ни выглядел иной милиционер – он нередко на кон ставит свою жизнь. У хирурга не должна дрожать рука, пожарник наверняка обязан понимать поведение огня. Если власть делает все, чтобы рутинное исполнение журналистских обязанностей требовало от профессионала гражданского, а точнее – житейского мужества, значит, мы создали такое общество и избрали такую власть.

Иногда нужно определенное мужество, чтобы проявлять лояльность к власти. Гражданская позиция журналиста неразумную власть ничему не научит (если журналист хотел бы быть учителем власти). А вот верность жизни, умение выскрести правду жизни, власть, по-моему, учило и учит. Любую власть. Законную.

6. Определимся с термином «гражданственность». Что он подразумевает? Почему бы не говорить о «гражданственности» гражданина – националиста? Гражданина – ксенофоба? Гражданина – шовиниста? Всякая гражданственность подразумевает благородство и служит благим целям? Мне думается, что авторы анкеты зачарованы приговором приснопамятного классика Некрасова: «быть обязан». Некрасовские «гражданины» довели страну до ступора и маразма. В ту сторону?

Гражданин – это не качество благоподобного человека. Профессионализм куда более уместная позиция. И объясняет всё. Если я правильно себя понимаю и оцениваю, мои требования профессионализма все реже и реже входят в конфликт с моей гражданской позицией. Не следовало бы абсолютизировать эту пресловутую гражданскую позицию и приписывать ей добродетели, которые ей самой не снились. Консерватор хуже радикала? Социалист лучше либерала? Все они гордятся своей активной политической позицией, приистекающей из гражданской. Сосновый бор живет по своим правилам и зако-

нам, хотя поверху шумит ветер и колышет кроны. Жизнь страны и общества ткот обыватели, и это прочная ткань жизни. Хотя наверху всегда много пены, пафоса, неумеренного политиканства, похожего на страсть жизни. Всегда следует оглядываться на жизнь и отдавать ей предпочтение. Жизнь, понятно, скучнее, медленнее, прискорбнее, но только она прячет зерно истины.

Наверное, это трудное искусство. В любом случае – журналист практически всегда: «выходец» из народа. В том смысле, что из народа вышел и никогда уже не вернется. Он сбоку, сверху, редко – изнутри. Он автоматически смотрит на жизнь глазами своего статуса, своей социальной прослойки. Он часто – неосознанно – не может понять жизнь, других, жизнь других, но стойко убежден, что может владеть истиной, как легкодоступной девицей. Этот зазор неизбежно существует. И, кстати, ясная, четкая, определенная, т.н. гражданская позиция отлучает его от жесткого мяса жизни.

7. Реальные отечественные обстоятельства, как существование планеты Земля, от морального выбора одного человека не зависят. Но «моральный выбор» объемнее «реальных обстоятельств». Не надо подталкивать журналиста в дурдом. Проект (дискуссия) делает попытку отлучить журналиста от сущного.

Е. Егорова

«...ТЕЗИС О ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИИ К ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПРИМЕНИМ С РЯДОМ ОГОВОРОК, НО ВСЕ ЖЕ ПРИМЕНИМ»

1. Более адекватно миссию журналистики выражает, мне представляется, вариант, представленный во второй колонке профессии. На мой взгляд, Богомолов, говоря, что сейчас формируется новая особая – «офисная» – субкультура, абсолютно прав. Причем эта культура имеет развитие не только в сфере СМИ, а повсеместно, во всех профессиях. И не лжет хулиган российской эстрады, Шнур, в песне «Менеджер» о деятелях этой (и не только этой) профессии. Насмешливо хрипит он со сцены: «О, да, ты работаешь в офисе, ты, парень, крут». Очень актуально, особенно касаясь трактовки роли СМИ как сервиса, ибо «сервисные» работники остановили свое развитие на стадии ремесленничества, тогда как ремесленничество – это только срединная стадия, следующая за ученичеством. И эта «офисная», в самом ругательном смысле этого слова, направленность – есть, на мой взгляд, не что иное, как проявление лени, облаченное в словосочетание «сервисная профессия». И мудрое выражение о том, что инициатива наказуема: «не делайте, если Вас не просят» – в отстаивании позиции «сервисного обслуживания» может быть *только неLOYALным* аргументом. Потому что слоган «Упростить! Долой творчество!» на незримом флаге журналистов, выступающих за «обслуживание» и только, не сподвигает на высокопрофессиональную трудовую деятельность, провоцирует безучастность публики к происходящему в мире и нежелание «обслуживающего персонала» делать что-то больше того, чем их попросили / им приказали.

Зачастую интерес у публики к абстрактному «чему-то» возникает после того, как они это «что-то» увидели, узнали, услышали о нем. «Сервисная» же профессия предполагает, что журналисты будут, как по заказу, искать те материалы, которые нужны публике, и писать то, что нужно публике, а не правду. Но задача угодить вытесняет одну из самых основных функций журналистики – просветительскую. И пока работники СМИ будут давать информацию, которую желала знать аудитория (а Земля не остановила своего движения, технологии – развития, и люди не прекратили своих деяний), в это время будут происходить события, знание которых необходимо аудитории (для ее же, возможно, безопасной жизнедеятельности). И как аудитория узнает о том, что ей необходимо? Исключать творческую индивидуальность (как предлагает Бершидский) – значит лишать себя одного из инструментов профессионализма, который помогает лучше донести информацию, преподнести материал читателю (слушателю, зрителю).

2. Считаю этот тезис довольно справедливым. Планка профессионализма журналиста высока, но высока она вовсе не для того, чтобы до нее дотянуться, встав на цыпочки,

и руками сбить пониже, а затем, чтобы закрепить ее болты и перепрыгнуть, достичь нужной высоты, а достигнув, вновь повесить уровень.

«Информационные услуги» в отношении общественно-политической журналистики очень уж *услужливостью* пахают. И кто сможет определить грань: где место бизнеса, коммерции, а где – благородной, высокой профессии.

На мой взгляд, священник, врач, адвокат, журналист и спасатель – это те профессии, представители которых должны отстаивать интересы клиента/аудитории до последнего. Кто учился на эти специальности – знали куда шли. Но все же, я считаю, что *всегда* заботиться *только о других* и *постоянно* думать *только о чужом* благосостоянии – нелепо. Что случится, если спасатель, станет заботиться о своих «клиентах», работая дено и ночью, не высыпаясь и не давая своей душе и своему организму отдыха? Он придет на работу и просто не сможет спасти очередную жертву потопа/пожара/обострения шизофрении – и не оправдает своего выбора. А если, наоборот, станет заботиться только о себе, любимом – будет бесполезен в своей профессии.

Тезис о высокой профессии к отечественной журналистике применим с рядом оговорок (правительство, особенности характера человека, специфические ситуации...), но все же применим. Я уверена, что забота о себе и об аудитории вполне совместима, только качество этого совмещения зависит от самого журналиста. И большую роль играет то человеческое, что живет в каждом профессионале, потому что, на мой взгляд, в большинстве своем именно от человеческих качеств зависит наличие чувства гражданственности или его отсутствие. И будет ли журналист ставить во главу угла *долг*, *возможность* или их *органичное совмещение* – это тоже дело сугубо личное, зависящее в первую очередь от характера человека и только потом от уровня его профессионализма. Человеческий фактор играет большую роль и в скорости приобретения навыков, умении ими пользоваться, в подъеме по ступеням лестницы карьерного роста и в получении оправданного, заслуженного «народного звания» профессионала.

3. Наиболее адекватный смысл, на мой взгляд, несет в себе второе суждение: «Речь идет о том, что и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность». А с суждением третьим я соглашусь, если внести в него уточняющую поправку (курсивом) «Речь идет о личном гражданском мужестве журналиста (*как правозащитника интересов общества*), самоотверженности в отстаивании своей позиции».

Очень понравилось само определение – *соучастник*. И действительно, я всегда считала, что журналист и аудитория, это партнеры, соучастники, сотоварищи одного дела. И если задача аудитории – «производить» новости, то партнерская миссия журналиста – сообщать о наиболее важных новостях, анализировать и преподносить результат своего «мозгового штурма» как возможный вариант одной из множества точек зрения, рассказывать о новинках техники, просвещать, предупреждать, развлекать.

4. Затрудняюсь точно ответить на этот вопрос, т.к. в «сервисной» модели профессии я нахожу место для гражданской позиции, а с вариантом «а» могу согласиться только отчасти, ибо провозглашать заботу об интересах потребителя с точки зрения рыночного подхода как раз цинично. Забота об интересах потребителя бывает разной, отбор – какую заботу проявить нужно, какую нет – это и есть проявление гражданственности. Вы знаете, о чем попросит Ваш читатель/зритель/слушатель? Уверены? Дадите гарантию? Интерес потребителя (некое абстрактное большинство) уже около трех лет, к сожалению, составляют порно, мода и насилие. В американском кодексе этики есть такой пункт (V. 3.): «Средства массовой информации не должны потворствовать болезненному любопытству к деталям преступлений». Я считаю, что в кодекс этики российских журналистов пора внести такой же пункт, с добавлением: внести запрет на болезненное, даже животное любопытство к извращенной физиологии и безмозглое стадное следование моде, провозглашаемое TV.

5. В старой сказке про кувшин молока и двух лягушек, упавших в него, для меня героем была лягушка, взбившая лапками молоко в сметану, выжившая лягушка. И поэтому результат моего выбора между действием и бездействием очевиден: «Честное исполне-

ние гражданской миссии журналистики как высокой, а не «сервисной» профессии и кодекса журналистики не возможно сегодня без гражданского мужества журналиста».

С другим высказыванием я могу согласиться только в первом предложении, потому что это факт, а факт – не тезис и его нельзя оспорить. В отличие от второго предложения: «Люди должны просто работать»? – спорно. Да, когда от журналиста *каждый раз* требуется гражданское мужество, *чтобы просто выполнить свои профессиональные обязанности*, – это чудовищно, но это так, и как бы ни прискорбно это было признавать, я всегда помню в *какой* стране, в стране с *какими законами* я работаю, и грустно порой от этого становится, несмотря на то, что считаю себя патриотом.

6. Готова разделить это суждение. Я бы даже сказала, что гражданственность без профессионализма не только бессильна, но попросту нелепа, а профессионализм без гражданственности – это страшно.

В моей практике ситуации конфликта гражданской позиции и требований профессионализма, так, чтобы меня касалось непосредственно, напрямую, не было. Но я была наблюдателем ситуации профессионализма без гражданственности, и, если честно, столкнувшись с такой ситуацией, немного растерялась, но после играла роль некоего «подстрекателя» на более разумные и гуманные деяния. Немного, но все-таки у меня получилось показать человеку, что гражданственность – составляющая профессионализма. Что было в дальнейшем, я не могу сказать, потому что не знаю, продолжает ли этот человек свою деятельность в СМИ.

7. Меня не раз называли идеалистичным человеком, хотя я не идеалист, не романтик, отнюдь; я практик с реалистичным взглядом на вещи. Но к своей профессии отношусь так, словно моя задача – не только сделать свою работу профессиональнее, работу СМИ продуктивнее, но и мир лучше.

Проблема поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в российских условиях стоит остро. Но, как я считаю, ее решение напрямую связано с проблемой морального выбора журналиста. Как, не поступаясь моралью и совестью, быть успешным профессионалом? – каждый представитель СМИ (да и не только), желающий быть профессионалом, не раз задавался этими вопросами. А ответы на колкие вопросы о моральном выборе существовали всегда... для тех, кто их искал.

Совершаемый журналистом выбор, основанный на внутренних убеждениях, принципах, табу, принадлежит ему и только ему: насущное или должное. И я убеждена в том, что категоричное соблюдение «должного» на хлебе и воде – это фанатизм, только насущного – цинизм, а поиск «золотой середины» – это и есть поиск в сфере моральной самоидентификации. Поэтому поисками в этой сфере заниматься не только нужно, а просто необходимо, *тем более* в наших отечественных условиях. Да, в отечественных условиях к этому стремиться сложно, но, с другой стороны, никто и не говорил, что будет легко. Для тех, кому журналистика кажется непосильным трудом, есть масса других замечательных, не обремененных моральными терзаниями, профессий: дворник, зеленщик, почтальон, рисовальщик полосочек на асфальте, можно пойти даже в депутаты – там тоже проблема морального выбора сведена на нет.

В.А. Кабакова

«...ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, КАК ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЗАЛОЖЕНА В ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ»

1. Выдвинутые в этой дискуссии точки зрения на современную суть журналистики, на мой взгляд, малоубедительны. Например, сторонник позиции «журналистика – сервисная профессия» Бершидский считает несовместимыми читательский «заказ» и творческую индивидуальность. Если это общественный, социальный, заказ, а не коммерческий и не политический, то творческая индивидуальность, я думаю, не является помехой. Чем журналиста, обладающего творческой индивидуальностью, может оскорбить вопрос читателя, его предложение обсудить ту или другую тему? Да, журналистика, по мнению

А. Венедиктова, не предмет самовыражения, но и вычеркивать самовыражение из профессии тоже вряд ли стоит. Для многих журналистика – предмет самовыражения, и это хорошие журналисты, профессионалы. Здесь нет конфликта.

Непонятно и другое противопоставление: божий дар – любопытство и честность. Почему пропуском в журналистику не может служить любопытство и честность?! Почему не назвать сегодня божьим даром любопытство и честность?! Наверное, не только в нашей редакции на планерках редактор твердит журналистам: «Будьте любопытны!». Многие уже состоявшиеся в профессии журналисты признаются, что их привело в журналистику именно любопытство. А уж с сожалением говорить о таком «пропуске», как честность... Думается, что автор данной позиции скорее противопоставляет журналистику советского периода, – когда в ней очень сильная была литературная сторона и практически отсутствовала информационная, фактологическая, – журналистике современной.

Но я бы не отождествляла современную информационную журналистику с сервисной, как предлагают ее называть некоторые участники дискуссии на страницах прессы. Это разные вещи. Информация – первый и важный кирпичик любого другого жанра журналистики. Другое дело, что сегодня информационная журналистика сузилась до сбора информации и этим ограничилась. Более того, по словам В. Кичина, методы информационного жанра «пытаются выдать за универсальные», не вспоминая при этом о социальной миссии журналистики, в арсенале которой информация – далеко не единственный жанр. Собрать и писать «холодно безразличные тексты» (Лошак) проще и быстрее, чем их анализировать и делать выводы. И ответственности меньше. В этом смысле журналистику, наверное, можно назвать «сервисной», хотя мне понятнее термин В. Кичина – «офисная».

2. Термин «информационные услуги» в журналистике лучше употреблять в редакционных отделах рекламы, там, где продается площадь газетной полосы, но не собственно в редакции. В редакции уместнее говорить о качестве информации (профессионализме журналиста), от которой зависит число читателей-подписчиков, а значит благосостояние газеты и ее сотрудников.

Как *высокую* свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как высокие. Профессия высокая, но отношение к ней разное. Просто сегодня журналистов (наверное, так же, как врачей, педагогов и т.п.), которые считают свою профессию бизнесом, больше. А тех, кто относит свою профессию к высокой, намного меньше. По-моему, есть и промежуточная группа, которая является носителем и первого, и второго отношения к профессии, при этом соблюдающая определенный баланс.

3. Адекватен ли для выражения «гражданственность журналистики» такой смысл: *личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции?* Нет. Эти требования характерны для многих других профессий и вообще могут характеризовать скорее личные качества человека.

Адекватен ли для выражения «гражданственность журналистики» такой смысл: *журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества?* А при чем здесь гражданственность, если это правила профессии, правила ремесла? Гражданственность, как представляется, заложена в профессионализме (а это не только правила ремесла, но и понимание мировоззренческих оснований журналистики, в первую очередь социальной миссии и социальной ответственности), какой смысл говорить о гражданственности отдельно?

Для выражения «гражданственность журналистики», по-моему, наиболее адекватен такой смысл: «и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность».

Такое соучастие очень важно, даже если тебя лично какая-либо проблема не очень-то волнует. Более того, в нашем обществе журналист должен быть не только соучастником, но и инициатором осмысления, актуализации какой-либо общественной проблемы, потому что общество, по большому счету, все же пассивно, мы только учимся быть гражданами. А журналист несет социальную ответственность, поэтому должен быть дальновиднее.

4. В том и другом подходе есть свои «плюсы». Достоинство прагматичного, «чистого» рыночного подхода в том, что он требует высокого профессионализма от каждого журналиста редакции. Чтобы газета хорошо продавалась, надо ее качественно делать. При этом и общество должно прийти к такому же уровню потребностей. Но это вовсе не означает сведение журналистики к сервису. Хотя наш рынок диктует именно сервисные отношения с потребителем: в таблоидной прессе все на потребу – но не общества, а массы. Поэтому нет места и гражданской позиции журналиста.

5. Думаю, что в реальной практике ситуации, в которых «честное исполнение гражданской миссии журналистики как высокой, а не «сервисной» профессии не возможно без гражданского мужества журналиста», – большая редкость. А чаще всего этим тезисом – со ссылкой на опасность профессии, давление со стороны власти, диктат владельца и т.п. – пользуются те, кому просто лень в чем-либо разбираться. Ведь в нынешних условиях это хлопотное занятие: только одно общение с чиновниками отнимет уйму времени, бумаги и нервов.

Зная, что бывает с журналистами, которые вторглись в какие-либо финансовые и политические интересы, мы начинаем избегать любой трудности, часто оправдываясь известными нам преступлениями против журналистов. Но журналисты должны просто работать, знать свои права и обязанности, если хотите, понимать свою профессию как *высокую*, и тогда не придется каждый раз думать о гражданском мужестве.

Повторю: в большинстве случаев чтобы честно выполнять свои профессиональные обязанности, можно обойтись и без гражданского мужества, достаточно профессионализма.

6. В общем, согласна с суждением «Гражданственность журналиста без профессионализма декларативна, бессильна; профессионализм без гражданственности – ремесло циника». Свое мнение по поводу гражданственности и профессионализма высказала выше.

Не припомню в своей практике ситуации конфликта гражданской позиции и требований профессионализма.

7. Если мы занимаемся этими поисками уже несколько лет, значит, стоит. Одним из нас это позволит хотя бы не забыть о том, что на самом деле представляет из себя его профессия. Обсуждение профессиональных проблем на семинарах – один из способов саморегулирования журналистского сообщества. А наличие инструментов саморегулирования – признак не только профессии, но и самого сообщества.

А.Г. Носиков

«...ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ “ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИИ” БИЗНЕСУ – ЭТО ОТГОЛОСОК НАШЕГО “СОВЕТСКОГО” ПРОШЛОГО»

1. Безусловно, журналистика в большей степени стала сервисной профессией. Сейчас на уровне теоретиков и практиков журналистики идет спор о том, является ли журналистика вообще профессией. Сторонники позиции «журналистика – ремесло, а не творческая профессия» считают, что профессия предполагает наличие фундаментальных знаний, а таковых в журналистике нет. Так или иначе, журналистика – это работа, востребованная на рынке, а следовательно – оплачиваемая. И характер этой работы, ее «сервисность», обусловлена трудовыми отношениями (по закону журналистом признается лишь работник, заключивший трудовой контракт с редакцией СМИ). В отличие от советского времени, когда у всех граждан был один работодатель в лице государства, в рыночной экономике СМИ являются субъектами хозяйственной деятельности, то есть осуществляют предпринимательскую деятельность, удовлетворяя потребности людей (читателей, рекламодателей). Соответственно, спрос на журналистику определяется интересами читателей, телезрителей, радиослушателей. Чем больше редакционная политика

СМИ отвечает запросам аудитории, тем шире сама аудитория (тираж, рейтинг), соответственно, больше рекламные бюджеты. Подход «СМИ – это бизнес» предполагает, что работа журналиста в конечном счете подчинена главной цели коммерческой организации – получение прибыли за счет продаж и рекламы. Соответственно, какой бы смысл ни вкладывал журналист в свое «высокое предназначение», он вынужден исходить из того, что его материалы должны быть интересны читателю, в противном случае он не станет покупать газету, а рекламодатель давать в нее рекламу.

Если СМИ работает не в рыночной среде, то есть обслуживает интересы учредителей или спонсоров (самый распространенный вариант – органов государственной власти и местного самоуправления), то «сервисность» журналистики выражается в реализации информационной политики «заказчика» (обычно в таких случаях применяют термин «сервильность»). Конечно, эту работу уже трудно назвать журналистикой – как раз такой «сервис» не приемлем, так как происходит подмена понятий. Информационное обслуживание органов власти или компаний – это больше реклама, чем журналистика.

Мне более близка кратко сформулированная позиция Венедиктова.

2. Противопоставление «высокой профессии» бизнесу – это отголосок нашего «советского» прошлого. Мы до сих пор считаем, что бизнес – это что-то низкое по стилю, общественно незначимое, корыстное и циничное. На самом деле в обществе, провозгласившем экономические и политические свободы, разнообразие форм собственности и организационных форм хозяйственной деятельности, бизнес – это чуть ли не единственный источник социальных благ (рабочих мест, доходов, бюджета и т.д.). Бизнес – это сфера удовлетворения потребностей, люди продают друг другу то, что способны создать. Деятельность средств массовой информации (а, как мы знаем, они создают рабочие места для журналистов, делают журналистику профессией) – это тоже производство товаров и оказание услуг. Если врач государственной больницы берет взятку – это плохо, но если врачи кооперируются в предприятие для оказания платных медицинских услуг в соответствии с законом – это не должно восприниматься как отказ в служении обществу и тем более как нарушение клятвы Гиппократова.

Заметим, что ориентация редакции на прибыль, а журналиста – на хороший гонорар вовсе не исключает того, что мы называем «высокой гражданской позицией», скорее всего даже наоборот – читатель (зритель, слушатель) высоко ценит объективность, журналистскую смелость, – это вызывает уважение, доверие, а доверие со стороны аудитории – необходимое условие для долгосрочного медиабизнеса.

3. Гражданственность – это, конечно, ориентация на интересы общества, а не на личные или групповые интересы. Кодекс журналистской этики предполагает, что информацию следует рассматривать как социальное благо, а не предмет потребления. Но это вовсе не противоречит рыночному характеру медийной деятельности, так как социальные блага не возникают сами по себе, они создаются людьми и имеют свою цену. Нередко гражданская позиция журналиста вступает в конфликт с интересами государства, политической элиты; и в таких случаях велик соблазн отступить от собственной гражданской позиции. Но, как это ни странно звучит, проявление гражданственности – это тоже условие для рыночного выживания в силу публичности профессиональной деятельности журналиста (вспомним о том, что доверие к СМИ – одно из важнейших условий успешного медиабизнеса). Чем более очевидна обусловленность редакционной политики групповыми или персональными интересами, тем ниже уровень доверия. Соответственно, чем ярче выражена профессиональная самостоятельность в сочетании с гражданской позицией – тем выше уровень интереса к изданию. Это видно на примере самого прибыльного издания, ориентированного на социально значимую (политическую, экономическую, общественную) тематику – газеты «Коммерсантъ».

4. Разделяю суждение: «Характеристика журналистики как “сервисной профессии” не так уж и цинична. Несомненное достоинство такого прагматического, рыночного подхода – в заботе об интересах потребителя».

Нельзя согласиться с тем, что при понимании журналистом своей профессии как *сервисной* нет места для гражданской позиции. Разве не может быть гражданской пози-

ции у пилота, официанта или банковского клерка, или у представителей других сервисных профессий? Случается, что представителям и этих профессий доводится проявлять гражданскую позицию при исполнении ими профессиональных обязанностей. Гражданская позиция не мешает исполнению трудового контракта. Ни в одном трудовом контракте не оговаривается, что журналист должен замалчивать или искажать информацию, согласовывать свои материалы с какими-то должностными лицами и так далее. Более того, существует статья уголовного кодекса, согласно которой понуждение к распространению или к отказу от распространения информации расценивается как преступление и преследуется по закону. Выражение собственного мнения – это тоже, по сути, распространение информации.

5. Журналист не должен проявлять личное мужество для того, чтобы выполнять свои профессиональные обязанности. Один криминальный авторитет, когда ему доложили о том, что некий журналист под него «копает», спокойно заявил: «так ведь это его работа». Профессиональные риски журналиста обусловлены тем, насколько общество разделяет ценность права на информацию и готово – наряду с другими правами и свободами – защищать эту ценность всеми средствами, в том числе силовыми (правоохранительными). Если в обществе существует нетерпимость по отношению к попыткам цензуры, к ограничению информации, и эта нетерпимость выражается в эффективном реагировании государственных органов и общественных институтов на подобные проявления, то личного мужества от журналиста не потребуется. К сожалению, в России люди пока плохо осознают ценность права на информацию. Этим пользуются государственные чиновники и политики, ограничивая свободу информации и манипулируя таким образом общественным мнением. В этих условиях журналисты часто вынуждены пасовать перед теми, кто заинтересован в ограничении информации, видя незаинтересованность общества в реализации его прав, носящих декларативный характер.

6. С тезисом «Гражданственность журналиста без профессионализма декларативна, бессильна; профессионализм без гражданственности – ремесло циника» можно согласиться, пожалуй, если исходить из ранее озвученного тезиса о том, что сервисный характер профессии не мешает гражданской позиции. В разговоре об этике журналиста часто приводят такой виртуальный пример. Журналист, беседующий с министром обороны, заметил на его столе приказ об объявлении войны. Как он должен поступить? С одной стороны, его профессиональная роль обязывает сообщить людям о готовящейся войне. С другой – он разгласит государственную, военную тайну и нанесет вред своей стране. Я бы сказал, что журналист должен сообщить общественности о планах министра, но не потому, что это его священный профессиональный или гражданский долг, а по более прагматичным причинам: с таким министром, который в присутствии посторонних оставляет на столе секретные документы, войну не выиграть, значит, вред будет куда существенней, чем от разглашения тайны.

То есть не всегда конфликт профессиональной роли и гражданской позиции носит деструктивный характер. В моей практике был случай, когда мне пришлось пожертвовать профессиональными правилами в пользу гражданской позиции. Например, записывать разговор с собеседником на пленку, не предупреждая его об этом, как предполагает закон о СМИ. Мне это было необходимо для того, чтобы получить документальное подтверждение, что моя информация достоверна. Однако суд эту пленку доказательством не признал, а на юридическом языке недоказанная правда есть ложь (по закону доказательства, добытые незаконным путем, таковыми не считаются). В то же время воспроизведения диктофонной записи в суде было достаточно, чтобы убедить общественность в правоте газеты. С профессиональной точки зрения я поступил неправильно, так как редакции пришлось опубликовать опровержение. Но читателю было понятно, что опровергаемые сведения не являются ложными.

7. Я считаю, что линию между этичным и неэтичным в журналистской профессии проводить не стоит, так как она довольно четко проведена законом. Закон запрещает журналисту лгать, оскорблять честь и достоинство человека, наносить урон деловой репутации, разглашать охраняемую законом тайну и т.д. Попытка подключить другие регуляторы поведения журналиста ничего хорошего не принесет. Обратите внимание, какими аргументами пользуются политики в попытках ограничить свободу слова и массовой ин-

формации. Интересами безопасности или защитой нравственности. То есть обществу навязывается тезис о том, что и правдивая информация может ему навредить, что «все знать» – не в его интересах. Фактически это ведет к цензуре. Есть ли необходимость в этих условиях задействовать еще механизмы «самоограничения», «самоцензуры»?

Е.О. Кох

«...МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧЕСТНЫЙ ЖУРНАЛИСТ ВСЛУХ ГОВОРИТ “СЕРВИСНАЯ”,
НО ПРО СЕБЯ ВСЕ-ТАКИ ЗНАЕТ, ЧТО ГРАЖДАНСКАЯ»

1. Я с большим интересом слежу за этой дискуссией, которая особенно обострилась во время перезапуска «Огонька». С самого начала понимала, что мне трудно определить, на какой я стороне. Тезисы Лошака и его единомышленников принимаю эмоционально, с тезисами «коллективного Бершидского» во многом трудно не согласиться, потому что его позиция логична и последовательна. Определиться помогает результат. Благо, можно сравнивать один и тот же продукт – «Огонек», который был при Лошаке, и «Огонек», который сделал Бершидский. «Лошаковский» огонек был весьма неровным, там часто можно было встретить небрежность. Это резало глаз, но «Огонек» я время от времени покупала. С профессиональным интересом следила за тем, что делает Бершидский, что-то оценила (хорошо придумал). Но как только с форматом стало «все ясно», я перестала покупать этот журнал. Лично мне он показался не очень интересным. То есть своей сервисной роли он не выполняет по отношению ко мне как потребителю. Я ведь хочу, чтоб мне интересно было. «А почему мне неинтересно?» – думаю я? Ответ, который, возможно, верен, а возможно и нет: потому что неинтересно журналистам, которые его делают. Может быть, они честные и любопытные, может быть, у них есть «навыки», может быть, интересы читателя изучены и просчитаны – не знаю. (Кстати, уже после того как я дописала до этого места, выяснилось, что Лошак в редакцию «Огонька» возвращается. Я поспешила обрадоваться, но оказалось, что за возвращением – скупка изданий лояльными Кремлю структурами. Получается, что «сервис» был попыткой дать изданию финансовую независимость, без которой долго не может быть независимости настоящей. Теперь вернется Лошак – творить высокое. Но под надзором. В том, что это возможно, я не уверена. Впрочем, это только поспешное предположение, надо смотреть, что получится на самом деле.)

Теперь другой случай – Венедиктов, «Эхо Москвы». Он говорит: «Журналистика – не предмет самовыражения журналистов». Но достаточно на него посмотреть, послушать в эфире, чтобы понять: самовыражается человек на полную катушку. При этом об интересах потребителя не забывает. И вся радиостанция такая – видно, вернее, слышно, что людям в кайф работать. И что-то я не слышу интонаций «чего изволите», когда ведущие говорят со слушателями. Иногда бывает как-то даже очень наоборот.

Это похоже на парадокс, который любят правые: «Хочешь строить социализм – строй капитализм». Хочешь строить сервисную журналистику – строй гражданскую, хочешь гражданскую – строй сервисную.

2. В журналистике есть достаточно много «подотраслей», которым «высоты» ни к чему. Глянцевая журналистика, например. Там достаточно просто честного отношения к потребителю. Здесь «сервисное» отношение не опасно. Опасность «чистого сервиса» можно усмотреть в том, что журналист отказывается от социальных тем, потому что они мало кому интересны, не дают немедленной тиражной отдачи. Так ведь как напишешь, с другой стороны.

Как-то я брала интервью у психотерапевта о психологии труда. И он рассуждал о своей профессии (той самой высокой) и говорил, что для многих врачей выходом является разложение профессии на элементы. «Вот я врач, но заработать этой профессией не могу. Могу заработать в фармацевтической фирме. Но хочу остаться врачом. Что ж, я оставляю себе несколько часов практики, а в остальное время зарабатываю деньги».

Для журналиста иногда это тоже выход.

Опять же, само деление профессий на высокие и обычные кажется мне не очень корректным. Вот у меня муж представитель сервисной профессии – связист. То и дело ему приходится ночью подрываться на аварии (а то телефоны работать не будут). И следствием этого будет не только то, что родной «Уралсвязьинформ» недополучит каких-то прибылей, но и то, что бабушки «скорую» не вызовут. Если думать только о своей выгоде, работать ровно по контракту – пострадают люди. В любой профессии можно найти скрытую «высоту», свою этику, которая, может, и не всеми профессионалами разделяется и замечается, а со стороны и вовсе не видна.

3. Вариант «и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность», на мой взгляд, снимает противоречие между «сервисным» и «высоким». Если аудиторию волнуют некие проблемы – значит, она хочет о них читать, значит, «заказ» есть, значит, газету купят. А дело журналиста – разобраться в проблеме по-настоящему хорошо.

4. Я где-то посередине. Потому что рассуждение о «гражданском», «высоком» – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной неволеобязанности. С другой стороны, «сервисная» – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы.

«Сервисный» журналист и «Гражданин» в крайних проявлениях представляются одинаково отвратительными типами. Можно себе представить: один пафосный, пишущий «много, мутно и в разные стороны», оправдывающий своей гражданской миссией право сидеть у общества на шее и не задумываться о том, интересны ли читателю его опусы. Другой – прожженный циник, пишущий по выверенному шаблону – эдакий «Долларстрочка». И потом, иногда, даже довольно часто, «формат» (одно из священных слов для адептов «пластмассовой журналистики») – это последнее прибежище для бездарности. За словом «формат» (которое мне тоже кажется вполне серьезным, требующим уважения) часто прячется достаточно циничная, но популярная сейчас мысль, что потребители СМИ следует рассортировать для удобства «втюхивания» им других предметов потребления.

Мне кажется, честный журналист вслух говорит «сервисная», но про себя все-таки знает, что гражданская.

5. Мне ближе второе суждение: «Когда от журналиста каждый раз требуется гражданское мужество, чтобы просто выполнить свои профессиональные обязанности, – это чудовищно. Люди должны просто работать».

Мужество каждый день – это действительно экстрим. Он оправдан, может быть, в отдельных жанрах, для отдельных журналистов. В большинстве же случаев есть смысл говорить не о мужестве, а о принципиальности. Потому что рискует большинство журналистов не жизнью, не здоровьем, а максимум – карьерой.

6. Я даже не могу представить, каким образом гражданская позиция и требования профессионализма могут войти в конфликт. Ну разве что: как профессионал я должна думать о тираже, а значит, ставить в свою газету побольше криминальной информации, побольше кричащих заголовков. Но на самом деле, я как профессионал должна думать не о тираже как самоцели, а о том, как удовлетворить потребности своей аудитории. Умение оставаться интересным без «желтизны» – это и есть профессионализм.

Здесь еще такой аспект: в подтексте слова «сервисная» есть разрешение на равнодушие. Равнодушный автор, пишущий по шаблону, по схеме «как сделать интереснее», обречен на имитацию. А имитация скучна. Получается, что равнодушие в журналистике – непрофессионально. Как говорил Кинг, «К чистой странице нельзя подходить равнодушно». Это Кинг говорил – популярный автор, которого не упрекнешь в том, что он плохо обслуживает своего читателя. Правда, он говорил это о литературе, и «коллективный Бершидский» здесь мог бы меня поймать, ведь он как раз оговаривал разницу между литературой и журналистикой. Однако чтение – оно и есть чтение, у него есть свои законы, своя психология. И то, что читатель способен уловить настроение автора, – пусть подсознательно и неосознанно – медицинский факт. Можно, как советуют «сервисные», вы-

числять способы «бегства от чтения». Ну что ж, читатель рано или поздно научится обходить ловушки. При этом никто, конечно, не отменял понятия мастерства.

7. Да, эти поиски существенно отравляют существование. Но не одни мы такие несчастные. Между насущным и должным разрываются сейчас все – и врачи, и чиновники, и милиционеры. И, возможно, даже у парикмахеров и продавцов на рынке – свои невидимые слезы.

А.П. Мокроусов

«...ВЫСОКАЯ ЭТА ПРОФЕССИЯ ИЛИ НЕТ – КАЖДЫЙ РЕШАЕТ ДЛЯ СЕБЯ САМ.
А В НЕЙ САМОЙ, БЕЗУСЛОВНО, ВОСТРЕБОВАНО И ТО, И ДРУГОЕ»

1. Я бы осмелился предложить третью позицию, более уравновешенную.

«Чего изволите?» в нашей профессии изначально. Оно было всегда, только в советской журналистике относилось к тому, чьим органом было издание (а *чьим* оно органом было – некоторые помнят). И «обижаемая» сегодня публицистика, смыкание чистой журналистики с писательским ремеслом были продиктованы не чем-нибудь, а тем, что на журналистику возлагалась роль и пропагандиста, и агитатора, и *воспитателя* широких трудовых масс. Другими словами, это было все то же «чего изволите?».

Теперь «чего изволите?» адресовано тому, кому должно быть адресовано – читателю, зрителю, слушателю. Более того: те, кто имел отношение к печати в советские времена, наверняка помнят, что по-настоящему репортерская школа в СССР кончилась в тридцатые – власти был не нужен репортаж как реальная картина реальной действительности. Было некое подобие школы репортажа в «Комсомолке», был Евгений Рябчиков – но и только... Проще говоря, наличествовала другая крайность, когда журналистика самой собою тоже не очень-то была...

Что же касается «сервисной» или «высокой» профессии, то это как в любом деле: есть участковый врач-терапевт, замученный беготней, суетой и безденежьем. И есть Мастер, который САМ делает профессию высокой. Я бы не назвал Венедиктова, который ратует за сервисный характер своей профессии, *сервисмэном*. Он, простите, в каждом слове своем, в собственной практике доказывает обратное.

Любую профессию можно свести к ремеслу, а можно – к искусству. Может, скажете, что хороший сапожник – не творец? Высокая эта профессия или нет – это каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое. Как во всякой, повторюсь.

2. Ожидания общества понятны. Но, простите, я и от фермера могу потребовать удовлетворения народных потребностей в картофеле и капусте и возмущенно спросить у него: а чего это он завышает цены, если народ голодает?! Разве мы не требуем – и справедливо! – сегодня того же от нефтяников?

С другой стороны, и врач, и журналист, и даже священник при всей рутинности своей повседневной работы – а это так! – и в самом деле должны быть готовы к тем взлетам, когда профессия перестает быть профессией и становится миссией.

Тем не менее, просыпаться каждый день с мыслью о своей миссии и записывать в дневник как Мюнхгаузен: «сегодня совершить три подвига» – свидетельство скорее сдвигнутости, чем осознания величия собственной профессии. Это очень похоже на Козодоева из «Бриллиантовой руки» – в том эпизоде, когда он с плавками вместо флага шествует за мальчиком.

Помните таких людей – миссионеров? Они-то, может, и верили, что делают благое дело: превращают язычников в богопослушных христиан. Но давайте вспомним, кто шел ЗА или ВМЕСТЕ с ними: их называли конкистадорами, и благо они обращали в трагедию.

Итак: я возвращаюсь к своей «спокойной» третьей точке зрения, сформулированной в п.1.

3. Наиболее адекватна, по-моему, следующая мысль: и миссия, и технология про-

фессиионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность. Все остальное отсюда следует: и (в какие-то моменты) личное гражданское мужество (если общество не знает того, что знаете вы, а оно должно это знать – вопреки мнению, мягко выразимся, «верхов»), и личная вовлеченность в решение проблемы, и умение не заблудиться в трех соснах собственных убеждений и разглядеть за ними интересы всего общества.

Единственное, с чем категорически не соглашусь, – так это с мыслью, что гражданственность журналистики проявляется в концентрации журналиста на гражданской тематике. Вы что, откажете в праве называться журналистом Василию Пескову? Гражданская тема – это просто специализация, точно такая же, как специализация на медицине, поскольку здесь тоже есть сколь угодно возможностей для выявления и собственной гражданской позиции, и для проблематики, громко говоря, гражданского общества.

4. Позволю себе разделить с кем-то мнение, что характеристика журналистики как сервисной профессии не так уж и цинична. Но она не исчерпывающа.

И категорически не согласен, что при таком понимании профессии нет места для гражданской позиции журналиста. Изначально циничным может быть только журналист, который идет работать в издание не по убеждению, а потому что «больше платят».

Категорически также не согласен с тем, что гражданское мужество – это самоотверженность в отстаивании *своей* позиции. Сие скорее следует называть использованием служебного положения в личных целях. Как быть с человеком, который тоже имеет собственную точку зрения, но не имеет подготовки и возможностей, которые есть у журналиста? И не надо мне рассказывать, что журналист *аккумулирует* и т.д.: кроме аккумуляции, у него есть риск (или шанс?) раздуть, преувеличить или приуменьшить, раскрасить проблему собственным видением и прочая, и прочая.

Теперь насчет «не исчерпывающа». По большому счету, любая профессия носит сервисный характер, иначе бы ее, профессии, вообще не было. Все мы в той или иной форме служим друг другу. Это, напомню, отметил еще Аграновский в своем очерке из шестидесятых – помнится, он назывался «Официант». И, следуя все той же логике Анатолия Абрамовича, степень лакейства и степень порядочности в любой профессии зависит от самого носителя этой профессии – только и всего. Аргумент еще хуже: разве нет в журналистике лакеев, которые плюют в суп барину?

5. Разделяю точку зрения о том, что если от журналиста каждый раз требуется гражданское мужество, – это чудовищно. Люди просто должны работать.

«Честное исполнение невозможно сегодня...» – это гораздо в большей степени относилось к советским временам, хотя и тогда в нашей среде было достаточно много порядочных людей и отличных профессионалов.

Не без того: такое случается и нынче, но это, к счастью, не правило. А случается потому, что «жить в обществе и быть свободным от общества...» – и так далее.

Более того: случается такое и в странах с образцовой (для кого-то) демократией и свободой слова. И еще: не надо путать свободу слова и вседозволенность.

6. Готов. Если б мне это суждение не предложили, я его сформулировал бы сам. Что ж до примеров... Почему-то не могу припомнить случая, когда профессионализм приходил бы у меня в противоречие с гражданской позицией. Вернее так: гражданская позиция – это необходимый компонент профессионализма, и когда возникают какие-то противоречия, то это уже профессиональная шизофрения.

Примеры, примеры... Ну, вот вам пример: последние губернаторские выборы. Соблазнов было много, но тем не менее Радио-7 обошлось без так называемых «черных» технологий и не отдало явного предпочтения ни одному из кандидатов. Где-то недели через две после выборов газета «Тюменский эфир» опубликовала результаты опроса слушателей на предмет доверия в ходе выборов, и Радио-7 вместе с «Регион-Тюменью» (угадайте с трех раз, кто проводил опрос?) были признаны самыми объективными и неангажированными. Наверно, мы потеряли какие-то достаточно большие деньги, которые могли заплатить за вброс информации, но, по-моему, доверие слушателей выше любых денег.

Еще пример – из практики выборов в Госдуму. У нас на станции существует неписанный, но всем известный этический кодекс, и один из главных его пунктов – мы существуем, чтоб созидать, а не разрушать. Так вот: местный лидер одной из партий, руководитель очень известной в Тюмени юридической фирмы перед бесплатным прямым эфиром заявил нам, чуть ли не потирая руки: «Ну, сейчас я всех замочу: и Путина, и Собянина, и правых, и левых, и коммунистов впридачу!»

Ему вежливо объяснили: «У нас вы никого мочить не будете. Мы – и наши слушатели тоже!– хотим знать, не кто плохой (мы это и без вас знаем), а чем ВЫ хороши для того, чтоб за вас проголосовали».

Господин долго упирался и грозил судом. Отвечали мы ему просто: «Суд состоится потом, после выборов, а говорить нужно сейчас». Наступило время эфира, лидер сидел в студии, но мы гнали инструментальную музыку и не включали микрофон до тех пор, пока он не сдался.

Вы скажете, что, с точки зрения закона, мы были неправы? Да! Но с точки зрения нашей внутрицеховой совести – совсем наоборот, и мы были готовы ответить за свои принципы перед судом.

7. Стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации? Конечно, стоит! Другое дело, что не надо превращаться в пресловутую сороконожку и не надо подменять этими поисками сам рабочий или, если угодно, творческий процесс. А что этот поиск несет кроме шизофренического раздвоения сознания? По-моему, это очевидно: ясное осознание своего места в обществе – без самоуничужения, но и без мании величия.

В.Л. Строгальщиков

«...ЕСТЬ ЛИ В НЫНЕШНИЕ ВРЕМЕНА ОТДУШИНА ДЛЯ ТОГО,
КТО ВСЕ-ТАКИ ХОТЕЛ БЫ ОСТАТЬСЯ ЖУРНАЛИСТОМ,
НЕ ПОТЕРЯВ УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ И СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ?
ТУТ КАЖДЫЙ ВОЛЕН ВЫБИРАТЬ»

Ознакомившись с «Приглашением к участию» в экспертном опросе, я впал в некое уныние: сдается мне, что все изложенное в анкете под знаками вопроса уже не раз переговорено – так или иначе – при реализации прежних тюменских проектов по профессиональной этике журналистов. И вообще надо честно сказать, что означенная тема (гражданственность или сервисность прессы) в последнее время меня почти не занимает, ибо она есть только малая и производная часть глубинных общественных процессов, происходящих ныне в стране.

И все же. В тезисах для экспертизы понятия «гражданственность» и «профессионализм» стоят рядом едва ли не как синонимы, что представляется мне существенной натяжкой. Гражданственность и, скажем, такое яркое ее проявление, как правозащитная журналистика, с профессиональной точки зрения зачастую представлены весьма убогой прессой, косноязычной и тенденциозной, в то время как журналистика сервисная (или рыночная, как ее называют независимо от вида заказчика: власть, олигарх или толпа) дает нам многие примеры высококачественно и профессионально исполненной функции. Позволю себе неполиткорректную мысль, что в профессиональном плане квалифицированная «женщина по вызову» выглядит более убедительной, чем верная привычная жена, хотя известные «обязанности» они исполняют совершенно одинаковые, но – неодинаково. Пардон.

Так вот, отсюда и вопрос: чего народ-то хочет? «Супружеской» верности прессы (не обману, душой согрею, детей помогу вырастить и вообще смысл жизни придам, пусть этот «смысл» и скучноват, как всякая на свете правильная вещь) или приятных развлечений с пикантной прелестью мазохизма (ведь мы так любим читать про катастрофы и убийства, про воровство чиновников, миллионерские причуды и презрение власти к толпе...).

Мне представляется, что за 20 лет объявленной гласности так называемая правда (политическая, общественная) народу просто надоела, потому что «правды» было все больше и больше, а денег – все меньше и меньше. За два десятилетия власть от испуга перед бесцензурной прессой сноровисто избавилась и научилась сперва эту прессу игнорировать (собака лает, приватизация идет), затем прикармливать, а нынче и вовсе держать за кусок хлеба на жестком поводке. Особенно печальна судьба региональной журналистики; если в столице само наличие различных и богатых элитных групп неплохо кормит журналистов, то в массе регионов, и нашем в том числе, нет никаких элит и никакого олигарха, кроме власти как таковой, которая, в свою очередь, кормит только тех, кто функционально ей полезен. Пусть даже эти функции бывают весьма и весьма благородны, но сути дела это не меняет: кто прессу ужинает, тот ее и танцует. Вот и получается в итоге, что народу – не люблю слово «общество», ибо никакого общества у нас нет, – политизированная (читай: гражданственная) пресса стала не нужна, чем власть легко и с удовлетворением воспользовалась.

Как-то я спросил в одной аудитории: «Вы готовы платить за правду? Ну, скажем, по тысяче рублей в год (это бутылка водки в месяц)?». Суммарный ответ был таков: «Это слишком дорого... Да и за что платить? Правду мы и сами знаем».

И действительно: кто из нас не знает, что взятки ныне берут и представители самых святых ранее профессий, включая врачей и учителей? И милиция, и судьи, и сама пресвятая пресса. Кто не знает, что все вокруг воруют всё, что плохо или хорошо лежит? Кто не знает о растущей с каждым годом деньгоёмкости чиновника? Кто не знает о тысячах забитых насмерть родителями детей и сотнях тысяч беспризорников? Так ответьте же мне, уважаемые авторы проекта: какую еще правду, в том числе и о себе самом, хотел бы узнать наш народ? Чего же он такого главного не знает, что для этого ему опять нужна честная гражданственная пресса?

На первых местах в телерейтингах – скандальные ток-шоу и убудочный юмор «аншлагов». О газетах разговор и вовсе особый: вся так называемая «качественная» пресса давно бы умерла без денежной подпитки власти или к той же власти рвущегося бизнеса. На газетном рынке еще как-то держатся «желтые» издания, при всей своей показной независимости тоже живущие по принципу «чего изволите?». Только сервильный этот вопросик адресован не верхам, а плебсу.

В одном из предложенных для оценки тезисов есть такая подсказка: «Речь идет о том, что журналист связывает свою должность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества». А кто же мне (и людям) эти общие интересы сформулирует? Не набор общеизвестных банальностей, а конкретные интересы сегодняшнего и будущего дня, осознанные нашим обществом, признанные и внятно озвученные? «Обогащайтесь (или спасайтесь) кто как может?»

Из общества вслед за моральным кодексом строители коммунизма ушла мораль как таковая. Присущая религии и вере радость добровольного отказа от соблазна к нам так и не пришла и образовавшуюся пустоту не заполнила. Мораль еще осталась в личной жизни, в семье, в дружбе, хотя и здесь-то не всегда и не везде. Мы все, как разбившиеся и разбежавшиеся капли ртути, и я пока не вижу силы, способной нас собрать воедино. Исчезло ощущение страны, она сжалась до размеров предприятия, ларька, квартиры, где каждый занят мыслью: как бы перебиться лично. И эта опасная, но, увы, понятная мысль (выживаемость поврозь) нас до добра не доведет. И в свете этого огромного вопроса наши с вами рассуждения об этике-разэтике пишущей и говорящей братии...

Есть ли в нынешние времена отдушина для журналиста? Для того, кто все-таки хотел бы им остаться, при этом не потеряв уважения к себе и средств к существованию? Тут каждый волен выбирать. Приведу только один пример. Мой старший друг Виктор Семенович Горбачев в один прекрасный день бросил сочинять свои обзоры в «Тюменской области сегодня» (они были, кстати сказать, необыкновенно популярны) и с той поры написал и выпустил несколько документальных книг – о тюменских нефтяниках, моторщиках, строителях, нынче вот пишет про авиаторов наших. Он считает, что сохранить память о достойном – это крайне важно, и при этом не испытывает никакого (далее цитата из анкеты) «шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным».

«...В МОЕЙ ПРАКТИКЕ СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ
И ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА НЕ БЫЛО»

1. Начну с полного несогласия с тезисом авторов проекта о том, что сегодня происходит «кардинальная переоценка смысла профессионализма, гражданственности и их места в ценностном мире журналистики». Не замечаю я и обнаруженной профессором Бакштановским «заметной тенденции в трактовке природы журналистики – сведения профессионализма в журналистике к сервису ремесленника, умеющего создавать товар на потребу масс и продвигать его на рынок».

Любопытно, что, сколько живу, постоянно сталкиваюсь с этой проблемой: со стороны все кажется гораздо сложнее и страшнее, чем изнутри. Хотя заранее и соглашусь с теми, кто обвинит меня в том, что именно потому я абсолютно и не прав, что нахожусь в журналистике.

А что, скажем, 15, 20, 30 лет назад не было споров на тему «служить обществу» или «обслуживать» руководство КПСС, как представителя руководящей и направляющей силы этого самого общества? К тому же это право компартии руководить и направлять было закреплено в Конституции СССР, а все газеты (кроме «Труда» и «Литературки») были партийными органами, или изданиями, а их руководители поголовно – членами КПСС.

И что, журналисты не служили обществу? Еще как служили! Мало того, рьяно воспевающих «исторические» решения партсъездов, партплenums, цитирующих без конца партвождей журналистов не то, чтобы осуждали, но относились к ним как-то настороженно и прохладно.

Так что дискуссия о том, кто кому служит – вечная и совершенно не зависящая от времени, географии, государственного строя, политики и даже идеологии. Меняется только накал этих споров. То они идут тихо, кулуарно, нудно. А то, вдруг, выступит кто-то публично, да еще и ярко, зацепит за живое, заденет тонкие и легкоранимые струны души журналистов и «пошла писать губерния». И уж тут такие бои разворачиваются, что, действительно, стороннему наблюдателю начинает казаться, что какие-то вселенского масштаба изменения произошли в нашей корпорации.

Вот сейчас мы столкнулись именно с таким случаем обострения чувств, выплеснутых на страницы «Известий» и «Российской газеты». И опять та же песня: «журналистика – сервисная профессия» – агрессивно и холодно заявляет одна сторона. «Журналистика – это профессиональное служение обществу!» – эмоционально, с надрывом уверяет другая сторона. Итак, представители первой стороны пытаются нас (а вернее тех, кто вне корпорации и с волнением следит за тем, что же там внутри цеха происходит и как это отразится на состоянии гражданского общества и на демократических ценностях) убедить в том, что: «Читатель через редактора говорит репортеру: поди и принеси то, что у меня, читателя, нет времени выяснять самому. Сочинителю аналитических текстов: разложи по полочкам то, что у меня нет времени обдумывать. Щелкнув каблуками, репортер и аналитик удаляются. Только худшие из них остаются понять: а как же моя творческая индивидуальность? Потребитель знает, за каким товаром идет к газетному ларьку, а за каким – в книжный магазин» (Бершидский). Или, в том, что «журналистика была и есть сфера обслуживания читателей, а не предмет самовыражения журналистов» (Венедиктов).

Представители другой стороны темпераментно вопиют, что «...у журналистики, как и у любой профессии, должен же быть внутрицеховой иммунитет. Хотя бы для того, чтобы всех не судили по "пластмассовым мальчишкам". У нас такое ремесло, где "забывшим на всех" просто делать нечего. Вне зависимости от возраста» (Лошак). Или еще резче: «Позиция официанта с салфеткой через плечо им кажется более привлекательной. Она устраивает и тот круг читателей, которых они прикормили, – таких же ленивых, нелюбопытных и не желающих развиваться... Болезнь эта заразна, и круг растет – как читателей, так и их обслуги. Но радости тут мало: это деградация в масштабах общества» (Кичин).

Мой любимый вузовский преподаватель философии частенько во время семинаров, когда мы, студенты, в пылу спора уже готовы были сойтись врукопашную, вдруг останавливал дискуссию и, вызвав к доске наиболее ярких представителей сторон, предлагал им

написать, что они подразумевают под тем или другим используемым ими в споре термином. И по мере появления на доске их расшифровок, аудитория все громче и громче смеялась, поскольку под одними и теми же терминами спорщики имели в виду совершенно разный, порой противоположный смысл. И наш мудрый философ вбивал нам в головы совет: прежде чем спорить, договоритесь о терминах.

Мне порой кажется, что не всем так повезло с преподавателем. Если в той дискуссии убрать нарочитый цинизм первых и патетику вторых, то предмет спора исчезнет. Скажем, пойти и принести то, что нужно выяснить для читателя, слушателя, зрителя – это профессиональная задача репортера; как и раскладывать по полочкам – аналитика, а редактора – ставить задачи от имени читателя (а кого еще?). А ныть про творческую индивидуальность будет тот, у кого ее никогда не было. У профессионала она будет присутствовать вне зависимости от того, какое задание ему продиктовал читатель через редактора. А что касается самой дискуссии, то – еще раз подчеркну – это очередная, слегка взбадривающая корпорацию и слегка встряхивающая застоявшуюся интеллигенцию дискуссия ради дискуссии. Вспомним из школьной программы главку, про сторонников «чистого искусства». Эта – из того же ряда.

2. Ну, а теперь попробую разобраться с предложенным тезисом «о характеристике современной журналистики как высокой профессии» и вопросом о степени «адекватности этого тезиса применительно к отечественной журналистике».

Авторы проекта предполагают, что «использование выражений “сервисная профессия”, “информационные услуги” и т.п. применительно к журналистике, особенно – общественно-политической, весьма рискованно: слишком легко утратить разницу между высокой профессией и бизнесом, тем более, что бизнес на “сервисной профессии” применительно к журналистике легко оборачивается сервильностью». И аргументируют так: «к профессии журналиста, как и к профессиям врача, учителя, адвоката, священника, предъявляются особые – максимальные требования, в то время как, например, к продавцам, ремесленникам, фермерам и т.п. – гораздо более умеренные».

Для непонятливых еще и разжевывается чем вообще идет речь. «Например, от врача ожидают высочайшего, почти героического самопожертвования: для него недопустимо использовать профессию только как прибыльное занятие – врач должен прежде всего иметь в виду благо других людей. В то же время продавец, фермер или ремесленник могут принимать во внимание благосостояние других наряду со своим собственным».

Наверное, а скорей всего наверняка, в те времена, когда врачей было очень мало, больниц не было вообще, люди и приходили к ним в любое время суток, и они врачевали, поскольку врачевание было не столько профессией, сколько специфическим образом жизни со всеми вытекающими из этого плюсами и минусами. То же относится и к священникам. Об остальных, упомянутых для примера, профессиях я бы поспорил: не знаю, кто к ним предъявляет такие жесткие требования. Так вот, на мой взгляд, на селе и до сих пор ничего не изменилось. Врач там такой же, почти святой. Но, скажем, кому из граждан придет на ум требовать того же от врачей больницы интенсивного лечения, где поточно делают операции десятки хирургов?

Почти уверен, в районных газетах журналист и раньше, и сейчас отражает реальную жизнь и служит обществу. Не получится у него по-другому. У него все общество рядом, спустился с крыльца редакции и – вот оно. А в «больших» газетах все гораздо сложнее. И здесь многое, если не все, зависит от самого издания.

Согласитесь, в старом издании, где сохранился костяк профессиональных журналистов и где разговоры о моральных и этических нормах корпорации возникают постоянно, атмосфера особая. И она разительно, поверьте мне, отличается от той, которая существует в сотнях новых СМИ, в которых зачастую вообще нет журналистов. И там понятия не имеют об этих нормах. И разговоры о «высокой профессии» и «сервисной» настолько же нелепы, как в кружке кройки и шитья для домохозяек дискуссия о «высокой моде». И лично мне спорить с представителями таких СМИ не о чем, да и незачем. Они существуют – это факт. Их много. И какие из них, в конце концов, окажутся более востребованными, покажет время.

3. Честно говоря, для меня довольно сложной задачей в дальнейшей работе над экспертной анкетой оказалось выбрать нужный ответ из уже предложенных вариантов. Хотя при первом беглом прочтении анкеты мне показалось это самым простым из заданий.

Что, например, я должен выбрать из вариантов ответа на вопрос: «Какой смысл представляется вам наиболее адекватным для выражения “гражданственность журналистики”»? Мне ближе вариант под номером 2: «Речь идет о том, что и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность». Но, работая над материалом, журналист может столкнуться с тем, что адекватным будет любой из предложенных вариантов. А еще чаще невозможно вычленивать какой-то один из них и заявить: «Остальные мне чужды».

4. Не стал бы я столь категорично и скупо (только из двух формулировок) предлагать определиться с миссией современной журналистики. Почему я должен выбрать или вариант «А» («Характеристика журналистики как “сервисной профессии” не так уж и цинична. Несомненное достоинство такого прагматического, рыночного подхода – в заботе об интересах потребителя»), или «Б» («При понимании журналистом своей профессии как *сервисной* нет места для гражданской позиции журналиста»)?

Все гораздо сложнее, и без всякого внутреннего душевного раздора, каким-то образом оба эти плюс масса других понятий мирно уживаются и сочетаются в подходах журналиста к осмыслению той или другой темы.

5. И из скупо предложенных на выбор суждений: «Честное исполнение гражданской миссии журналистики как высокой, а не “сервисной”, профессии и кодекса журналистики не возможно сегодня без гражданского мужества журналиста» и «Когда от журналиста каждый раз требуется гражданское мужество, чтобы просто выполнить свои профессиональные обязанности, – это чудовищно. Люди должны просто работать».

На мой взгляд, журналист действительно должен просто работать. Но, соглашусь, бывают темы, ситуации, задания, требующие гражданского мужества (хотя, не думаю, что таким высоким штилем выражаются сами журналисты), и тогда это просто проблема профессионализма и человеческих качеств журналиста. И профессионал такие проблемы обязан решать.

6. Естественно, исходя из всего изложенного, я всецело разделяю суждение, согласно которому «Гражданственность журналиста без профессионализма декларативна, бессильна; профессионализм без гражданственности – ремесло циника». И, может быть, именно поэтому в моей практике ситуации конфликта гражданской позиции и требований профессионализма не было.

7. Заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших реальных отечественных обстоятельствах необходимо. Кроме «шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным» это может дать работникам СМИ, очень далеким от неписаных (да и писанных тоже) законов корпоративной морали и этики, хотя бы понимания того, что, во-первых, они вообще существуют, а во-вторых, что их придерживается большая часть профессионалов и их соблюдения требует думающая и авторитетная часть российского общества. Тот, кто считает, что этого мало, просто слабо разбирается в характере отношений внутри журналистского цеха.

К.В. Елисеев

«...НА ПЕРВОЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Я СТАВЛЮ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, А ЗАТЕМ – ГРАЖДАНСКУЮ ПОЗИЦИЮ ЖУРНАЛИСТА»

Позволю себе начать с преамбулы. Прежде всего, думается, необходимо определить характер проблемы противопоставления «сервисного ремесла» и «гражданственности» в содержании журналистского труда. В том, что это действительно *проблема*, нет

никаких сомнений. Более того, она связана с проблемой как свободы человеческой воли в целом, так и с моральным выбором индивида. С проблемой морального выбора между позицией равнодушного и позой «чего изволите?» вопросов, в общем-то, не возникает – перенос данной «антитезы» в плоскость индивидуального этического выбора предполагает объективную неразрешимость проблемы, ибо каждый выбирает свое.

Более глубокое понимание проблемы связано, на мой взгляд, с вопросом о возможности самостояния человека (или наоборот, его зависимости от внешних условий – Провидения, судьбы, социума и т.д.). Точнее говоря, спор идет о мере сопряжения воли человека высшему порядку. Достаточно вспомнить произведение Гавриила Державина «Бог», в котором отражен дуализм свободы/зависимости человека:

Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я бог!

Дуалистичностью пронизана и профессия журналиста: в ней достаточно ярко присутствуют черты как ремесленничества, так и творчества. С одной стороны, журналист более не может претендовать на роль «трибуна» в связи с известным феноменом «смерти Автора». Как известно, данный феномен не является чьей-то субъективной прихотью или манифестом некоей общественной группы. Действительно, даже не прибегая к сложным построениям философов-герменевтов и структуралистов, достаточно задать вопрос: что, собственно говоря, принадлежит *лично* журналисту, автору статьи, новостного сообщения, комментария? Обороты письменной речи, устоявшиеся журналистские штампы, слова, сам язык письма – все это существовало до него и «бытийствует» помимо его воли. Более того, сама событийная ткань, отраженная в материалах прессы и на телевидении, равно как и биографии, жизненные ситуации, отраженные в тексте, не являются уникальными – они объективно присутствуют в схожих и повторяющихся моделях изложения. Кстати, в данной связи весьма показательна традиция использования псевдонимов в журналистике, как показательно и то, что в современной прессе она постепенно отмирает. Если прежде автор, похоже, подспудно понимал, что «имя ему – Никто», то ныне в условиях конкуренции на медиа-рынке он судорожно цепляется за то единственное, что у него осталось – свое имя.

Позволю себе привести обширную цитату Ролана Барта, в которой, казалось бы, с абсолютной четкостью прослеживается мысль о «подчиненности» даже не автора, а его текста читателю. «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обладает единством не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»⁴.

Таким образом, фигура журналиста, характер его личных предпочтений, в том числе, «вымываются» из текста; данный процесс не в состоянии остановить ни одаренность автора, ни оригинальность его языка, ни кажущаяся «свежесть» высказанных им суждений. В данном дискурсе журналист онтологически оказывается «скриптором» – фигурой, составляющей компиляцию уже существующего из уже имевшего место ранее или помимо него. Добавлю, что в современной прессе широкое распространение приобретает практика «воздержания журналиста от суждений» – его мнение в комментариях и аналитических статьях уже никого не интересует. Журналист все более начинает «прятаться» за комментариями «видных политологов», «VIP-персон» и т.д. (особенно данный феномен характерен при разделении новостных материалов и комментариев – хотя сама практика подобного «размежевания» в целом не вызывает возражений).

На мой взгляд, «творческая функция» журналиста заключается совсем в другом. Для осознания истинной роли журналиста как «творца» необходимо обратиться к суждению Лейбница в его «Монадологии». Согласно философу, каждая сущность в мире, и в первую очередь человек, являет собой «зеркало Универсума». Подобным образом и СМИ (газета, информационный канал etc.) являются зеркалом отраженного в них бытия. Вопрос лишь в том, насколько адекватно и в какой мере они отражают окружающую нас реальность. Особенность феномена «прессы как зеркала», на мой взгляд, в том, что каждое

⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 390.

из СМИ в идеале отражает разные части окружающей действительности, которые, в свою очередь, не являются всеобъемлющей реальностью – *однако претендуют на ее место*. Кстати, проблема современных отечественных СМИ не столько в том, какую позицию они занимают – гражданственную или сервильную, – а в том, что они сообщают одно и то же (похоже, это родовая черта наших информационных каналов).

Пресса, телевидение и радио не могут отразить действительность во всей полноте: это объективно невозможно, так же, как невозможна гипотетическая попытка какого-либо исследователя рассмотреть историю минувшего дня в нашем областном центре: в лучшем случае у него вышел бы некий дайджест с оценкой наиболее значимых событий, в худшем – бессмысленная таксономия произошедшего за день.

Не в силах отразить окружающий мир во всей полноте СМИ (равно как и отдельный журналист) фактически *моделируют свое собственное событийное поле и, следовательно, свою реальность*, объективированную фактом появления на страницах газеты, в Интернете, теле- и радиоприемниках. Фраза «событие существует только тогда, когда оно появилось на страницах газет» кажется пародийной, пошловатой, но, тем не менее, в ней содержится некая правда... Журналист является не только артикулятором суждений, равно как мифов и штампов, объективно существующих в общественном сознании, он вольно или невольно становится соучастником конструирования «поля смыслов» и, в конечном итоге, некоей реальности, объективированной в газетном тексте.

Постоянно «проваливаясь» в заданность ситуации, языка и текста, автор любого материала оказывается, тем не менее, своеобразным «со-творцом Истории».

Другая особенность продукта журналистского труда заключается в парадоксальном эффекте его (продукта) востребованности. Новостное сообщение в газете имеет актуальность один-три дня. Максимум – неделю (если речь идет об экстраординарном событии). Комментарии, публицистика, суждения актуальны немногим больше. Затем – забвение, так как на смену идут новые номера газет и очередные серии информационных выпусков. Однако стоит эпохе, в которой присутствовал данный материал, стать историей – он обязательно будет «вытащен из-под спуда». Нет нужды объяснять, что газетные публикации всегда привлекали интерес архивариусов, историков и культурологов (хотя газетный текст занимает второе место после мемуаров по необходимости тщательной критики источника, это знает любой второкурсник исторических факультетов).

Именно по газетным статьям зачастую приходится сверять хронологию событий, определять смысл произошедшего, «искать дух ушедшей эпохи». Причем важно не только то, о чем автор сказал в своем материале, но и то, о чем он умолчал. Подчеркнем, что газеты, телевизионные новостные программы, давно ставшие хроникой, естественно, являются одними из огромного числа источников, доступных и необходимых историческому исследованию. Журналист, таким образом, становится необходимым звеном в понимании Истории, без него зачастую невозможна правильная реконструкция ушедшей реальности. В этом смысле становятся важными стиль, равно как и мифы, предрассудки и умолчания, содержащиеся в газетной статье, сама позиция журналиста, отраженная в его материале. Именно данные обстоятельства возвращают тексту автора.

В качестве предварительного краткого вывода можно заметить следующее: труд журналиста предполагает онтологическую «заданность», определенные условия, высвободиться из которых журналист не в состоянии. Труд журналиста во многом обезличен по указанным выше причинам. И это определяет некую подчиненность, «сервильность» его роли. Гражданская позиция работника СМИ заключается в степени его «ответа на вызовы времени», некоей противоположности греху («амартии», то есть «непопаданию в цель») равнодушия и нелюбопытства. Авторство и позицию журналиста сможет, увы, оценить лишь история.

А теперь о вопросах анкеты

1. Несомненно, чисто человеческую и профессиональную симпатию у меня вызывают суждения журналистов, находящиеся в правой колонке (Лошак, Богомолов, Кичин). Проблема лишь в том, что в обычаях отечественной полемики почему-то упрощать суждения противоположной стороны до крайности, а потом с этой «позицией» героически бороться. Действительность, как известно, не является черно-белой, а термин «сервисный» имеет много оттенков. (Кстати о булочнике, фермере и ремесленнике из пункта 2 данной

анкеты. Вспомним Адама Смита, который не без основания утверждал, что свежий хлеб на столе и добротные ботинки на ногах люди имеют не благодаря альтруизму булочника и сапожника, а, напротив, благодаря их эгоизму.)

Должен отметить, что мне близка и цитируемая ниже часть позиции «оппонирующего лагеря»: «...Пропуском в профессию служит не столько божий дар – это раньше без него не принимали в привилегированную касту, каковой почитали себя советские мэтры пера, – сколько любопытство и честность. Остальное – навыки. Тех, кто их *приобретет, любопытства и честности не утратит* (выделено мной – К.Е.), рынок дорого оценит».

2. На мой взгляд, ошибочно противопоставлять в профессии журналиста «гражданственность позиции» некоей «сервисной функции» или даже «сервильности», предлагая в качестве инструмента верификации коммерческий успех «функции обслуживания». История знает немало примеров, когда пропагандистская (то есть сервильная по определению) позиция не приносила абсолютно никаких финансовых дивидендов. Более того, даже политические выгоды от данной деятельности изначально были весьма призрачны. Один из ярких примеров – усилия идеологической машины СССР (следовательно и СМИ) по обоснованию поддержки «свободолюбивых и дружеских государств» (в том числе и таких, как режимы президента Насера и императора Бокасса).

Напротив, в определенные периоды истории гражданственность может стать прибыльным товаром. Вспомним, что в пореформенной России XIX в. одним из высокооплачиваемых литераторов был Н.А. Некрасов, финансовый успех которого во многом был определен востребованностью и большой популярностью его «гражданственной лирики». А что, если для выдающегося русского поэта его позиция была «всего лишь бизнесом»?

Мораль данной сентенции следующая: в работе журналиста важны в конечном итоге не мотивы его деятельности, а результат (хотя я осознаю, что «конечный счет» его работы – как «гражданской», так и «ремесленной» – не известен никому, кроме Господа Бога).

3. Я выбираю следующие суждения:

а) и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность;

б) речь действительно идет о личном гражданском мужестве журналиста, самоотверженности в отстаивании своей позиции.

Остальные три варианта суждений отодвинуты мной «на второй план» по следующим причинам: «приверженность идее» в журналистике зачастую сильно вредит профессионализму (в частности, любым возможностям объективного анализа явления и события); журналист самим фактом существования вступает в определенные отношения с обществом, так что артикулировать необходимость обращения «к интересам общества» – означает порождать глупейшую мегаломанию. Приведу цитату – «Невозможно сказать: "Сегодня я займусь Истиной". Это нелепо» (д.ф.н. Владимир Богомяков). Так и журналист не может заявить: «А займусь-ка я интересами общества!». Скромнее надо быть.

4. Оба суждения кажутся мне крайними, доведенными (естественно, с полемическими целями) до определенной степени абсурдности. Считаю: должна быть *позиция* журналиста – все остальное является частностями.

5. Сердцем склоняюсь к первому суждению. Главное лишь в том, чтобы мужество и принципиальность не перерождались в поиск «разоблачительных сюжетов» ради стремления прославиться, равно как и в «оппозиционность ради оппозиционности» (а данная модель поведения всегда была характерна для журналистики). Однако не премину подкинуть цитату одного из персонажей пьесы Бертольда Брехта: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях».

6. Готов разделить приведенное суждение с одним лишь дополнением: «профессионализм без гражданственности – не обязательно ремесло циника». Для градуса цинизма необходимо, чтобы профессионал был равнодушным и нелюбопытным. Что касается личной практики «сделок с совестью», то, как говорится, Бог милуеет. Во всяком

случае, либо (а) решение ситуации находилось в рамках корпоративной этики, либо (б) материал удавалось делать более объективным, то есть «поворачивать ситуацию на себя». В своей практике я полемизировал не с людьми, а со взглядами, которые вызывали у меня резкое несогласие.

7. Утвердительный ответ на поставленный вопрос подтверждает приведенный выше текст. Правда, мне непонятна ссылка на *реальные* отечественные обстоятельства. Не думаю, что окружающая действительность так ужасна. Все-таки хочу повторить: на первое место в современных условиях я ставлю профессионализм, а затем – гражданскую позицию журналиста. Профессионализм при этом – всего лишь инструмент. Станет профессионал холодным циником или, наоборот, автором, имеющим нравственный стержень, – зависит от личности журналиста. Каждый выбирает своё и выбирает индивидуально.

И.А. Пермякова

«...ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА БЕЗ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА – ПРОСТО ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ЧАСТНОГО ЛИЦА»

1. С термином «сервисная» профессия можно согласиться, если принять, что правозащитные материалы, разработка социальной проблематики, политическая аналитика, отслеживание развития гражданского общества и пропаганда ценностей такового – все это служит обществу. Читатель – это ведь не монолитная глыба, а слоистый пирог, причем слои постоянно в движении – они смешиваются, одни растут, другие истончаются. Все, что пишет газета – о людях, значит, каждый материал «служит» хотя бы интересам своих героев. Ю. Богомолов говорит: «Обслуживать желудок клиента, его наружность или наружность его автомобиля и обслуживать мозги его обладателя – не одно и то же». Но раз стандарт «сервисной» журналистики пользуется таким успехом, нужно его использовать для поддержания жизни в журналистике – высокой профессии.

В сущности, вопрос стоит так: должен ли журналист отыскивать плохие и хорошие стороны жизни, а потом показывать их на страницах газеты, призывая читателей следовать «хорошему» курсу и противостоять «плохому»; или достаточно просто отражать, что само просится для публикации, то, что просят (или настаивают) публиковать владельцы СМИ. В первом случае – речь о профессии творческой, самостоятельной, требующей постоянного интеллектуального и духовного развития профессионала. Во втором – о функции, сходной с ролью отлаженной машины.

2. Доктор существует, чтобы лечить людей, журналист – чтобы говорить вслух то, что люди должны знать для нормальной ориентации в жизни общества. Но я не готова согласиться, что к представителям этих профессий извне могут предъявляться особые требования: повышенная сознательность, ответственность, готовность отбросить личные дела и по первому зову явиться на место происшествия.

Здесь дело не в профессии, а в обычной человечности. Например, если во время землетрясения пострадает человек, а рядом с ним будет фермер, к фермеру мы предъявим требование максимально использовать свои знания в области сохранения человеческой жизни, он точно также будет обязан выложиться, чтоб спасти пострадавшего. У доктора таких знаний больше, но остаться рядом с больным он должен не из соображений профессионализма, а из гуманности, из осознания, что именно он полезен тут больше фермера. Доктор может зарабатывать, открыв клинику. Но гуманность, а не профессионализм заставит его сделать кому-то операцию бесплатно. Хотя, выходит, у доктора испытание на гуманность чаще происходит, чем у фермера...

Все-таки есть противоречие: выходит, фермер не берет на себя особых обязательств и при этом еще и деньги может спокойно зарабатывать. А доктор или журналист несет груз ответственности и все время должен поступаться личными интересами.

Подобные требования со стороны общества к представителям этих профессий негуманны, но вот внутри профессии они могут быть вполне уместны.

Закономерно, что коллеги посчитают большим профессионалом того, кто представляющие общественный интерес сюжеты станет разрабатывать по мере их появления, а не только в строго определенное рабочее время; того, кто не удовлетворится официальной информацией, но найдет нужным проверить ее, отыскать другие точки зрения, оспорить, сопоставить, проанализировать; того, кто в работе будет руководствоваться интересом читателя (ибо он служит читателю), а не личным (спокойствие, благоволение власть имущих, финансовая выгода).

Все-таки имеет смысл разделять понятия «журнализм», «информационные услуги», «развлекательные издания». Средства массовой коммуникации – это и реклама, и пиар, и внешне нейтральные развлекательные продукты, направленные на зарабатывание денег. Журналистика – это и информация, и аналитика, и репортерство. Четкое введение различий в широкий обиход даст возможность самим работникам этой сферы определиться, хотят ли они писать пиарские и рекламные статьи, становясь «сервильными ремесленниками». Или им интересна работа творческая, в которую вкладывается личное представление журналиста об обществе, его личное желание воздействовать на общественные процессы в направлении, которое ему лично кажется верным. И которая требует личной ответственности за сделанное.

3. Наиболее адекватным для характеристики «гражданственность журналистики» считаю тезис: «Миссия и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность».

Понятное дело, редактор заботится о том, чтобы продать свою газету, заинтересовать читателя, заставить его покупать журналистский продукт. Мне представляется, что в странах капиталистических перед редактором два пути: либо эксплуатировать пристрастие публики к жареным фактам, впечатляющим сенсациям, либо вместе с газетой «продавать» умного собеседника, поднимающего как актуальные, касающиеся жизни конкретного читателя, так и стратегические, глобальные даже проблемы, анализирующего, неспокойного, заставляющего думать и глядеть дальше своего носа.

Во втором случае читатель тоже покупает своеобразную услугу – возможность оперативно знакомиться с разными точками зрения на проблему, узнавать, в конце концов, о самой проблеме и участвовать по мере сил в ее решении. Получается, вместе с такой газетой публика приобретает возможность быть активным гражданином, а не частью ведомой «народной массы». Здесь журналист-гражданин ориентирован именно на читателя-гражданина.

Нюансом, характерным для отечественной и, особенно, провинциальной журналистики, работающей в условиях почти авторитарных, является то, что редакция часто отстранена от законов рынка, ее задача не заинтересовать читателя, а выполнить идеологические требования владельца. На Западе инвестор желает получить прибыль от газеты, воспринимая ее как бизнес, он прерогативу определять содержание СМИ отдает редактору. В России владелец (часто власть) в первую очередь хочет влиять на информационную политику, готов безвозвратно вкладывать деньги в бумагу, транслирующую официальную точку зрения – без критики, аналитики, комментариев.

Журналист подчиненного власти издания попадает в действительно критическую для гражданина ситуацию – он не может уволиться, ибо должен чем-то кормиться, но и быть простой «функцией» не желает. Ежедневная работа становится испытанием гражданской сознательности и часто оно заканчивается не в пользу высокой мотивации.

4. Впрочем, повторюсь, характеристика журналистики как «сервисной профессии» не так уж и цинична. Несомненное достоинство такого прагматического, рыночного подхода – в заботе об интересах потребителя. В какой-то степени такая позиция позволяет и обезопасить журналиста от чрезмерных требований редакции.

5. Согласно с суждением о том, что «когда от журналиста каждый раз требуется гражданское мужество, чтобы просто выполнить свои профессиональные обязанности, – это чудовищно. Люди должны просто работать».

Не очень понятно, что считать гражданским мужеством журналиста. Пойти против чиновника? Но это должно быть нормой. Общество заинтересовано в том, чтобы чиновников критиковали. Надо понимать, вопрос не о том, что журналист должен иметь гражданское мужество, чтобы написать правду о чиновнике или вступить с ним в открытую дискуссию, а о том, чтобы насаждать норму критики чиновников. Или пойти под обстрел, чтоб увидеть и рассказать правду? Но тут должен быть личный азарт, требовать его никто не может. Встать рано утром, чтобы успеть на важное и актуальное для общества интервью? Но это вопрос профессиональной дисциплины (мужества он тоже требует порой недюжинного и именно гражданского). Работать, не получая зарплаты? Но это можно делать время от времени, за счет личного интереса.

И потом, все вопросы о гражданском мужестве как бы настроены на журналиста, пишущего о социально-политических делах. А статьи о театральных премьерах, музейных экспозициях, путешествиях? Ведь это тоже журналистика! Такие журналисты даже в категорию «высоких профессий» не попадают?

Хотя, к сожалению, даже культурный обозреватель в Тюменской области часто сталкивается с вопросом «писать или не писать?», потому что и в сфере культуры у чиновников есть своя политика, которую они стремятся всецело отгородить от критики.

6. Гражданственность журналиста без профессионализма делает это просто гражданственностью частного лица. Она может быть эффективна или нет, но к профессии отношения не имеет.

Профессионализм без гражданственности? Надо разобраться, что такое профессионализм журналиста. Умение найти интересную и полезную читателю информацию и интересно о ней написать. Возьмем журналиста, который описывает культурные события. Далеко не всегда его работа связана с прояснением каких-то гражданских позиций. Выходит, он автоматически попадает в разряд циничных ремесленников?

С гражданственностью некоторым образом соотносится ответственность, которую берет на себя журналист, предлагая широкому кругу читателей свою публикацию.

7. Отказ от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии даже со ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равен отказу от профессии в принципе.

Все-таки журналист работает с сознанием читателя, и чем лучше он работает, тем больше на сознание десятков, сотен, а то и тысяч людей влияет, и по мере увеличения аудитории внутренняя ответственность возрастает.

Скажем, с каждым новым (условно) этапом профессионального роста журналисту неплохо бы пересматривать свои этические установки в сторону ужесточения. Если начинающему корреспонденту мы простим (учтя недостаток опыта, кругозора, знания технологии) лукавство, неполную информацию, «прогиб» под официоз, представление не всех точек зрения на проблему, использование непроверенной чужой информации, то подобные упущения со стороны главного редактора – существенная угроза его профессиональной репутации.

То, что в анкете профессора Бакштановского обозначено как «реальные отечественные обстоятельства», не кажется мне таким уж безысходным. Газета любого уровня и качества, зависящая от администрации, может и должна искать общий язык с владельцами. Кажется, наш президент очень грамотно обозначил ситуацию, сказав, что власть всегда будет на прессу давить, ну а пресса, по определению, должна сопротивляться. А в нашей «реальности» часто СМИ, не желая связываться с «сомнительным» сюжетом («все равно не пропустят!»), просто опускает руки. Между тем, если у всего штата СМИ будет установка на здоровые, «не сервильные» отношения с хозяином, если все – от редактора до стажера – будут понимать журналистику как профессию, связанную с некой социальной ответственностью, у издания появится существенный шанс, получая средства от власти, не превратиться в скучный официозный мусор.

А.Н. Жилин
«...ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ – ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА. КАК ОНИ МОГУТ ВСТУПИТЬ В КОНФЛИКТ –
ПЛОХО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ»

1. Есть жанровые требования. Скажем, новостнику-телевизионщику было бы странно высказывать свою позицию по тому или иному вопросу. В его обязанности это не входит, он должен информировать. Понятно, что в жанре аналитики, напротив, многое зависит от мнения автора. Только почему гражданская позиция – это обязательно противопоставление заказу? В своих «Итогах» Евгений Киселев, на мой взгляд, как раз проявлял свою гражданскую позицию и при этом выполнял заказ Гусинского. То же самое делает Брилев в «Вестях недели» Но первый случай почему-то считается верхом демократии, а второй – работой на заказ.

Оптимальный вариант – это озвучивание нескольких точек зрения на ту или иную ситуацию, проблему. Кто должен делать выводы из сказанного, как не зритель? При этом, конечно, можно делать глубокомысленные замечания а-ля Познер и склонять чашу весов в ту или другую сторону.

Свою гражданскую позицию журналист может высказать, выбрав издание той или иной направленности. Хочешь – работай на государственном канале, хочешь – в муниципальной газете, хочешь – в «Завтра», хочешь – в «Трудовой Тюмени». Но, сделав выбор, придется придерживаться взглядов на окружающее своей редакции. Трудно представить «Трудовую Тюмень», восхваляющую нынешнюю власть, так же как «Тюменскую область сегодня», ее резко критикующую.

2. Согласен с мыслью, что к профессии журналиста, как и к профессиям врача, учителя, адвоката и т.д., предъявляются особые, максимальные требования. Но, насколько я знаю, в истории есть немало примеров, когда «творцы» работали на заказ и получались гениальные произведения. Если говорить конкретно о журналистике, то заказ на «информационные услуги», от какой бы структуры ни исходил, в идеале не должен сказываться на качестве продукта. В этом взаимная заинтересованность и заказчика и исполнителя.

Что касается «разницы между высокой профессией и бизнесом» и боязнью ее легко утратить, то, честно говоря, я знаю немного людей, кто пришел в журналистику за деньгами. Здесь речь, на мой взгляд, может идти не о возможном выборе между деньгами и высокой профессией, а скорее о возможном конфликте между журналистом и редактором. Поверьте, это случается гораздо чаще.

3. На мой взгляд, наиболее точно отражают понятие «гражданственность журналиста» два следующих определения: * миссия и технология профессионала – быть участником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность; * личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции.

Для обретения опыта, безусловно, пригодится личная вовлеченность журналиста, его гражданское участие в решении какой-либо проблемы. Взгляд на проблему изнутри вызывает доверие со стороны аудитории.

В то же время, тезис о том, что журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества, вряд ли осуществим. При разработке концепции того или иного издания сейчас учитывают «целевую аудиторию». При этом руководствуются принципом «Для всех – значит ни для кого». Нельзя объять необъятное. Общество неоднородно.

4. Разделяю тезис «характеристика журналистики как “сервисной профессии” не так уж и цинична. Несомненное достоинство такого прагматического, рыночного подхода – в заботе об интересах потребителя». Переключка с первым вопросом. Поэтому еще раз повторю, что свою гражданскую позицию журналист высказывает, выбрав издание той или иной направленности.

5. Ни то, ни другое суждение не разделяю. Согласен с последним предложением во втором утверждении – люди должны просто работать. Для честного исполнения граждан-

ской миссии журналистики как высокой, а не «сервисной» профессии постоянное проявление гражданского мужества журналиста не всегда необходимость. Просто выполни профессионально свой долг. То есть интересно для аудитории расскажи о проблеме с предоставлением мнений различных сторон. Для этого, по-моему, высокие слова о гражданственности неуместны.

6. Это суждение разделить готов. В то же время, что подразумевается под требованиями профессионализма? Были ситуации, когда приходилось вступать в конфликт с редакторами, поскольку их требования шли вразрез с моим мнением, но чтобы случился конфликт гражданской позиции и требований профессионализма – такого не припомню. По-моему, гражданская позиция – это одна из составляющих профессионализма. Как они могут вступить в конфликт – плохо себе представляю.

7. Определиться «с кем ты?», журналист обязан. Иначе, действительно, не избежать раздвоения сознания.

Часть вторая ИСПЫТАНИЕ ЗАМЫСЛА

ПРОГРАММА ПРАКТИКУМА

АНКО «Центр прикладной этики: XXI век»

Уважаемый коллега _____!

Приглашаем Вас на корпоративное чаепитие в формате «Практикум» (тема: «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?»), которое состоится в тюменском Доме журналиста, 21 октября (пятница).

Программа

9.30. Утренний чай с конфетами и пряниками,
в сопровождении *вступительного слова* ведущего:

(а) сообщającego о своем удивлении тем, что, как показал предваряющий практикум экспертный опрос, тюменские журналисты на вопросы анкеты «*стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших реальных отечественных обстоятельствах? Что кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным это может дать журналисту в его практической деятельности?*» в большинстве своем ответили «стоит»;

(б) оправдывающего намеренно дилеммную формулировку темы семинара сомнением в адекватности природе профессионализма журналиста навязываемой сегодня характеристики «*сервис ремесленника*» и уверенностью в том, что суть профессионализма журналиста – в *служении в высокой профессии*, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом;

(в) объявляющего *первый этап* практикума: «Самоопределение к модельным точкам зрения по поводу дилеммы “Профессионализм современного журналиста: *сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность высокой профессии?*”».

Все модели сформулированы на основе анализа материалов предварительного экспертного опроса тюменских журналистов.

Модель А. «СООБЩАТЬ МИРУ НОВОСТИ – ЧЕСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». (*«*Не могу смириться с понятием сервисной профессии. Среди нас есть такие люди, но их видно сразу. В конце концов профессия выбрасывает их на берег.*» *«*Считаю журналистику высокой профессией. И зачем впадать в грех самоуничтожения и вычлнять отечественную журналистику из мирового контекста?*».

* «*И врач, и журналист, и даже священник при всей рутинности своей повседневной работы – а это так! – и в самом деле должны быть готовы к тем взлетам, когда профессия перестает быть профессией и становится миссией.*».)

Модель Б. ««ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?» В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ ИЗНАЧАЛЬНО». (*«*Любая профессия носит сервисный характер, иначе бы ее, профессии, не было. Все мы в той или иной форме служим друг другу.*» *«*Чего изволите?*» в нашей профессии изначально. Оно было всегда, только в советской журналистике относилось к тому, чьим органом было издание. Теперь “чего изволите?” адресовано тому, кому должно быть адресовано – читателю, зрителю, слушателю». *«*Позволю себе разделить с кем-то мнение, что характеристика журналистики как сервисной профессии не так уж и цинична. И категорически не согласен, что при таком понимании профессии нет места для гражданской позиции журналиста. Изначально циничным может быть только журналист, который идет работать в издание не по убеждению, а потому что “больше плотют”.*» *«*Противопоставление «высокой профессии» бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого. ...Разве не может быть гражданской позиции у пилота, официанта или банковского клерка, или у представителей других сервисных профессий?*».)

Модель В. «Я ГДЕ-ТО ПОСЕРЕДИНЕ». (*«*Рассуждение о “высоком”, “гражданском” – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной невостребованности. С другой стороны, “сервисная” – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы.*» *«*Сервисный журналист и “Граж-*

данин” в крайних проявлениях представляются одинаково отвратительными типами. Можно себе представить: один пафосный, пишущий “много, мутно и в разные стороны”, оправдывающий своей гражданской миссией право сидеть у общества на шее и не задумываться о том, интересны ли читателю его опусы. Другой – прожженный циник, пишущий по выверенному шаблону – эдакий “Долларстрочка”».)

Модель Г. «ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОГО ВЫБОРА ЖУРНАЛИСТА». (*«Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое». *«Не готова согласиться, что к представителям этих профессий извне могут предъявляться особые требования: повышенная сознательность, ответственность, готовность отбросить личные дела и по первому зову явиться на место происшествия. Все-таки есть противоречие: выходит, фермер, не берет на себя особых обязательств и при этом еще и деньги может спокойно зарабатывать. А доктор или журналист несут груз ответственности и все время должны поступаться личными интересами? Подобные требования со стороны общества к представителям этих профессий негуманны, но вот внутри профессии они могут быть вполне уместны». *«Оба суждения кажутся мне крайними, доведенными (естественно, с полемическими целями) до определенной степени абсурдности. Считаю: должна быть позиция журналиста – все остальное является частностями».)

Задача. Испытать состоятельность четырех моделей решения вынесенной в название практикума дилеммы.

11.00. Полуденный чай с бутербродами (сыр, колбаса, карбонат, рыба и т.д.),

а также *второй этап* практикума «Рейтинг различных смыслов понятия “гражданственность журналистики” – с точки зрения того, “как есть” и “как должно быть” в журналистике наших дней»:

* концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.;

* и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность;

* личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции;

* журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества;

* личная вовлеченность журналиста, его персональное гражданское участие в решении какой-либо проблемы.

Задача. Обоснование предпочтения (индивидуального или группового) в процессе общей дискуссии. После дискуссии ведущий:

(а) формулирует гипотезу. «Гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий (гражданский контроль, гражданские переговоры, гражданская экспертиза, гражданские дискуссии и т.д.). Возможно, владение гражданскими технологиями минимизирует ситуации, требующие от журналиста личного гражданского мужества?».

и (б) незамедлительно объявляет

12.30. Предобеденный чай с классической пиццей,

а также *третий этап* практикума: деловая игра «ТОФГЭ».

Задача. Экспериментальная проверка гипотезы «Гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий» через «примерку» одной из гражданских технологий – общественной экспертизы – к игровому проживанию конкретной ситуации из журналистской практики.

14.00. Послеобеденный виноградный сок –

под *заключительное слово* ведущего, (не)удивляющегося тому, что тюменские журналисты все же (не)боятся моральной шизофрении.

Организаторы семинара:

АНКО «Центр прикладной этики: XXI век»,

Департамент информационной политики Тюменской области

ОПИСАНИЕ СОБЫТИЯ (фрагменты стенограммы)

НА ВХОДЕ в зал заседаний Тюменского дома журналистов – плоттеры с описанием четырех модельных точек зрения по поводу дилеммы «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность высокой профессии?». Предпочтение той или иной модели участники семинара выражают выбором одной из четырех групп: «А», «Б», «В», «Г», в которой они решат испытать свою позицию.

Возможность самоопределения не была жестко регламентирована и с самого начала практикума образовалась группа «Д».

СВОЕ вступительное слово Ведущий начал с полемической реплики по поводу суждений одного из участников экспертного опроса, полагающего, что все изложенное в анкете экспертного опроса «нами с вами уже не раз переговорено – так или иначе – при реализации прежних проектов».

По мнению Ведущего, до сих пор на тюменских семинарах не обсуждались ни смысл и глубинные основания выделения особого вида высоких профессий, ни возможность и необходимость идентификации журналистики как высокой профессии, предполагающей особые отношения профессионализма и гражданственности.

Поэтому, продолжая многолетний цикл тюменских семинаров по проблемам профессиональной этики журналистов, авторы проекта и решили сосредоточиться на проблеме, которая придает особый смысл нашим давним размышлениям об ответственности СМИ за судьбы гражданского общества в России, – проблеме соотношения в журналистике таких ценностей, как профессионализм и гражданственность. Проблема? Есть необходимые основания характеризовать соотношение ценностей профессионализма и гражданственности в деятельности журналиста с помощью понятия «проблема», означающего наличие неординарной задачи, не имеющей очевидного решения.

Достаточно обратиться к старой-новой дискуссии о природе журналистской профессии, сегодня вышедшей на страницы «Известий» и «Российской газеты». Дискуссия актуализирована своеобразным манифестом, трактующим журналистику как сервисную профессию. В ответ на этот манифест была выдвинута позиция, подчеркивающая особенность профессии журналиста, позиция, противопоставляющая идею «сервиса» идею гражданственности профессии, предполагающую не «обслуживание» частных и групповых потребностей, а профессиональное служение обществу.

И дилеммная формулировка темы семинара оправдывается авторами проекта сомнением в адекватности природе профессионализма журналиста навязываемой сегодня характеристики «сервис ремесленника» и уверенностью в том, что суть профессионализма журналиста – в служении в высокой профессии, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом.

Далее Ведущий сообщил участникам семинара о том, что в их адрес поступило рабочее письмо участникам семинара В.И. Бакштановского: «Не летайте высоко» – или «Оберегайте бумажные крылья». Его автор, Ю.В. Казаков, на 32 страницах (кегель 14, интервал одинарный), стремясь уберечь участников семинара, просит осторожно отнестись к гипотезе Бакштановского, что журналистика – высокая профессия. «Бакштановский витает в облаках, журналист ходит по земле. И журналистам, поддавшимся этой гипотезе, будет очень трудно жить». (...)

Этап 1.

Ведущий объявляет первый этап практикума, задача которого – испытание гипотезы о журналистике как высокой профессии через самоопределение к модельным точкам зрения на дилемму «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность высокой профессии?».

С модельными точками зрения на дилемму – они были представлены на плакатах – участники практикума еще раз (после полученной заранее программы) ознакомились в самом начале семинара. Все модели сформулированы на основе анализа материалов предварительного экспертного опроса тюменских журналистов, показавшего возможность

модельной группировки суждений экспертов. Каждая модель мозаична, сформирована авторами проекта на основе суждений (в том числе прямых цитат) участников опроса.

Разделившись на группы – в соответствии с предпочитаемой моделью – участникам практикума было предложено в процессе групповой работы обосновать свой выбор, при необходимости скорректировать предложенные модели и защитить их в дискуссии с другими группами.

В процессе самоопределения часть журналистов инициировала создание еще одной модели – «Д».

ПОСЛЕ внутригрупповой работы начинается процедура обоснования выбора среди моделей «А», «Б», «В», «Г» и «Д». От каждой группы выступает спикер, возможны содокладчики. Предполагаются вопросы от других групп и полемика.

Спикер группы «В», Е.В. Шаров (он же – единственный член этой группы): ...У меня была проблема выбора между моделями «В» и «Г», мне показалось, что эти «буквы» близки друг к другу, стоят рядышком. Но все-таки я выбрал модель «В» и могу объяснить почему. Модель «В» предполагает, что между квалификацией журналистики как профессии «сервисной» или «высокой» выбирается нечто среднее, что-то такое, что может в каких-то ситуациях тяготеть к сервисной, а в других – к высокой профессии.

Я свою аргументацию хочу построить от противного, т.е. отталкиваясь от модели «Г». Почему «В» не «Г»? Выбор журналиста – всегда выбор, вне зависимости от того, в какой модели он работает. Каждый раз, каждую свою работу, каждый свой материал, каждый свой шаг в каждом конкретном случае журналист выбирает: либо я пишу, снимаю, говорю о чем-то высоком – либо мне нужно, грубо говоря, заработать денег. Мне кажется, что и то, и другое важно и нужно, поэтому предпочтительно нечто среднее. Вот этим обоснован выбор моей позиции.

Ведущий: Вы «где-то посередине» между чем и чем? Я законспектировал себе ваш подход так: иногда я вижу себя в высокой профессии, а иногда – просто зарабатываю деньги. Но когда мы формулировали свою дилемму и выносили ее в название семинара, то речь шла не о том, зарабатывать деньги – или служить бескорыстно. Противопоставление было другое: или профессия журналиста, во всяком случае современного журналиста, должна называться (без всяких комплексов) сервисом, услугами, – или она выделяет себя из множества других профессий и становится в ряд очень небольшого числа профессий. В программе практикума они назывались: ученый, врач, священник, учитель. Все, ряд не большой. И вот вопрос: можно ли журналиста поставить в этот ряд и называть его профессией высокой, имея в виду, что в высокой профессии никто не исключает стремления к честному заработку профессионала (это было бы ненормально), но приоритет отдается служению – по сравнению со стремлением к честному заработку.

Е.В. Шаров: Я выбрал модель «В», потому что не считаю полностью правильным ни то, ни другое. Профессию журналиста нельзя назвать ни только высокой, ни только сервисной. Я где-то посередине.

Ведущий: Пожалуйста, вопросы от других групп.

М.В. Богданова (социолог): Вам не кажется, что ваша позиция – «от лукавого»? Вспомните Евангельское «Да будет вашим словом “да-да – нет-нет, а что сверх того, то от лукавого”». Всякая профессия предполагает некоторую основу, исходную точку. Какова же основа вашей позиции?

Е.В. Шаров: Безусловно, основа должна быть, но все равно не считаю, что выбранная мной позиция – соглашательство, приспособление. Мне кажется, что в ее основе – та реальность, которая у нас сейчас существует: не только журналистов, но и сами средства массовой информации можно разделить на тех, кто ориентированы либо на сервисное обслуживание, либо на служение. Мне кажется, что деление такое есть, но есть и позиция средняя.

Спикер группы «А», Е.М. Ганопольская (она же – единственный член этой группы): Я выбрала модель «А», потому что журналистика, по-моему, высокая профессия, даже если повседневно мы об этом не слишком задумываемся. Понятно, что тяжело каждый день «выполнять миссию», и никто из нас не собирается этого делать. Но в определен-

ные моменты становится ясно, что все-таки придется делать. И вот к тому, чтобы какие-то моменты осознать правильно, нужно быть готовым ежедневно.

Кстати, я не вижу ничего плохого в слове «сервис». Может быть, скептическая интонация в отношении к этому слову вызвана нашей памятью о том, каким плохим был сервис в СССР. Но отличие между сервисными профессиями и высокими существует. И для себя я всегда их разделяла. Причисляю профессию журналиста к профессиям врача и священника, по крайней мере, к этим двум. Я думаю, что даже и примеры приводить не надо.

Ведущий: Есть ли у других групп желание задать вопросы Елизавете Михайловне? Она посоветуется «со своей группой» и ответит.

Л.А. Рычкова (группа «Д»): Мы говорим, говорим, говорим об основах профессии, но не понимаем – основа, это что? Основа – это личность? Или основа – то, что я выбрала журналистику? Что в основе-то лежит? Я хочу понять, на чем мы сейчас основываемся, рассуждая о профессии и гражданственности. У меня есть куча знакомых, не журналистов, но людей с гражданской позицией. Они мыслят так же, как я, они выражают свои мысли, они меня поддерживают, со мной спорят. Могу ли я сказать, что у них не высокая профессия, что у них нет миссии? Она у них тоже есть, они ее несут в свои коллективы.

Р.С. Гольдберг (группа «Б»): Выражают свои позиции где? На кухне?

Л.А. Рычкова: Возьмем, например, человека из бизнеса. Если он руководит предприятием, то, естественно, что некие его тезисы о жизни распространяются в коллективе. Почему же мы не можем говорить, что управление – это тоже высокая профессия? Мы, журналисты, распространяем свои позиции в обществе посредством газеты, а он, например, распространяет их посредством общения с коллективом.

Е.М. Ганопольская: Я говорила только о врачах, священнике и журналисте. Врач, священник, журналист – в моем понимании, этот ряд существует. Кстати, само слово «высокая» нас, по-моему, вводит в заблуждение, потому что нам кажется, что если профессия высокая, то это дает нам право гордиться.

Х: Почему у вас такое плохое отношение к слову «сервис»?

Е.М. Ганопольская: Я, наверное, тихо сказала об этом – у меня хорошее отношение к слову «сервис». А плохое отношение к нему продиктовано нашей исторической памятью.

Спикер группы «Г», Ю.И. Пахотин: У нас самая большая группа, поэтому, естественно, получился «склад мнений». Обменявшись ими, мы решили, что модель «А» – несколько крайняя точка зрения на профессию. Поэтому мы с ней не солидаризировались. Что мы считаем важным? Общество вправе требовать от нас выполнения некоего минимального стандарта профессиональной этики. (...) Все остальное зависит от личного выбора журналиста. Мы почти к общему мнению пришли: журналист, в каком бы коллективе он ни работал, в какой бы собственности ни находилось средство массовой информации, какими бы жесткими ни были позиция и требования редактора, журналист должен максимально отстаивать свою позицию, свое право видеть, делать выводы по тем или иным явлениям быстро текущей и быстро меняющейся жизни. Если совсем задавили, переходим на эзопов язык – у многих есть такая жизненная школа.

(...) Моральная ответственность журналиста перед обществом очень высока. Общество сильно зависит от того, что сказал, что сделал журналист. Вспомним «Взгляд». Как мы их любили! Но в октябре 1993 года был эпизод: все общество наэлектризовано, не знает, что происходит перед Белым домом, а они в два часа ночи объявили: «Мы пошли спать». Тогда я лично «поставил крест» на Любимове.

И.А. Пермьякова (группа «Г»): Я наконец-то прояснила для себя то, что не смогла во время группового обсуждения сказать. Выбрала позицию «Г», потому что самоидентификация журналиста как принадлежащего к сервисной профессии или к профессии высокой, зависит от личности. Если сам по себе человек склонен к активной гражданской позиции, к участию в том, что в обществе происходит, он и журналистом будет таким – в своей работе это непременно проявит. А если он по натуре пассивен, индифферентно относится к тому, что в обществе происходит, он и в роли журналиста будет таким – технично собирать информацию... и все. Он будет сидеть за своим компьютером, обзванивать кого-то,

ставить эту информацию в газету ...и все. Его можно будет назвать журналистом, но при этом он будет ближе к «сервисному» сектору.

Е.С. Корн-Кондратенко (группа «Г»): Когда встал вопрос о предпочтении той или иной модели, я остановилась на группе «Г». Для меня основным в описании этой модели было слово «выбор». Но каждому для себя надо решить: выбор между чем и чем? Выбор того, что я делаю, того, что я пишу – в зависимости от ситуации, в зависимости от заказа? Или это выбор, зависящий от моих личностных ценностей? Мне кажется, что приоритетным в любой профессии, не только в журналистской, является личностная ценность. Это значит, что я выбираю профессию в соответствии со своими ценностями. Это значит, что могу выбирать не только то, как буду писать конкретную статью в конкретном издании, но могу выбирать и издание, средство массовой информации. Более того, я могу сменить профессию, если считаю, что в какой-то момент эта профессия не отвечает моим личным ценностным установкам. Я жесткий индивидуалист. И если, например, журналистика мешает мне проявлять себя, следовать моему пониманию личного творчества, творчества в жизни, значит, я просто должна уйти не только из редакции, но и даже из профессии.

Ведущий: Есть еще реплики из команды «Г»? Тогда мы обращаемся к ней с вопросами.

Х: Журналист делает личностный выбор той или иной модели профессии, работая в рамках одного издания, или, поскольку СМИ у нас много, журналист, если его не устраивает, предположим, позиция редактора, должен сменить СМИ?

Ю.И. Пахотин: Это был первый вопрос, который в начале обсуждения я как спикер поставил перед нашей группой. Я предложил обсудить варианты. Если ты выпускник факультета журналистики и тебе надо устраиваться на работу, ты по себе подбираешь издание: в «Вечерней Тюмени» я могу что угодно написать, в «Тюменском курьере» от меня потребуют того-то, в «Тюменских известиях» – того-то. Или ты сначала просто приходишь в СМИ, которое тебя взяло, а уже там отстаиваешь свою позицию? Мы в группе склонились к тому, что ты просто идешь в то или иное СМИ, а уже в нем отстаиваешь свои моральные принципы (...).

Спикер группы «Б», Р.С. Гольдберг: Я рад, что наша группа выступает последней, так как дискуссия по моделям показала, что организаторам практикума не удалось разделить наше профессиональное сообщество. Все мы говорили об одном и том же, только слова были разные. Все буквы в названиях четырех моделей – это буквы одного алфавита. И алфавит у нас один.

Я благодарен организаторам практикума, что они выделили модель, в которой дана трактовка нашей профессии как сервиса, и выделили модель «посередине». Во-первых, есть сервис плохой – и хороший, Е. Ганопольская права. Во-вторых, на все вопросы уже ответил Александр Сергеевич Пушкин, давным-давно: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». А мера сервисности – она внутри каждого из нас, а не в природе нашей профессии.

Да, мы обслуживаем: несем информацию. Мы обслуживаем власть? Да, но в той же мере, в какой – в нормальном, конечно, обществе – власть обслуживает нас.

Журналистика профессия промежуточная. Здесь общество – здесь власть. Сказать власти, что думает общество – сказать обществу, что думает власть.

Насчет высокой профессии. Не знаю... Неужели каждый из вас встает утром и начинает думать: сегодня я обслуживаю, а завтра буду нести нечто высокое?

А.Г. Носиков (группа «Б»): Гражданственность, гражданская позиция, отнюдь не противоречит сервисному характеру профессии. Гражданская позиция может быть и у дворника, и у стюардессы, и у пилота и т.д.

Ведущий: А понятие «высокая профессия», которое отстаивала Елизавета Михайловна, применимо к журналистике?

А.Г. Носиков: Я об этом не думаю. Я просто работаю, как могу, как позволяет мне уровень профессионализма и мое отношение к жизни.

Л.А. Вохмина (группа «Б»): Очевидно, это общество выделяет профессии? Например, артиста, врача, адвоката, журналиста? Вот нас многие не любят, но все равно, я думаю, слово «журналист» вызывает пиетет, не равнодушное само это слово «журналист».

Р.С. Гольдберг: Проблема в том, что мы, журналисты, отличаемся от всех других профессий. Кроме актера, пожалуй. Все, что делает журналист, делается на людях. Мы люди публичные – не в том смысле, что работаем на общество, а в том, что все, что мы говорим и думаем – это открыто. Извините за сравнение, но это своего рода стриптиз (...).

Ю.И. Пахотин: Я с Рафаэлем Соломоновичем согласен в том, что мы в своей профессии открыты всем. Постоянное чувство, что тебя всегда могут проверить. (...)

В.А. Кабакова: Почти все выступили, и получается, что у всех одинаковая позиция, такая хорошая позиция, все так правильно понимают про свою профессию. На самом деле, мне кажется, мы уходим (намеренно или нет) от еще одного смысла выражения «сервисная профессия»: журналистика больше скатывается к обслуживанию и забывает про свою гражданственную миссию.

Р.С. Гольдберг: Почему вы видите противоречие между обслуживанием и гражданственностью? Обслуживать общество – это гражданственно или нет?

В.А. Кабакова: Если бы обслуживали именно общество. А на практике получается, что СМИ обслуживают совсем не общество.

Ведущий: Рафаэль Соломонович, помните: «служить бы рад...», а дальше?

Р.С. Гольдберг: Но Чацкий не работал в газете.

Ведущий: Вы считаете, что ответили на вопрос, сославшись, что Чацкий не работал в газете? А работая в газете, надо прислуживаться?

Р.С. Гольдберг: Не я написал в программе – «сервисная профессия», это вы написали.

Л.Н. Вохмина: Валерия Анатольевна Кабакова права. Но, к сожалению, так получается, что обслуживаем мы иногда не общество, а власть.

Ведущий: Когда я начну редактировать стенограмму семинара для публикации, конечно, ваши слова «к сожалению, так получается» выделю. Я правильно услышал: хорошо бы служить высокой профессии, но приходится прислуживаться?

Рафаэль Соломонович, а чего же вы молчите? Вас такая интерпретация устраивает?

Р.С. Гольдберг: Сформулируйте еще раз, пожалуйста.

Ведущий: Я не случайно напомнил классическую фразу «служить бы рад, прислуживаться тошно». Для меня высокая профессия – это служение в профессии, а выражение «сервисная профессия» может иметь нормальный смысл, а может отождествляться с сервильностью («сервис», как и любое другое слово, имеет много разных, в том числе, и противоположных смыслов). Так вот, одно дело – высокая профессия, другое – заметное или незаметное, быстрое или долгое скатывание в сервильность. Вот Валерия Анатольевна спрашивает: «Кого обслуживает журналистика? Если общество, то ладно, готовы употреблять слово “обслуживает”». А Л.Н. Вохмина сказала: «К сожалению, приходится обслуживать не только общество». И я спрашиваю: «Рафаэль Соломонович, Вас применение слова “сервис” к журналистике устраивает? В любом значении этого слова?».

Р.С. Гольдберг: Меня это не устраивает, меня это не может устроить.

Ведущий: Так это про вашу профессию сейчас говорят? Про одну и ту же профессию?

Р.С. Гольдберг: Здесь всё про нашу профессию говорят.

Л.А. Рычкова: Мы скатываемся к кухонному разговору.

Ведущий: Это кухонный разговор?

Л.А. Рычкова: Да, это кухонный разговор. Когда журналист говорит: «Я обслуживаю власть», у меня возникает вопрос: «Тебе платит власть?». Нет, не власть. Тогда зачем в своем тексте вы обслуживаете власть? Это уже не к нашей теме относится, это уже относится к форме построения текста, потому что любую тему можно отработать без власти, вскользь упомянув о ней. Для этого не надо ее обслуживать, потому что любая тема касается общества. А мы сейчас говорим исключительно о журналисте и обществе. Причем тут власть?

И.А. Пермякова: В прошлом году журналисты телевидения рассказывали о пресс-конференции, связанной с ценой на бензин. После пресс-конференции они подошли к человеку, который ее вел, и спросили: «Не могли бы вы что-нибудь сказать про губернатора Собянина, потому что нам сказали, чтобы ни один репортаж не выходил без этого» (...).

Р.С. Гольдберг: Мы сейчас можем разбиться на десять кухонь. Но если перейдем к разговору о том, что тебе те платят, тебе – эти, – будет дискуссия мертвая, и она ни к чему не приведет.

Н.Р. Решетникова (группа «Д»): Мы говорили о миссии журналистики и приводили в пример священника и врача, которые работают не независимо от того, кто к ним пришел – представители власти или самый последний нищий. Их работа от этого не меняется. А меняется ли работа журналиста и должна ли она меняться в зависимости от того, кого мы обслуживаем? Если мы говорим о журналистике как сервисе.

Ю.И. Пахотин: Это легко, Наташа. С чем бы человек к священнику ни пришел, он прочтет проповедь. Миссия журналиста: с чем бы к нему кто ни пришел, он тоже проповедь прочтет.

Ведущий: Мне-то показалось, что Наталья задала вопрос, на который с ходу не ответишь.

Е.М. Ганопольская: Запоздалая реплика Рафаэлю Соломоновичу о высокой профессии, на счет того, что никто не встает утром с осознанием своей миссии. И священник, и врач встают утром как все, думают о бытовых заботах, чистят зубы, или не чистят даже, но бывают ситуации: человек упал, и если врач рядом, он не может не прийти на помощь. Священник в определенной ситуации тоже не имеет права уклониться от своего долга. И так же журналист. Вот это их отличает, я хотела это подчеркнуть. И к этому приходится быть готовым всегда.

Спикер «внеплановой» группы «Д», А.П. Мокроусов:

Первое. Когда уважаемый профессор предложил участникам семинара четыре модели, мы вели себя, как... Помните анекдот: Бог пришел к животным и сказал: «Давайте разделимся, умные направо, красивые налево». Все разделились, а обезьянка мечется, понять не может, куда ей бежать. Вроде и умная, вроде и красивая. Вот и мы тоже так.

Второе. Нашу группу в кулуарах называли маргинальной. Но маргинальная позиция оказалась очень выгодной. Пока соответствующие сценарию группы что-то обсуждали, мы имели возможность сходить покурить, съездить на пятый этаж за газетами и прочее.

И, наконец, третье, уже по сути. Вам не кажется, что мы здесь смешиваем разнородные понятия? В свое время (молодые этого не помнят, это имя им, наверное, ничего не говорит) был такой журналист в «Известиях» – Анатолий Абрамович Аграновский. У него был очерк «Официант», в котором рассказывалась история о том, как Аграновский (в Архангельске, по-моему) пришел вечером в гостиницу, и его обслуживал некий официант. Зал пустовал и у него была возможность поговорить с этим официантом. Как любой журналист он, естественно, задавал какие-то вопросы. Один из его вопросов был такой: «Скажите, вам бывает неприятно обслуживать людей?». Официант ответил: «Знаете, сейчас я вас обслуживаю, а когда приду домой и открою “Известия”, вы будете обслуживать меня».

Любая профессия изначально сервисная. Любая. Возьмем модель «А»: «Сообщать миру новости – честь и ответственность». А если я скажу так: «Убирать с улиц отбросы общества – это честь и ответственность? А убирать мусор на улицах – это честь и ответственность?». Любая профессия ищет себе высокую задачу, высокую цель, точно так же, как и мы. И в этом мы не отличаемся от любой другой профессии. Любая профессия по определению сервисна. Другое дело – содержание, чем мы наполняем эту профессию. Можно выкинуть урну где-то рядом, а можно вывести куда положено, на свалку. Это уже наше внутреннее отношение к своей профессии, как мы ее понимаем, как мы ее оцениваем, как мы к ней относимся.

Любое ремесло – сервис. Говорите о священнике? И его профессия – сервис. И ремесло врача – сервис. Вы говорите, что врач не имеет права пройти мимо больного? Но точно так же я могу сказать, что и мусорщик не имеет права пройти мимо мусора. Поэтому процитирую поэта, заменив только одно слово: «мы знаем, дело растяжимо, и все зависит от того, какого рода содержимым вы наполняете его». Вот и все. Это выбор каждого – на сколько высоко поднять свою профессию. Выбор каждого.

Да, иногда приходится делать что-то неординарное, приходится куда-то «взлетать». И к этому надо быть просто готовым. Вот говорили о враче, который не должен пройти

мимо человека, страдающего на улице. Да, не должен, и хорошо, если не прошел. И мы не должны проходить мимо. Но часто и врач проходит, и мы проходим.

Ведущий: Лариса Анатольевна, Анатолий Петрович вас не задел? Про честь и ответственность – это ваши слова.

Л.А. Рычкова: Но они были в другом контексте. Вы просили порассуждать о журналистике. Я порассуждала.

А.П. Мокроусов: Мы сходны в том, что гражданственность можно проявлять в любой профессии (...).

Ведущий: Я вынужден завершить первый этап практикума из-за жесткости регламента. Ограничусь репликой по поводу его темы.

Любая профессия сервис? Да. Но ради этого утверждения не стоит собираться на семинар.

Является ли журналистика профессией? Уже не «да», а «может быть». Вопрос этот – предмет дискуссии. Например, специалисты по социологии профессий спорят по поводу того, является ли журналистика профессией, или она пока еще полупрофессия? Потому что есть набор признаков, по которым журналистика «проходит» в число профессий, и есть признаки, по которым она «не проходит». И как сейчас выясняется, по некоторым признакам она «не проходит» и с точки зрения ряда участников семинара.

Не Бакштановский изобрел понятие «высокая профессия», оно изобретено цивилизацией. Изобретено ради того, чтобы из тезиса «все профессии обслуживают» сделать исключение: некоторые из профессий являются особыми, общество дает им особое значение, возлагает на них особые задачи.

И когда я слушал полемику участников семинара, мне показалось, что журналистское сообщество хочет «сачкануть» – уклониться от того, что общество ждет от журналистики. Это общество требует от вас сделать ее высокой профессией. Конечно, для журналистов это тяжелое бремя. И легче всего с этим бременем поступить так: сбросить его (...).

Этап 2.

Ведущий объявляет второй этап практикума, задачи которого: (а) рейтинговое взвешивание различных смыслов понятия «гражданственность журналистики» – с точки зрения того, «как есть» и «как должно быть» в журналистике наших дней (варианты трактовок приведены в программе практикума); (б) Испытание гипотезы: гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий (гражданский контроль, гражданские переговоры, гражданская экспертиза, гражданские дискуссии и т.д.). Возможно, владение гражданскими технологиями минимизирует ситуации, требующие от журналиста личного гражданского мужества?

В начале работы над этими задачами участникам практикума предстояло заполнить таблицу «*Рейтинг значимости смыслов понятия “гражданственность журналистики” с точки зрения сущего и должного в журналистике наших дней*». В первой колонке таблицы представлены некоторые смыслы понятия «гражданственность журналистики», которые предлагалось проранжировать по степени значимости для современной журналистики с точки зрения сущего («как есть» – колонка 2) и должного («как должно быть» – колонка 3). Шкала – с 1-го по 5-е место (1-ое место – самый важный смысл).

Смыслы понятия «гражданственность журналистики»	Как есть	Как должно быть
1	2	3
Концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п. И миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность Личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции		

1	2	3
<p>Журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества</p> <p>Личная вовлеченность журналиста, его персональное гражданское участие в решении какой-либо проблемы</p>		

(...) После того, как таблицы рейтинга были заполнены и переданы социологу для обработки, Ведущий предложил обсудить более общий вопрос: «*Надо ли вообще прилагать по отношению к журналистике характеристику “гражданственность”? Такая характеристика с неизбежностью вызывает отторжение как навязываемая извне? Или она имеет отношение к содержанию профессии?»*».

Гипотеза авторов проекта известна уже по формулировке темы практикума: высокая профессия по определению гражданственна, потому что подразумевает служение. Но как-то журналистам, когда кто-то говорит: ваша профессия должна быть гражданской?

В.А. Макаров: Я думаю, что понятие «гражданственность журналистики» появилась в силу необходимости именно для наших, отечественных условий. Потому что по идее журналистика должна работать на общество, но финансирование СМИ, в том числе в нашем регионе, в большей степени зависит от власти. Получается некоторое расхождение. И поэтому, когда кто-то говорит о гражданственности журналистики, он подчеркивает, что даже в этих условиях, когда существует финансовая зависимость журналистов от власти, все-таки журналисты должны пытаться отстаивать интересы общества, прорисовывать в своих текстах.

Ведущий: Не получается ли, что идея гражданственности журналистики требует от журналиста каждый день бросаться на амбразуру? Чтобы он конфликтовал со своими редакторами и издателями? Чтобы он «подставлялся» власти? Может быть, пусть журналисты будут просто журналистами?

Ю.И. Пахотин: Единицы журналистов, причем не с очень стабильной психикой, будут лезть на амбразуру, их и подталкивать не надо. Просто журналист в силу своей профессии становится конфликтоопасным. Ведь его тексты интерпретирует по-разному – власть, хозяин, редактор, аудитория. Конфликт всегда возникает из-за того, что у каждой группы есть свои интересы, и позиция журналиста, пытающегося быть объективным, сталкивается с интересами той или иной группы.

Ведущий: То есть гражданственность – это следствие объективности журналиста?

Ю.И. Пахотин: Гражданственность – это и есть объективность.

Ведущий: Юрий Иосифович, наш вождь и учитель, про которого теперь не все помнят, говорил – «не надо двух слов». Не получается ли у вас, именно так: зачем объективность и гражданственность? Просто объективность – и отвяжитесь со словом «гражданственность» от журналистов?

Ю.И. Пахотин: Профессионал должен быть объективным, и все. И этим он выполняет свою гражданскую миссию.

Е.О. Кох: Уважаемый коллега сказал: «Несмотря на то, что мы, журналисты, финансово зависимы от власти, журналистика должна быть гражданской». Получается противоречие: бедные журналисты, которые финансируются для того, чтобы выполнять гражданскую функцию, выполняют ее вопреки тем, кто их финансирует. Дурдом какой-то. О финансировании СМИ властью: это искусственная, ненормальная ситуация, хотя финансируется пресса именно под предлогом того, что у нее есть задачи перед обществом. Поэтому я и выбрала модель «посередине», хотя, на самом деле, не вижу противоречия между сервисной и гражданской журналистикой.

М.Б. Шаманенко: Понимание гражданственности журналистики выводит на вопрос о личности журналиста, о том, как он воспринимает мир, о той точке опоры, которую он стремится найти и с этой точки зрения судить о событиях. В принципе журналист не может отражать мир объективно, но приблизиться к этому он может (...).

Л.А. Рычкова: Почему профессия должна быть гражданской? Гражданственность – это личное качество каждого. Нельзя сказать, что профессия гражданственная или не гражданственная. Гражданственность личное качество человека. У моей журналистики – моя гражданственность. У Лены – своя гражданственность в журналистике (...).

Ведущий: Еще раз откроем программу. Многообразие смыслов выражения «гражданская журналистика». И не я их придумал. Смотрите: одни говорят, что гражданская журналистика – это особая гражданская тематика, например о правозащитной деятельности, о некоммерческих организациях. Другие считают, что это – самоотверженность в отстаивании своей позиции, даже в ущерб самому себе. Третьи говорят, что это служение не одной партии или одной НКО, а всей России. Или: журналистика гражданская, когда миссия и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем. Я просто напоминаю варианты, которые вы только что проранжировали. Вот сколько смыслов. А вы, Лариса Анатольевна, свели все к тому, что у вас с Леной – у каждой – по своей гражданской журналистике?

Р.С. Гольдберг: Сначала воспоминание. Когда в 1999 году вышла «Книга расстрелянных», В. Князев написал весьма изумившую меня рецензию с заголовком «Гражданский подвиг Рафаэля Гольдберга». Я был недоволен пафосом, а Ю. Казаков сказал мне: «Ты что хотел, чтобы он написал “военный подвиг”»? Как видим, здесь антитезис снимает героический, романтический флер. Просто есть работа, нормально сделанная работа, и не надо украшать ее с помощью пафосных слов типа «гражданственность». Я не понимаю этих вещей, честно говорю. Это все равно, что встал утром, бреешься перед зеркалом и думаешь: «Так, сегодня я исполню свою миссию». ...Есть понятия, которые для каждого человека, если он считает себя приличным, являются азбучными и не требуют анализа.

И.А. Пермякова: У меня такое ощущение, что эта дискуссия завязалась как раз потому, что, вопреки вашим словам, это не азбучные для нас истины. Мне, например, важно отразить эти понятия. Чтобы в тот момент, когда я пишу свой материал, или выбираю тему для материала, не смутиться и быстро сделать правильный выбор, я должна сейчас, здесь эти понятия отразить.

Когда нам предложили проранжировать смыслы понятия «гражданственность журналистики», я поняла, что готова обсуждать это сама с собой и внутри нашего сообщества. Это не флер, не искусственность. В качестве саморефлексии это полезно и это должно быть. Но когда кто-то извне предъявляет требования к журналистике «быть гражданской» – это выглядит пафосно, натужно и вызывает отторжение (...).

Когда у меня Рафаэль Соломонович спросит: «Ира, что ты сегодня напишешь?», передо мной встанет выбор: напишу про какое-то мероприятие официальное или про нечто приятное, или про интересное, а может пойду и освещу непопулярную тему, к примеру, о Березовой роще.

Р.С. Гольдберг: Давайте, придумаем термометр с градуированной шкалой гражданственности и начнем измерять прессу.

Х: Я хочу просто привести пример. Есть журнал «Русский Ньюсуик» – абсолютно сервисный мир журналистики, выстроенный четко по формату, так, чтобы хорошо продавался. Продается хорошо. Без лишнего пафоса, но качественно освещает разные стороны действительности. Мне кажется, что этот журнал, при отсутствии какого-то демократического пафоса в действительности делает для гражданского общества больше, чем при всем моем уважении, «Новая газета», с ее пафосом, с ее гражданственностью и т.п. К «Ньюсуику» больше доверия. Почему? Потому что журналисты просто качественно описывают действительность, со всех сторон, собирают максимальное число точек зрения, максимальное количество информации. И редактор следит не за тем, чтобы они «выполнили гражданскую миссию», а за тем, всю ли информацию они собрали. В результате, мне кажется, сейчас больше их никто не делает для общества.

Ведущий: Реплика знатокам русского языка, которые с легкостью определяют понятие «гражданский» через соотнесение, скажем, с понятием «военный». На всякий случай, напомним еще один смысл этого слова, связанный со словосочетанием «гражданское общество». Гражданское общество – общество граждан (первоначально – горожан). И оно должно отвечать некоторому набору признаков, прежде всего – наличию автономной личности (...).

М.В. Богданова: О результатах ранжирования смыслов понятия «гражданственность журналистики».

Сводная таблица рейтинга

Смыслы понятия «гражданственность журналистики»	Шкала рейтинга									
	1 место		2 место		3 место		4 место		5 место	
	Как есть	Как дол жно	Как есть	Как дол жно	Как есть	Как дол жно	Как есть	Как дол жно	Как есть	Как дол жно
Концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.	4	0	5	2	2	4	3	3	2	9
И миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность	0	6	2	3	4	1	3	2	3	1
Личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции	3	3	3	3	4	6	1	1	4	4
Журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества	2	6	3	6	4	3	4	1	3	1
Личная вовлеченность журналиста, его персональное гражданское участие в решении какой-либо проблемы	2	2	1	1	3	5	3	9	7	1

Экспресс-комментарии

1. Соотнося разные смыслы понятия «гражданственность журналистики» с *реальной* ситуацией («сущее», «как есть»), участники практикума первое и второе места присвоили характеристике «концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.».

2. Соотнося разнообразие предложенных для ранжирования смыслов понятия «гражданственность журналистики» с *идеальной* ситуацией («как должно быть»), большинство участников практикума первое и второе места присвоили характеристике «журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества».

3. Такой смысл понятия «гражданственность журналистики», как «быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность», при оценке ситуации по критерию «как должно быть» по количеству присвоенных ему первых мест не уступает характеристике «журналист связывает свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества», уступая ему лишь по количеству присвоенных вторых мест.

Таким образом, характеристика гражданственности журналистики как миссии журналиста «быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность» – с позиции должного – находится в первых строчках рейтинга.

4. Особого внимания заслуживает рейтинг такого смысла понятия «гражданственность журналистики», как «личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции»: он занимает одинаковые места в рейтинге как в ситуации реальной, так и в ситуации идеальной.

Ведущий: Ради чего мы затеяли рейтинг? Чтобы проверить наше вполне очевидное предположение о напряжении между реальностью и тем, как должно быть в значении такой характеристики профессии, как ее гражданственность? Нет. Но ради того, чтобы

взвесить значимость такой важной для нашей гипотезы версии характеристики «гражданственность журналистики»: «и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность».

Ведущий процитировал фрагмент из материалов экспертного опроса, показывающий один из аргументов выбора этой версии: «Такое соучастие очень важно, даже если тебя лично какая-либо проблема не очень-то волнует. Более того, в нашем обществе журналист должен быть не только соучастником, но и инициатором осмысления, актуализации какой-либо общественной проблемы, потому что общество, по большому счету, все же пассивно, мы только учимся быть гражданами. А журналист несет социальную ответственность, поэтому должен быть дальновиднее» (...).

В.А. Макаров: Да, мы в какой-то степени толкаем граждан к более активной позиции, акцентируя внимание на гражданских организациях (может быть, чрезмерно концентрируя это внимание), например, на формировании общественной палаты, общественного совета города и т.п. Они, конечно же, зависимы от власти, но, тем не менее, это все равно какое-то движение, гражданская активность. В этом смысле журналисты выступают инициаторами, уже сообщая об их деятельности (...).

В.А. Кабакова: Мне кажется, что пример, который привел В. Макаров, не является примером инициативы журналистики: у него речь шла о журналисте, который просто берет ту информацию, которая есть на поверхности. А инициативой была бы попытка проанализировать то, как формируются общественные палаты в городе, в области с точки зрения нормального развития гражданского общества (...).

Ведущий: На мой взгляд, судя по тюменской прессе, в отношении к недавним конфликтным ситуациям, волнующим городскую общественность – «Березовая роща», «Областной роддом», «Черемуха Маака», – тюменские СМИ лишь в очень редких случаях проявили гражданскую позицию, а в большинстве случаев – уклонистскую позицию. Но и те СМИ, которые «откликнулись», работали лишь в привычном для них формате, не пытались освоить современные гражданские технологии.

Потому в программу нашего семинара была включена гипотеза авторов проекта о необходимости отношения к журналистике как высокой профессии, предполагающей особое понимание гражданственности как владения современными гражданскими технологиями. И они называются гражданскими не в противоположность военным, а потому что рассчитаны на гражданское участие людей, осознающих себя субъектами этого общества.

Не слишком ли это мало – просто писать объективно, надеясь, что этим журналист уже выполняет гражданскую миссию своей профессии? Не обманывают ли журналисты себя, полагая: «мы даем объективную картину, мы представляем две точки зрения. Чего еще надо от нас? Мы свою профессию реализовали, остальное пусть делают гражданские организации или политические партии».

Нет. Современный журналист, кажется мне, должен еще и владеть гражданскими технологиями, которые помогут ему в его высокой профессии стать более полезным обществу. Например, технологией под названием «Переговорная площадка» или, например, технологией под названием «Общественная экспертиза», или такой гражданской технологией, как «Общественные дебаты». Владеет ли кто-нибудь из вас хотя бы одной из этих технологий? А ведь без них журналисты мало полезны становящемуся гражданскому обществу.

Гипотеза наша: именно журналисты, а не только политические партии, общественные объединения и некоммерческие организации должны работать на гражданское общество с помощью отрефлектированных и технологизированных до инструментария гражданских технологий.

Далее Ведущий сообщает, что в папках с раздаточными материалами вложена информация о некоторых современных гражданских технологиях. С помощью одной из них участникам практикума предстоит поработать после перерыва.

Л.В. Караваева: Недавно я и еще два других участника практикума были (в порядке изучения опыта) в городе Чикаго. И там никто не ищет гражданского смысла журналистики – подобные разговоры были бессмысленны в принципе. Все очень просто. Журналисты пишут то, что они видят; читатели читают и голосуют рублем за то или иное издание. По состоянию и общества, и прессы, мы сегодня отстаем от них лет на тридцать (если не

на сорок). Сейчас мы переживаем те болезни, которыми они уже переболели. Поэтому я, честно говоря, без ужаса смотрю на окружающую действительность.

Е.О. Кох: Я со многим бы согласилась в выступлении Людмилы Викторовны, но мне примерещилось в ее выступлении (может быть, она и не это хотела сказать), что у нас как бы слишком много капитализма сейчас, а вот когда мы немножко его сгладим, вот тогда будет хорошо. На самом деле, капитализм-то, в идеальном своем состоянии, морален, я так считаю как человек правых взглядов. В нормальном капиталистическом обществе сервисная профессия может быть автоматически нормальной, гражданской. Но у нас капитализма еще слишком мало (...).

Ведущий: К сожалению или к счастью, но пока никто напрямую ни отверг, ни поддержал мою гипотезу о гражданских технологиях, хотя нам предстоит сейчас, после перерыва, с ними поработать. И мне остается только отреагировать на слова о том, что в развитом гражданском обществе, капиталистическом обществе (это синонимы фактически), проблема применения журналистами – в своей профессии – гражданских технологий не встает, ибо они просто печатают газеты, выпускают телепрограммы, руководствуясь минимальным профессиональным стандартом, который является стандартом для всей журналистики, а не только для отечественной.

Я хочу придраться к слову, которое сказала Людмила Викторовна, – «там». Но мы – здесь. И единственным основанием для выдвижения моей гипотезы является нынешнее состояние нашего общества. Переходное состояние. Да, некоторые исследователи и эксперты говорят, что все, перепутье кончилось, теперь уже нет смысла рассуждать о ситуации выбора (направо пойдешь – будет либеральное государство, налево пойдешь – другое государство) и потому можно бороться за тот или иной сценарий. Сейчас Рубикон перейден, нет никакого множества сценариев, ясно куда идет наша страна.

Я пока с выводом о том, что Рубикон уже перейден, не согласен. А если он еще не перейден, если еще выбор есть и что-то можно сделать, то я и нагружаю журналистов сверхзадачей. Работать на развитие гражданского общества как на вполне реальный сценарий, в том числе работать с помощью гражданских технологий.

Р.С. Гольдберг: Вспомним культовый фильм «Белое солнце пустыни» и его героя красноармейца Сухова. Помните главную фразу Сухова (она к нашему разговору относится): «желательно, конечно, помучиться». Вот этим и занимаемся – и мы, и страна в целом.

Этап 3.

Ведущий объявляет задачу завершающего этапа практикума: испытание гипотезы *«Гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий»* через «примерку» одной из них – общественной экспертизы – методом игрового моделирования конкретной ситуации из журналистской практики. И подчеркивает, что благодаря практикуму, журналисты еще до того, как начнут использовать гражданские технологии в отношении своей аудитории, испытают эффект таких технологий «на самих себе» – смоделируют применение технологии гражданской экспертизы, направленной на анализ и оценку профессиональной деятельности *самых журналистов*.

Ведущий рассказывает участникам практикума об идее *условного* общественного Фонда гражданской экспертизы. Миссия Фонда – защита профессионализма СМИ от непрофессионалов, которые подрывают доверие общества к профессии. Испытание идеи предлагается провести в режиме «экспертиза экспертизы» на примере одной из акций *прототипа* Фонда – реально действующего Центра медиаэтики под руководством Ю.В. Казакова. Для процедуры такого испытания предлагается разделить на группы: «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы».

Далее *Ведущий* раздает группам текст статьи «Просто Сергей» из карельской газеты, посвященной юбилею местного губернатора.

ПРОСТО СЕРГЕЙ

Сегодня Сергею Катанандову исполняется 50 лет. В этот день мы хотим рассказать о нашем губернаторе немного с новой стороны, представить вам неизвестные моменты из его жизни. Ведь мы привыкли видеть Сергея Леонидовича в официальной обстановке...

Привыкли к тому, что он руководитель, что немало лет занимает главные посты в Петрозаводске и республике. А каким был маленький Сережа Катанандов? Каким его помнят педагоги и одноклассники?

Перед вами короткие интервью с теми, кто знал нашего губернатора тогда, когда он был для всех просто Сергеем. Кстати, их воспоминания не всегда совпадают, что тоже интересно. Может, и самому юбиляру будет любопытно освежить в памяти некоторые истории детства и молодости.

Вера Ивановна ОСТАШКОВА, первая учительница, работала в школе № 22 Петрозаводска:

– Сережа был энергичным, живым, всегда работающим учеником. Никогда не дремал. Занимался и октябрятской, и пионерской работой. Часто выступал вместе с другими ребятами в тогдашнем Доме политпросвещения перед началом официальных мероприятий. Участвовал в «Зарничке». Надо отметить, что большое и хорошее влияние на него оказывала мама. Она всегда интересовалась его школьными делами.

– А как учился будущий губернатор?

– Хорошо. У них вообще был очень хороший класс. 24 человека учились только на 4 и 5. Они почти все поступили в нашу школу из одного детсадика, где получили приличную подготовку.

– Какие-то предметы любил особенно?

– В принципе, все ему давалось. Из любимых, пожалуй, можно назвать уроки чтения – Сергею нравилось первым из класса с выражением читать новые стихотворения. По физкультуре, труду у него были постоянно хорошие отметки.

– Ну, а провалы были?

– Нет, разве что чистописание порой не получалось. Слишком торопился написать текст.

– Думали ли вы, что ваш ученик достигнет таких высот?

– А вы знаете, могла предположить. Он уже тогда был не по годам организованным ребенком. Видны были его лидерские способности. И учителя ощущали в нем потребность учиться, узнавать новое. Эта потребность, как мне кажется, и с годами в нем не исчезла.

– Что пожелаете в этот день Сергею Леонидовичу?

– Оставаться таким же хорошим руководителем, прислушиваться к мнению простых людей, к нуждам народа. Здоровья, успехов и так держать!

Юрий Степанович КУЗНЕЦОВ, доцент кафедры организации технологии строительного производства, сейчас пенсионер:

– Я вел в группе Катанандова самый главный предмет – строительство и технологию. Надо сказать, студентом Сергей был хорошим. Сейчас-то он для меня Сергей Леонидович, а раньше, конечно, звал его просто Сережей.

– Что, и не прогуливал?

– Нет, что вы. Он ведь был и секретарем комсомольской организации. Кстати, я приходил на комсомольские собрания, которые он проводил, и иногда слегка осаживал, придерживал его.

– Что так?

– Излишне самоуверенным порой он бывал. Но вообще я поражался и говорил ему: «Как ты все успеваешь?». Ведь кроме учебы и общественных нагрузок он играл за баскетбольную сборную. Но вот как-то на все время находилось. И все удавалось.

– Ваши пожелания?

– В первую очередь – здоровья! Уважения людей и не зазнаваться!

Галина Николаевна ФОКИНА, главный бухгалтер центра «Недвижимость», одноклассница в 9-10 классах 30-й школы, была свидетельницей на свадьбе:

– Наш класс был просто звездный. Мы пришли в 30-ю школу из разных школ, но как-то сразу подружились и стали одной командой. В наших мальчиков влюблялись все девочки из других классов.

– Учителя говорят, что в Сергее Катанандове уже в школьные годы был виден будущий руководитель. А одноклассники так считали?

– Наверное, нет. Я же говорю, у нас все ребята были такими яркими, что резко на общем фоне никто не выделялся. Тем более что, чего уж скрывать, порой Сережа и проявлял организаторские способности, но направлены они были не только на благое дело. Прогулять уроки мы очень любили. Только позови – сразу сорвемся. Но при этом и учились нормально. Особенно пришлось подналечь на все предметы, когда мы узнали, что теперь при поступлении будет учитываться средний балл аттестата. Вот тут и пришлось засесть даже за те предметы, которые казались ненужными.

– Со своей будущей женой С. Катанандов познакомился в школе. Окружающие замечали начало романа?

– Наташа Рыжкова считалась самой красивой девочкой в нашем классе. Но романа в школе у них не было – так, детские заигрывания. Они сидели за разными партами, и Сергей любил подкрасться и незаметно дернуть ее сзади за волосы. Она начинала кричать, а он говорил: «На мужа своего будешь орать». Как в воду глядел. Серьезные чувства у них возникли уже потом, когда они, так сказать, «заново» встретились в университете.

– С учителями спорили?

– В те времена была мода – длинные волосы у парней. И Сергей не избежал этого везания. А наш директор, знаменитый Дорофей Никитич Музалев, стоял с утра у школьных дверей и проверял – кто из ребят с какой прической идет. Раз сделал замечание Катанандову – никакого эффекта, два – то же самое. На третий раз не выдержал, дал ему свои деньги и велел идти в парикмахерскую. Пришлось подстричься.

– Но потом-то, наверное, снова отрастил?

– Конечно, долго ли.

– А как прошел выпускной?

– В тот год почему-то всех выпускников города собрали в одном месте, в парке культуры и отдыха. Меня не было, я уехала отдыхать. А Сережа забрел на враждебную нам территорию, где собрались выпускники 17-й школы. И подрался с ними, лицо оказалось разбито. Поэтому на выпускной фотографии его нет.

– После окончания школы собираетесь?

– Да, периодически. Последний раз собирались на 30-летие выпуска. Но связи друг с другом стараемся не терять постоянно.

– Что пожелаете?

– Все, что желают в таких случаях, – здоровья, счастья, удачи!

Александр Николаевич БАЛЕВ, директор водно-оздоровительного комплекса «Акватика», друг со школьных времен:

– Я занимался другими видами спорта, но однажды на перемене ко мне подошел Сергей, а мы учились в параллельных классах, и сказал: «А ты высокий, давай баскетболом займешься». Так мы и стали вместе заниматься в детской спортивной школе № 4. А потом вместе поступили в университет, на факультет промышленно-гражданского строительства, были в одной группе. Группа наша считалась самой дружной на факультете, все праздники отмечали вместе.

– Баскетбол не бросили?

– Нет. Наша факультетская команда была одной из лучших, побеждала в университетских соревнованиях. За результат мы всегда переживали очень сильно. Так обсуждали после игры все, что происходило на площадке, что стены тряслись. Тренировок было по четыре-пять в неделю, но как-то все успевали. Мысли бросить спорт не было.

– Что еще запомнилось из студенческих лет?

– Поездки в стройотряды. Это было хорошей проверкой отношений. Слабые не могли там выдержать. Между прочим, конкурс на место в стройотряде был немаленький – четыре человека на место. Так что туда ехали крепкие ребята. Построили за студенческие годы много. Например, в Видлице – зверофермы, дома, фермы для крупного рогатого скота. Уезжали надолго – месяца на два. Помню, все время хотелось

есть: питание было не очень – макароны, каша, а мы – молодые парни, нужно что-нибудь посуше. И о сладком мечтали.

Однажды к Сергею приехал отец, мы говорим: «Ты скажи ему, что ботинки прохудились, пусть даст денег на новые, а мы на них еды купим». Он так и поступил. А мы в это время отсутствовали, возвращаемся и видим картину: на кровати Сережи стоят новые ботинки и лежит десять пар носков. То есть отец решил сам приобрести обувь для сына. Так что остались без сладкого.

Еще вспоминаю, как однажды в той же Видлице мы грузили камень для фундамента, это очень тяжелая работа, нужно было доставать его из воды. Устали жутко. А возвращаться на ночевку пришлось пешком, машина сломалась. Ветер, дождь, шагать далеко. Решили разжечь костер. И ни одной бумажки или деревяшки под рукой. Тогда Сергей пожертвовал самое дорогое, что у него было, – достал из кармана письмо от жены Наташи. Он был первым из нашей группы, кто женился. Надо себе представить, какое значение для нас имели письма из дома, ведь родных не видели уже долго. Письма хранили, перечитывали. Но пришлось Сереже с ним расстаться. С помощью письма разожгли костер и согрелись, а потом и до «дома» дошагали.

– Изменился ли Сергей Леонидович с той поры, как стал занимать высокие должности?

– Нет, для нас – совсем не изменился. Остался таким же простым. Причем очень внимательным ко всем. Скажем, если увидит на улице детей друзей, обязательно останавливается, спросит, как дела. Не для профформы, а с неподдельным интересом.

– Что пожелаете юбиляру?

– Оставаться таким же целеустремленным, всегда добиваться желаемого результата!

Коллектив «...» присоединяется к поздравлениям в адрес Сергея Катанандова. Мы, со своей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к деятельности главы республики продолжает оставаться таким же пристальным.

Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, Сергей Леонидович, ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!

Первое задание для групповой работы: ознакомиться с текстом и дать комментарий: есть ли основания для особого внимания к этим текстам, внимания «аудитории», «журналистов», «редакторов».

После работы в группах (...) их спикеры выступают с комментарием о (не)целесообразности особого внимания к этим текстам.

Спикер группы «Аудитория», К. Ним: Основное мнение – эта статья не очень-то интересна, читать ее не стоит. И есть мнение, что статья направлена на не очень интеллектуального читателя.

А.Н. Скорбенко («Аудитория»): Я считаю, что в этой статье есть то особенное, что позволяет нам, как «Аудитории», сначала ее выделить и прочитать, и уже потом давать ей какие-то оценки – фигура губернатора, значимая фигура для любого региона. Его личная жизнь интересна нам – поскольку он публичная фигура. Другой вопрос: зачем подавать его так прямолинейно и дубово? Но это уже тема технологии исполнения, стилистики реализации задачи, визуальных решений.

Спикер группы «Редакторы», А.Г. Носиков: Это такой подарок газеты на день рождения губернатора. Безусловно, подарок, и надо рассматривать это только как подарок. Это поздравительная статья, а для того, чтобы придать ей характер журналистской работы, формально избран способ показать его с незнакомой публике стороны, раскрыть якобы какие-то особенности его личности, какие-то факты из его прошлого, которые бы помогли рассказать о нем, как о человеке. Но это, безусловно, подарок.

Мы в группе посоветовались и пришли к выводу: мы бы материал этот в номер не поставили. Тем более, что в нем еще и – в нарушение всех профессиональных канонов – три фотографии на одной странице (...).

Л.А. Вохмина («Редакторы»): Этот материал натолкнул меня на воспоминания. Год или полтора назад была пресс-конференция по поводу какого-то юбилейного, двухлетне-

го или трехлетнего, пребывания нашего губернатора в должности. И представитель одной из наших газет, тюменских, задала губернатору буквально такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, а что вы сделали, чтобы стать таким человеком, какой вы сейчас есть?».

Спикер группы «Журналисты», Е.М. Ганопольская: Обнаруживается редкое единение между «Аудиторией», «Редакторами» и «Журналистами». Наша группа может сказать в отношении этого текста практически то же самое. Конечно же, первое, о чем мы думаем – на месте этого человека мог быть другой герой. То есть, в принципе, каждый из нас, любой человек, может стать героем такого материала. Но не становится. В этом загвоздка. Почему именно героем данного материала стал этот «просто Сергей»? Потому что он губернатор. Интересен для аудитории этот герой? Да, интересен. Личная жизнь официального лица всегда интересна. Третье – профессиональная оценка текста: мы понимаем, что он исполнен тая-ляп, явно халтурный текст. Но профессиональная оценка – это одно. Мы бы сделали по-другому. Но что нас «цепляет» в этом тексте, так это мотив его появления в газете. Лести в адрес губернатора, слишком много.

И.А. Пермякова («Журналисты»): Хорошо бы, если бы и газета, публикуя такой материал, и журналист, который его готовит и подписывается, отдавали себе отчет в том, что им может грозить остракизм профессионального сообщества. А если профессиональное сообщество занимает позицию «понимания» обстоятельств (журналистов можно понять, они же в такой ситуации, им же дают финансирование и т.п.), значит и в самом обществе какие-то проблемы.

Е.О. Кох («Журналисты»): Низкое качество этого материала объясняется как раз тем, что для журналиста это было лишь «отработкой номера». Такое двойственное отношение есть и у многих тюменских журналистов. Раздвоение, компромисс: я буду на тебя работать за твои деньги, но сделаю все «левой ногой», а самовыражусь где-то там, например в Интернете стихи напишу. Я намекаю на один вполне конкретный спор, который произошел однажды. Одна моя знакомая поспорила именно на эту тему. То есть, журналист, который пишет плохо и при этом думает, что за деньги работает одна его половина, а другая половина где-то там, высоко, и это две разные вещи, – достоин отповеди.

Ведущий: А теперь, после того, как вы высказались по поводу (не)целесообразности хотя бы какого-то внимания, критического или позитивного, к этой статье, мы предлагаем вам ознакомиться с текстом человека, который, обнаружив в газете эту статью, посчитал необходимым отправить его на экспертизу специалисту по медиаэтике.

Раздача текста:

Шифр: П-Т-25-05

Тип конфликта: СМИ – власть

Описание события: К 50-летию губернатора в республиканской газете появился материал «Просто Сергей», рассказывающий о неизвестных сторонах его жизни.

Фрагменты текста:

«Коллектив "Курьера Карелии" присоединяется к поздравлениям в адрес Сергея Катанандова. Мы, со своей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к деятельности главы республики продолжает оставаться таким же пристальным.

Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, Сергей Леонидович, ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!»

Основания для профессионально-этической экспертизы: обнаружение признаков сервильной журналистики; предположение, что автор и издание на «юбилейной волне» преодолели границу допустимого стандартом «вытянутой руки» в отношениях прессы к власти.

Вопросы к экспертам:

Справедливо ли предположение, дает ли публикация основания говорить о недопустимом сокращении прессо-властной дистанции?

Есть ли основания полагать, что стандарт «вытянутой руки», характерный для англосаксонской прессы, распространяется и на российскую прессу; в частности, заложен ли он как комплекс (или как сумма отдельных элементов) в каких-либо российских профессионально-этических документах?

Распространим ли этот общий стандарт (формат «пресса-власть») на уровень взаимоотношений конкретного СМИ с конкретной персоной, пусть даже и олицетворяющей на

данный момент конкретный властный институт или конкретный орган государственного управления?

Ведущий: Итак, некая команда людей вела мониторинг за прессой. Она выделила статью, которую вы только что прочитали, и написала текст заявки на экспертизу, который вы сейчас получили.

Задание группам: Заслуживает ли прочитанная вами ранее статья специального заказа на экспертизу? Разделяете ли вы содержание заказа?

Работа в группах (...).

Спикер группы «Аудитория», К. Ним: Одна часть нашей группы считает, что такого рода экспертизу заказывать необходимо. Другая часть считает, что никакой экспертизы не нужно, текст статьи достаточно очевиден, а вопросы к экспертам сформулированы как-то не четко, не ясно.

Р.С. Гольдберг («Аудитория»): Предложенная нам, «Аудитории», бодяга не подлежит никакому анализу. А умные вопросы из текста заказа на экспертизу только позволяют авторам этой бодяги приподняться в собственных глазах; «видите, как научно нас изучают». Ни читать, ни изучать не надо.

Ведущий: А другая часть группы, которая сказала, что этот текст достоин экспертизы, каковы ваши аргументы в пользу заказа на экспертизу?

В.А. Макаров («Аудитория»): Я считаю, что экспертиза необходима, чтобы показать: проблема «дистанции вытянутой руки» существует в региональной прессе. (...)

Ведущий: Теперь слушаем позицию группы «Редакторы». Вы хотели бы, чтобы текст статьи был отправлен на экспертизу и чтобы эксперты получили такой набор вопросов?

Спикер группы «Редакторы», А.Г. Носиков: Нет, не хотели бы. Как и часть «Аудитории», считаем, что не нужно заказывать экспертизу для того, чтобы узнать, что перед нами на тарелке лежит – дерьмо, извиняюсь, или торт. Очевидные вещи. По тем основаниям, которые заявлены в вопросах эксперту, не хотели бы (...).

Спикер группы «Журналисты», Е.М. Ганопольская: Мы единодушны в своем решении: экспертиза такого рода статьи нужна. И вопросы к экспертам оправданны. В том, что материал плохой, никто из нас не сомневается и мы в этом не противоречим другим группам. Но, к сожалению, этот материал не только реальный, он и типичный. Мы же здесь сидим не в какой-то идеальной ситуации. Мы прекрасно знаем, что у нас такие же материалы публикуются. И вообще никакой «вытянутой руки» в российской прессе нет. А если «вытянутые руки» у нас и существуют, то они, скорее всего, «вытянуты по швам».

А.Н. Скорбенко («Аудитория»): Вы говорите, что все газеты публикуют такие «штуки». Или перейдите от обобщения к конкретике. Или попрошу снять тезис.

Е.М. Ганопольская: Я прошу не усматривать в моем обобщении никакой обиды, я просто прошу вас вернуться в реальную ситуацию, в которой «Журналисты», наша группа, себя ощущаем. А мы ощущаем, что эта проблема актуальна. Подобные материалы появляются, и они отражают ситуацию нынешнюю.

А.Н. Скорбенко: Читать-то мы все умеем, я думаю. Я спросил, какой конкретно из морально-этических вопросов к эксперту вашей группе кажется важным?

Реплика из группы «Журналисты» (В.А. Кабакова): Обнаружение признаков сервильности профессии, о которых мы сегодня с утра говорим.

Е.О. Кох («Журналисты»): С точки зрения «Аудитории», вы абсолютно правы. «Аудитория» видит, где конфетка, а где что-то иное, и ей экспертиза не нужна. А вот к вопросу о том, почему «Журналисты» настаивают на целесообразности экспертизы. Для создания прецедентного решения, чтобы раз и навсегда решить, что хорошо, а что плохо, чтобы было на что опираться, когда окажешься в подобной ситуации.

Что касается накаляющейся атмосферы в зале по поводу реальности такой ситуации для нас, – давайте, чтобы не кивать на конкретное издание, вспомним «чай прессы с губернатором» под Новый год. Там были все наши ведущие СМИ. Я помню, что все выглядело так, будто губернатор пытается отвечать на не заданные вопросы. То есть, ему даже вопросов, которые висели в воздухе, никто не задал, а он пытался отвечать. Это ненормально, когда вопрос не задается, а если и задается, то до такой степени смягчается, что тошнит; а губернатор ведь был готов отвечать и отвечает на не заданные вопросы.

Р.С. Гольдберг («Аудитория»): Лена хочет сказать, что дело не столько в губернаторе, сколько в журналистах?

Е.О. Кох: Дело в журналистах, конечно.

И.А. Пермякова («Журналисты»): Очевидно, что для того чтобы определить свои профессионально-этические рамки, экспертиза могла быть нужна не только журналистам. Экспертиза могла быть полезна и герою статьи – губернатору, – который вряд ли хотел так выглядеть перед своими читателями, а экспертиза помогла бы ему откреститься от такой статьи.

Е.О. Кох: Мы хорошо вошли в игровую ситуацию. «Аудитории» все ясно. Так и есть в жизни. «Редакторы» успокаивают себя: все нормально, лишь бы законы не нарушать. А «Журналисты» находятся в положении между молотом и наковальней, должным и действительным, и вот поэтому, собственно, нам-то очевидно, что вопросы экспертам поставлены четко и правильно. Более того, на самом деле, это никакие не вопросы – это ответы.

Р.С. Гольдберг («Аудитория»): Последние реплики из группы «Журналисты» меня убедили, что такого рода экспертиза – зеркало (вернемся к образу) для журналистов. Если они готовы посмотреть в него и если у них возникнут, как говорит Лена, вопросы, обращенные к себе, то, может быть, здесь и есть та точка роста, то зерно, из которого что-то и может вырасти (...).

Ведущий: Теперь я ознакомлю вас с экспертным заключением, подготовленным в ответ на заказанную экспертизу.

Раздача текста.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.П. Короченский)

Вопрос: Справедливо ли предположение, что публикация дает основания говорить о недопустимом сокращении прессо-властной дистанции?

Вполне справедливо. Публикация полностью выстроена на основе манипулятивного приема «свой парень», широко используемого в политической пропаганде и пиаре в целях создания благоприятного имиджа политика (в данном случае – главы региональной исполнительной власти) в глазах сограждан. Об этом свидетельствует уже сам заголовок («Просто Сергей»). Манипулятивное предназначение публикации прикрито использованием формы мини-интервью, когда характеристики фигуранта даны не в журналистском изложении, а в селективном пересказе свидетельств рядовых граждан – очевидцев жизни и деятельности «просто Сергея».

Селективный характер свидетельств косвенно подтверждается тем фактом, что в публикации воспроизводятся высказывания исключительно о положительных чертах личности и биографии фигуранта, призванные обрисовать С. Катанандова «таким, как все мы», но вместе с тем – как человека незаурядного, сильного, прирожденного лидера, чуткого к людям. Характеристики, способные вызвать амбивалентное отношение аудитории (например, «был секретарем комсомольской организации»), сбалансированы упоминанием о «вольномудстве» фигуранта в юные годы (носил длинные волосы и сопротивлялся приказу директора школы постричься).

Характер содержания публикации достаточно красноречив, и он косвенно свидетельствует о переходе её автора и редакции «Курьера Карелии» в область этического конфликта интересов – реального или мнимого. Ситуация реального конфликта интересов возникает, когда журналист ради материальных или иных собственных корыстных интересов и выгод (политических, статусных, карьерных, имиджевых) выступает в роли пиармена, небескорыстного партнера власти и в итоге приносит в жертву широко понимаемые базовые интересы своей профессии, журналистской корпорации, СМИ как общественного института. Прямых доказательств корыстной заинтересованности журналиста в появлении данного пиарналистского продукта на страницах газеты не существует. Но такую заинтересованность легко предположить, учитывая нетипичную тональность публикации.

Возможна также этическая ситуация мнимого конфликта интересов, когда журналист, так или иначе, создаёт основания для возникновения читательских подозрений в небескорыстном характере его взаимодействия с властью, хотя такого взаимодействия в действительности не существовало (в данном случае это менее вероятно).

В странах с укоренившимися демократическими институтами и традициями подобные публикации о представителе власти возможны только после окончания его политической карьеры либо после смерти «при исполнении». Журналистские материалы, свидетельствующие о недопустимом сокращении дистанции между прессой и властью, подрывают доверие граждан к СМИ, которое является ключевым условием нормальной профессиональной деятельности журналистов и реализации прессой своего общественного предназначения в условиях демократии. Шведский этический кодекс для работников прессы, радио и телевидения гласит: «храните доверие к радио, телевидению и прессе... Не создавайте предпосылок для подозрения, что у кого-то есть возможность влиять на СМИ с целью искажения объективности материалов. Поэтому не публикуйте среди журналистских материалов того, что не мотивировано интересами журналистики».

Сомнительно, что аудитория «Курьера Карелии» сохранит доверие к газете, своё представление о ней как об органе прессы, для которого приоритетно информационное обслуживание читателей (а не роль информационных подручных и воспевателей власти), прочитав публикацию о «просто Сергее». Особенно красноречив откровенно «верноподданнический» заключительный фрагмент текста.

Вопрос: Есть ли основания полагать, что стандарт «вытянутой руки», характерный для англосаксонской прессы, распространяется и на российскую прессу; в частности, заложен ли он как комплекс (или как сумма отдельных элементов) в каких-либо российских профессионально-этических документах?

Стандарт «вытянутой руки» как таковой, как определенный набор взаимосвязанных норм, в отечественной прессе не укоренился и в российских кодексах отражен фрагментарно. Представлены лишь отдельные нормативные элементы, имеющие к нему отношение (например, рекомендация журналистам воздерживаться от занятия официальных постов). В российских условиях оказались чрезвычайно живучими формировавшиеся еще с петровских времен представления о журналистах как о «государственных людях» – помощниках и близких партнерах власти.

Вопрос: Распространим ли этот общий стандарт (формат «пресса-власть») на уровень взаимоотношений конкретного СМИ с конкретной персоной, пусть даже и олицетворяющей на данный момент конкретный властный институт или конкретный орган государственного управления?

В странах зрелой демократии распространим (не без частных оговорок). В условиях же России с её политической и экономической спецификой, с непреходящим огромным значением личного фактора в политике, экономике и общественных делах распространение этого стандарта чрезвычайно проблематично.

Работа в группах (...).

Выступления спикеров групп начинается с «Аудитории».

Спикер группы К. Ним: В группе сформировалось несколько мнений. Первое: нам интересно прочитать подобное экспертное заключение, потому что нам интересен сам журналист и то, что происходит внутри журналистского сообщества.

Есть мнение, что суждения эксперта очень хорошо обоснованы, но, возможно, стоило бы их подать в каком-то другом формате (пока не ясно каком), каким-то другим языком донести свою позицию до аудитории, потому что сейчас это текст, адресованный, скорее всего, профессионалам-журналистам.

А.Н. Скорбенко («Аудитория»): У меня родственники работали в пиаре и поэтому я как читатель, простой обыватель, читая эту экспертизу, думал: кто заказал ее и с какой целью? Вполне возможно, что здесь отыгрывается интересная схема: некоторые люди заказывают в хорошей газете или в плохой (без разницы) комплиментарную статью, дают газете денег, а потом заказывают вот такую экспертизу. И получается, что с помощью этой экспертизы «мочат» газету, подкапывают под нее, разваливают, решая при этом свои задачи. Первая – идет реклама губернатора для очень лохотронутых читателей. Вторая – его реклама для очень высококолых людей: с помощью экспертизы он отрецируется от *такой* статьи, показывая, что поставил все на место. Это нормальный ход пиар-компании, которая пошла от дубовой публикации до хорошо просчитанной (ориентированной на элитную) рекламы с помощью экспертной акции. Поэтому я как читатель с интересом прочитал экспертизу.

И.А. Пермьякова: Из этого сообщения мы можем сделать для себя вывод: как журналисты мы не должны позволить «драматургам» так просто нами манипулировать – газета сама себя убила, не важно чьими руками.

Спикер группы «Редакторы», А.Г. Носиков: Текст экспертного заключения воспринимается не совсем как экспертно-аналитическая работа. Если в первой части текста видно, что эксперт разбирается в политических технологиях (он раскрывает пиар-прием «свой парень»), то что касается остального – там просто неподтвержденные фактами выводы, голословное абсолютно сопоставление, штампованное сопоставление зрелой демократии и российской действительности. Неаргументированные выводы. Очень много экспрессии, которой не должно быть в экспертизе. Много пафоса, много воды. Видится отношение эксперта к явлению, но это не есть результат научного анализа.

Ведущий: Есть вопросы к «Редакторам»?

А.Н. Скорбенко: А как бы вы это сделали?

Л.Н. Вохмина («Редакторы»): Если бы я была редактором этой газеты, уволилась бы на следующий день, наверное.

Л.А. Рычкова («Редакторы»): А я бы своим собственным анализом текста доказала (до того, как он пошел в публикацию), что он не имеет права на существование.

Ведущий: Я не знаю, как в будущей стенограмме выразить словами жест, когда один член группы «Редакторы» прикасается пальцем к голове другого.

Р.С. Гольдберг («Аудитория»): Вопрос «Редактору» Рычковой. Вы не слишком навивно думаете, полагая, что вам удалось бы убедить заказчика, что этот материал во вред герою? Вам бы просто сказали: «Ваши высоколобые материалы ориентированы на очень тонкий слой читателей, а массовый читатель верит всему, что пишут газеты. Публикуй, дружок».

Л.А. Рычкова: Я бы ее все равно не опубликовала, а на следующий день – уволилась (...).

Спикер группы «Журналисты», Е.М. Ганопольская: Мне видится гораздо более реальной такая ситуация, когда редактор просто требует доработать этот материал, а не отвергает его. И вот поэтому, поскольку мы считаем эту ситуацию реальной, я и мои коллеги посчитали экспертизу необходимой. По поводу текста экспертного заключения мы не были столь единодушны, как по поводу заказа на экспертизу. Один из нас считает, что формулировки все-таки чересчур категоричны. Еще одно мнение: слишком умно написано для такого простого повода. Есть мнение, что текст экспертного заключения полностью соответствует ожиданиям, именно таким он должен быть. В целом мы согласны с экспертом.

Е.О. Кох («Журналисты»): Текст экспертного заключения подтверждает необходимость экспертизы. Я не согласна с теми, кто говорил здесь, будто и без этой экспертизы все сказано. Нет. Во-первых, здесь не прозвучало, а эксперт отметил в статье смешение функций журналистики и пиара. Эксперт сказал и о манипуляции как приеме – здесь об этом не говорилось. Эти особенности статьи эксперт заострил не зря. Благодаря экспертизе мы пытаемся дистанцировать цех от тех, кто так себя ведет. Это инструмент цеховой защиты.

В.А. Кабакова («Журналисты»): Я не очень хорошо понимаю формат такого рода экспертиз, но мне кажется, что суждения эксперта слишком категоричны, как стук кулаком по столу.

Е.О. Кох: Мне кажется важным, что эксперт показал недоработки, дыры в нашем этическом кодексе. Уже поэтому экспертиза нужна и может быть благодаря прецеденту какие-то бреши в кодексах будут закрыты.

С другой стороны, если говорить об общественной экспертизе в целом, то у нее должны быть свои пределы. Иначе нельзя исключить ситуации, когда кто-то от имени «общества» скажет, что газету надо закрыть. А ведь у общества есть свои инструменты: бойкот газете, призыв не покупать ее, обращение к рекламодателям с просьбой не размещать рекламу. И это законные средства.

Мы должны быть на стороне общества, но и должны не потерять право сказать обществу все, что мы про него думаем (...).

Ведущий: Есть ли желающие сказать то, что должно быть сказано в финале?

В.А. Макаров («Аудитория»): Я считаю, что гражданские технологии, о которых мы сегодня здесь говорили, нужно применять на практике. Тем более, что главные претензии скептиков по поводу наших семинаров заключаются в том, что они далеки от практики. Эти технологии – один из способов развития самосознания и журналистов, и общества в целом.

Ведущий: Мы реализовали программу семинара.

Выводы из его работы – как и работы в целом – впереди. В том числе в выпуске очередных «Тетрадей гуманитарной экспертизы».

Жаль, что не хватило времени на тему кодекса для самих экспертов, в целом кодекса для гражданских технологий. Ведь журналисты на самих себе испытали потенциал гражданских технологий, к освоению которых призвал наш проект. Дело не только в том, чтобы убедить скептиков, уверенных, что гражданская экспертиза не обязательна (и так все ясно!), но и в том, чтобы предвидеть ловушки этих технологий. Например, ловушку самозванства. Возможно, это одна из задач следующего семинара.

«ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ»

В.А. Кабакова

ГИБКИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ?

Сформулированная для первого этапа семинара тема (что из себя представляет современная журналистика: «сервисное» ремесло или «высокую профессию») обещала интересную дискуссию, в результате которой можно было определиться с характеристиками «сервис», «сервильность» по отношению к журналистике. Порассуждать о том, откуда эти понятия пришли в журналистику и надолго ли «прописались» в ней? И какие изменения при таком положении дел претерпевает статус журналистики как «высокой» профессии?

Но дискуссию, на мой взгляд, участники семинара упростили. За все время обсуждения, насколько удалось проследить, были продекларированы три точки зрения. Первая и доминирующая в аудитории точка зрения: характеристика «сервис» не противоречит природе журналистской профессии – точно так же, как и другим профессиям. При этом не только не противоречит, но и вполне мирно сосуществует с ее «высоким» призванием. В этой точке зрения нельзя не заметить сочетание несочетаемого: с одной стороны, журналисты честны, говоря о том, что современная журналистика превращается в сервисную профессию. С другой стороны, хитры: чтобы сохранить свое лицо, нельзя не сказать, что журналистика – «высокая» профессия по своей природе. Как говорится, журналисты решились и на дерево влезть, и не поцарапаться при этом? Возможно ли такое?

Вторая точка зрения: все зависит от личности журналиста, который самостоятельно выбирает – служить ему в профессии или предоставлять информационные услуги. При этом обществу не нужно устанавливать для журналиста строгие рамки, журналист выбирает сам. В самостоятельности такого выбора есть свои «плюсы» и «минусы». «Плюс» в том, что журналист ощущает себя самостоятельным субъектом морального выбора профессиональных ценностей, осознавая степень ответственности за принятые решения. Но думаю, что общество все же имеет право предъявлять журналисту определенные требования, поскольку именно журналистике делегирована свобода слова. Свобода слова «в обмен» на профессионализм.

Но точка зрения о возросшей роли личности журналиста в становящемся гражданском обществе не получила своего развития в дальнейшем обсуждении, хотя направление было обозначено: если главное в профессии определяется личностью журналиста, то насколько важно для профессии, какой выбор делает профессиональная корпорация? Эта корпорация давно уже получила диагноз: разрозненная, атомизированная, корпоранты не имеют общих ценностных представлений о профессии, общих целей, не говоря уже о роли и миссии. В одной профессиональной корпорации действуют разные и противоречащие друг другу «правила игры». Но какой же в этом случае ставить диагноз самой профессии, одна из важных ценностных характеристик которой – наличие профессиональной корпорации? Вероятно, включение в процесс «присваивания» одной из моделей такого поворота темы было бы бесполезно, тем более, что слово «корпорация» в выступлениях журналистов звучало.

И третья точка зрения: журналистика – «высокая» профессия, и об этом журналисту (так же, как врачу, учителю, священнику) нужно или приходится помнить всегда. Так уж случилось, что данную группу представлял единственный журналист. (А может быть, и не случайно, а вполне закономерно?!) То ли потому, что позиция прозвучала достаточно четко, то ли потому, что участники семинара ее услышали, вопросов по существу в этой части тоже не было. Но если бы эта позиция не прозвучала, семинар можно было и не называть журналистским.

Почти все выступления коллег в первой части семинара воспринимались участниками как бесспорные. Возможно потому, что они были слишком обобщенными, выступающие старательно избегали какой-либо конкретизации, иногда игнорировали или «своди-

ли на нет» конкретные вопросы коллег. Например, во время разговора о том, важно или нет кого – общество или власть – обслуживает журналистика (если уж все признали за ней сервисную роль), прозвучал вопрос: «Меняется ли работа журналиста и должна ли она меняться в зависимости от того, кого мы обслуживаем?». Вопрос остался висеть в воздухе.

Между тем это очень важная постановка проблемы, если учесть мнение одного из участников семинара о том, что журналистика находится между властью и обществом, то есть обслуживает и власть, и общество. Так кого же профессиональнее обслуживает – власть, которая платит деньги, – или общество, интересы которого для журналистики должны быть во главе угла? Современная ситуация подсказывает ответ – лучше работает с властью, послушно продвигая властные проекты, игнорируя при этом интересы общества. Да, но вряд ли такой ответ имеет отношение к этому вопросу. По-моему, вопрос не совсем корректен. Вся сложность заключается в том, что качество работы журналиста не меняется, вообще не зависит от того, кого он «обслуживает»: власть или общество. Идти на поводу у общества так же опасно для журналиста, как и прислуживать власти. У журналистики существуют профессиональные ориентиры: это ценности гражданского общества («миссия пера») и нормы и правила профессии («техника пера»). Правда, сегодня журналисты выбирают скорее «технику пера». Например, на первом этапе семинара в группе «Г» говорили, что сегодня к журналисту не надо предъявлять высокие требования (следовать миссии), главное, чтобы он выполнял минимальный стандарт («техника безопасности»).

Возможно, если бы участники семинара не ушли от вопроса о «миссии» своей профессии, они смогли бы точнее увидеть рискованную связь между «сервисом» и «сервильностью».

Подводя итог обзора первой части семинара, следует еще раз отметить, что журналисты обошлись общими фразами, так и не определившись с предложенной дилеммой, не обозначив четкие критерии отнесения журналистики к сервисной или высокой профессии. Не проблематизировали для себя вопрос «достаточно ли в условиях переходного общества следовать “минимальному стандарту”?». Не слишком ли это «удобная» и безопасная позиция? Предположу, что именно из-за этого «пробела» участники семинара не увидели остроты тематики второго этапа семинара, на котором журналистам предлагалось выбрать верное, по их мнению, определение понятия «гражданственность журналистики». Некоторые участники семинара услышали лишь такое противопоставление: «гражданский» и «военный».

На мой взгляд, тема «гражданственности журналистики» несколько искусственна. Зачем из профессионализма журналиста вычленять гражданственность? Разве гражданственность – не часть профессионализма журналиста? Если, конечно, под профессионализмом понимать не только следование профессиональным нормам и правилам, но и профессиональной миссии журналиста. Думаю, что гражданственность включает профессионализм.

Но почему же в последнее время наблюдаются такие тенденции: и авторы семинара говорят о гражданственности журналистики, и другие исследователи изучают особую гражданскую журналистику? По-моему, этому есть объяснение: таким образом происходит компенсация образовавшихся мировоззренческих «дыр» профессии.

Да, следовать высокому призванию своей профессии сегодня очень сложно. И если в данном контексте говорить о гражданственности, то как о личном качестве каждого журналиста, но не о гражданственности профессии. А разговор о гражданской позиции журналиста – это тема, о которой упоминалось выше: сегодня многое в профессии определяется личностью журналиста. Известные и авторитетные журналисты говорят, что время такое, «время личных стратегий».

И все же свое представление о понятии «гражданственность профессии» участники семинара дали в экспресс-опросном листе. В таблице им предстояло проранжировать по степени значимости представленные смыслы понятия «гражданственности журналистики» с точки зрения сущего и должного в журналистике наших дней.

При анализе экспресс-комментария получается интересная картинка: на самом деле журналисты понимают, что гражданственность журналистики – это понимание «журналистом связи своей деятельности не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общест-

ва, а с интересами всего общества», гражданственность – это «и миссия, и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность». Но на рабочих местах ограничиваются иной гражданственностью – «концентрацией своих интересов на особой – гражданской тематике: деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.».

Как заметили авторы экспресс-комментария, особого внимания заслуживает рейтинг такого смысла понятия «гражданственность журналистики», как «личное гражданское мужество журналиста, самоотверженность в отстаивании своей позиции»: он занимает одинаковые места в рейтинге как в ситуации реальной, так и в ситуации идеальной. Особенно тревожен рейтинг в ситуации реальной. На мой взгляд, этот результат говорит о кризисе свободы слова и вообще о неблагоприятном положении современной местной журналистики в обществе. Почему, чтобы честно следовать миссии своей профессии, отстаивать свою позицию на страницах газеты, необходимо личное гражданское мужество? По-моему, это не является нормой и уж тем более – идеальной ситуацией.

Самым интересным, как показалось, был последний, третий, этап семинара. Правда, замысел организаторов несколько разошелся с результатами работы.

Что планировалось? Практикум предполагал испытание гипотезы *«Гражданственность журналистики предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий»*. Используя метод игрового моделирования, участники должны были «примерить» одну из гражданских технологий – общественную экспертизу, чтобы на «себе» испытать ее эффект. Смоделированная гражданская экспертиза была направлена на анализ и оценку профессиональной деятельности *самых* журналистов. Для процедуры такого испытания участники семинара разделились на группы: «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы».

Трем группам предложили проанализировать достаточно безобидный с точки зрения каких-то явных нарушений норм профессиональной этики текст. Статья журналиста, написанная ко дню рождения губернатора, представляла собой классический пример того, что из себя представляет «сервисная» журналистика. И это участники семинара определили без труда и споров.

Выходит, журналистика не может быть одновременно и «высокой», и «сервисной»? Как же быть с теми рассуждениями журналистов, которые прозвучали в начале семинара? Ведь на практике они продемонстрировали другую позицию. Журналисты легко «узнали» текст: и на страницах тюменской прессы подобное – не редкость. Более того, появление таких текстов – не обязательно инициатива власти. Как было сказано на семинаре (и это диагноз тюменской прессе), инициатива в руках самих журналистов, которые потеряли «профессиональный иммунитет» и готовы «прогнуться», «построиться» уже даже без команды.

Прозвучавшие в процессе деловой игры мнения журналистов были очень полезны, на мой взгляд, особенно для тех, кому не чужда «сервильность»: представители этого видоизменения журналистики услышали позицию своих коллег по этому поводу. Причем достаточно четко сформулированную позицию. Вряд ли это их знание повлияет на содержание газетных полос, но если бы подобные экспертизы касались местной прессы и были инициированы обществом (или экспертным сообществом), возможно, такая гражданская технология имела бы веское значение.

Мне кажется, организаторам не до конца удалось осуществить свою идею о роли гражданских технологий: на анализ содержания такой технологии, как «общественная экспертиза», не хватило времени. Однако и без этого результата выводы последней части семинара вполне логично вписываются в общую идею семинара.

Самый главный вывод, который можно было сделать в конце семинара, включая его теоретическую и практическую части, – это то, что журналистика (медицина, образование) не может быть одновременно высокой и сервисной, эти понятия из разного ряда: одно связано с профессией, другое – скорее с бизнесом. Просто современная социально-экономическая и политическая ситуации настолько сблизили эти понятия, что развести их снова можно, если только почаще актуализировать для себя такие понятия, как «дело», «ответственность» и т.п. *Гибкого профессионализма* не бывает. Не должно быть.

И.А. Пермякова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ФОБИЯ: ЧЕГО БОЯТСЯ ЖУРНАЛИСТЫ

Журналистское сообщество давно знакомо с проектами Центра прикладной этики, и как бы ни назывался очередной семинар или проект, потенциальные участники примерно представляют спектр проблем, которые будут обсуждаться. К семинарам «у Бакштановского» одни относятся как к журналистскому клубу – он дает возможность пообщаться с коллегами, обсудить общие заботы; другие видят в них площадку для совместной выработки профессиональной стратегии. Третьи воспринимают эти встречи как полуофициальное мероприятие: пропустить его – значит расписаться в собственной «непрогрессивности», а всерьез работать в течение всего семинара – вроде как в игры играть, вместо того, чтобы делать настоящий бизнес. Практикум «Профессионализм современного журналиста: *сервисное* ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?» показал, что теперь существует и четвертая группа журналистов, редакторов СМИ, для которых обсуждение корпоративной этики потеряло свой смысл, по крайней мере в рамках семинаров Центра прикладной этики, поэтому от приглашений Центра они отказываются под благовидным предлогом.

Как бы то ни было, внутрицеховая дискуссия о соотношении «сервисного» и «высокого» в журналистике довольно остро «продиагностировала» ситуацию в сообществе, а о том, насколько она стала полезной каждому из участников, судить не представляется возможным, поскольку – и именно это показал семинар – журналисты не готовы говорить начистоту даже друг с другом.

В начале семинара ведущий предложил всем участникам разбиться на группы в соответствии с их отношением к тезису о журналистике как высокой профессии, требующей от профессионала гражданской активности, а порой и мужества. Четыре группы имели свои краткие аннотации, составленные из экспертных заключений, которые сами участники дали накануне семинара. Но уже на семинаре подавляющее большинство участников предпочли одну и ту же позицию – «Г», которая характеризуется снятием с журналиста профессиональных обязательств «быть гражданственным».

Правда, не все участники этой группы одинаково мыслили о том, что подразумевается под слоганом «Все зависит от личного выбора журналиста», и это выяснилось в ходе первого этапа семинара, когда сторонникам каждой «модели» предложено было сформулировать и представить остальным свою позицию.

Из рассуждений шеф-редактора «АиФ» в Западной Сибири Ю. Пахотина, которого выбрали спикером от группы «Г», я сделала вывод, что для него это «все зависит» означает не вольный выбор между «сервильной» журналистикой и «высокой», а право и возможность журналиста противостоять некой внешней силе, которая заставляет его «прислуживать». Юрий Иосифович вспомнил советские времена, когда партийные газеты были четко сориентированы на то, что «можно», а что «нельзя», но журналист, делающий свой выбор в пользу высокой профессии, мог обойти препоны цензуры, используя, например, эзопов язык. Таким образом, мне показалось, что в модели Пахотина сам этот выбор, который «зависит от журналиста», понимается однозначно – как выбор быть честным профессионалом, не поддающимся давлению однозначно враждебной «сервисной» среды.

Иное мнение декларировал другой участник этой группы – главный редактор газеты «Тюменская область сегодня» А. Скорбенко. Он предпочел не вдаваться в подробности повседневной жизни журналиста, а предаться общим рассуждениям о сути индивидуализма и личностных предпочтений.

Несколько сторонников нашлось у позиции, которую озвучивали в числе прочих Е. Кондратенко и обозреватель «Тюменского курьера» В. Кабакова: «Под личным выбором журналиста подразумевается его собственная склонность к социальной и гражданской активности. Быть или не быть мужественным носителем гражданской миссии решает сам журналист, общество не должно навязывать ему эту роль и ответственность».

* Все нижеизложенное представляется автору рабочей гипотезой, не претендующей на категоричность и отражающей субъективные впечатления от семинара.

Обозреватель газеты «Тюменские известия» В. Макаров высказал точку зрения, которую также поддержали сразу несколько участников группы: «Журналист может выступать представителем “сервисной” или “высокой” профессии в зависимости от обстоятельств». Создалось впечатление, что для некоторых такая позиция – способ оставить для себя «путь отступления» или позволить себе иногда некую «слабость». Группа коллег, высказавшихся за эту точку зрения в целом, кажется, готова согласиться с мыслью, что на журналиста возлагается некая особая ответственность, а может быть и миссия. Но, в то же время, они не готовы дать что-то вроде клятвы Гиппократу, опасаются или не считают нужным дать обществу обещание, за выполнение которого нужно отвечать со всей ответственностью. Именно таким «обещанием» или «клятвой» выглядит публичное признание высокой миссии журналиста. «Назвался груздем – полезай в кузов». Коллеги как будто не готовы открыто называться «груздями», потому что не уверены, что в любой момент они не «сплохуют» и выполнят свою миссию с максимально возможным прилежанием.

Позволю себе предположить, что отчасти такая «фобия» характерна и для тех, кто присоединился к группе «Б». Редакторы газет «Тюменская правда», «Тюменский курьер», «МК» в Тюмени – Л. Вохмина, Р. Гольдберг и А. Носиков – говорили о том, что нет ничего обидного в слове «сервис». Напротив, нормально и разумно видеть в СМИ информационную услугу, подобную той, которую официант оказывает в ресторане. Газета продает информационные услуги и должна делать это профессионально. В лучшем случае она обслуживает читателя. Это он голосует рублем, покупая газету, которая реально отражает его интересы. Что ж, это идеальная модель, в идеальной модели обществу действительно интересно, кто у власти и какие решения власть намерена принять. Более того, в идеальной модели общество поддерживает идею «презумпции виновности» государства, осознает его как механизм подавления и понимает, что защищать его не имеет смысла, нелогично, неправильно. Но в реальности газета живет за счет дотаций, а читатель весьма аполитичен, так что нет гарантий, что газета, рассказывающая объективно о политической и социальной ситуации, выживет в условиях «искаженного капитализма», в экономику которого активно вмешивается государственная воля и бюджет.

Определенного рода «болезненность» такой позиции обозначил еще один участник группы «Б» В. Богоделов, отметивший, что сегодня, когда он не видит для себя возможности следовать некой «высокой миссии», он уходит с поля журналистики не просто в «сервис», но в менеджмент СМИ.

Коллеги, позиционирующие себя в «сервисной» профессии, заранее страхуются от каких-либо претензий со стороны общества. Они никому ничего не должны, кроме разве что предоставления качественной услуги. При этом нельзя сказать, что эта позиция отличает ангажированных или граждански пассивных журналистов – газеты «Тюменский курьер» и «МК» в Тюмени», по крайней мере до недавнего времени, имели репутацию самых независимых, принципиальных и профессиональных СМИ региона.

Позицию «Б», таким образом, можно использовать двояко: если журналист по каким-то причинам работает в ангажированном СМИ (что, очевидно, актуально для Тюменского региона), то он продолжает чувствовать себя профессионалом, который занимается «информационным обслуживанием» некой корпорации. Если же сторонник группы «Б» трудится в относительно независимом издании, он обслуживает общество, своих читателей, но негласно оставляет за собой право следовать некой конъюнктуре, исходя из политических или бизнес-соображений. Ведь «журналисты никому ничего не должны, не нужно им навязывать несвойственные функции, некую искусственно сформулированную «высокую миссию» (Р. Гольдберг).

В аудитории нашелся только один журналист, без колебаний занявший место в группе «А». Характерно, что Е. Ганопольская включилась в семинар чуть позже, чем остальные участники, так что не испытала на себе «эффекта толпы», который, возможно, повлиял на некоторых коллег. Ганопольская подчеркнула, что не склонна воспринимать профессию журналиста как особую сферу повседневного риска. Видимо, ее оппонент из группы «Б» Р. Гольдберг намеренно утрировал тезис о миссии высокой профессии, желая показать ее несостоятельность. И правда, нелепо предположить, что каждое утро журналист, собираясь на службу, планирует, что бы такого «гражданственного» совершить на работе. Но Ганопольская отмечает, что журналист должен быть готов к тому, что однаж-

ды профессия потребует от него определенного самопожертвования, мужества, особой ответственности. Вероятно, то обстоятельство, что Е. Ганопольская является независимым журналистом, предлагающим свои материалы разным редакциям, можно считать показательным.

По моей гипотезе, журналисты, осознающие ограниченность своих возможностей в рамках более или менее ангажированных редакций, не готовы окончательно принять на себя ответственность за несение «высокой миссии»: в определенный момент столкновение интересов этой миссии с интересами редакции может потребовать от журналиста серьезных шагов вроде конфронтации с редакцией или даже увольнения. Не каждый на такое решится, особенно с учетом довольно ограниченного рынка СМИ в Тюмени. Собравшись в группе «Г», эти журналисты оставляют себе право самостоятельно определять необходимую меру своей «профессиональной гражданственности», признавая, однако, что в идеале неплохо бы журналисту оставаться граждански активным и сознательным.

В группе «Б» мы увидели исключительно редакторов, людей, вынужденных совмещать функции менеджера и журналиста. Они находятся в более жестких условиях и предпочитают сразу откеститься от какой бы то ни было миссии, чтобы – опять же – оставить себе свободу маневра.

Фрилансер, у которого вопрос конфронтации с изданием сведен к минимуму, «должен» только себе, поэтому позволяет себе принять максимально активную роль (позиция «А»), признать гражданскую активность частью профессиональных требований к журналисту.

Здесь самое время упомянуть еще о двух моделях. Модель «В» для краткости была обозначена на семинаре «Я – где-то посередине». В группе под литерой «В» тоже оказался один человек. Е. Шаров общими фразами обрисовал свою позицию, сведя ее к пассивному нейтралитету, что-то вроде «ни рыба, ни мясо».

И еще в самом начале семинара стихийно появилась новая рабочая группа, членов которой не устроила ни одна из предложенных ведущим моделей. Директор «Радио-7» А. Мокроусов и тюменский собкор газеты «Коммерсантъ» Л. Рычкова выступали под слоганом «сугубый индивидуализм», сформулированным отчасти в шутку, отчасти – всерьез.

Нельзя назвать участников этой группы единомышленными, но на то, вероятно, и нужен сугубый индивидуализм. А. Мокроусов мог бы попасть в группу «Б» – он редактор и менеджер, вынужденный соотносить «миссию» журналистики с реальностями медиа-бизнеса. Отстранившись от группы «Б», он отстранился отчасти и от позиции вынужденного согласования редакционной политики с пожеланиями власти. По крайней мере в своих выступлениях он подчеркивал, что его «заказчик» – это слушатель: «Мы работаем на слушателя, какой он – такие и мы».

Л. Рычкова, как мне показалось, декларировала позицию близкую к высказываниям одной из группировок модели «Г»: степень вовлеченности журналиста в гражданские процессы определяется только его персональной склонностью или несклонностью к гражданской активности. Однако Лариса предпочла не участвовать в группе «Г», возможно потому, что она не только в игровой ситуации, но и в реальном сообществе стоит несколько особняком. Собкор «Коммерсанта», судя по ее высказываниям, не сталкивается в своей редакции с проблемой цензурирования и давления; она уверена, что если журналисту не нравится работать в ангажированной газете под давлением, он может найти в Тюмени поле для деятельности. И в этом с ней согласны далеко не все коллеги (и потому, кстати, что в «Коммерсанте» до недавнего времени была в Тюмени только одна журналистская ставка).

Второй этап семинара фактически продолжил дискуссию, обозначившуюся между представителями условных «моделей». Лично меня эта часть семинара повергла в уныние – создалось впечатление, что коллеги не ставят себе целью понять других или пояснить свои позиции; преобладали негативные аргументации «от противного», которые сближению позиций, как правило, не способствуют. Если в начале семинара можно было обнаружить общие места в мнениях участников, то теперь журналисты как будто «заигрались» и восприняли участников разных группировок как непримиримых оппонентов, с которыми уместно и принципиально сражаться.

Третья часть семинара представляла собой игру, перетасовавшую участников, предложив им условные роли, которые, однако, во многом совпали с их реальными ролями. Ведущий предложил трем группам проанализировать текст, являющий собой пример грубого пиара представителя власти, с точки зрения «редактора», «журналиста» и «читателя». Все три группы оценили текст как непрофессиональный, откровенно подбодрительный, приглаженный в угоду политическому деятелю. Характерно, что группа «редакторов» (Л. Вохмина, Л. Рычкова, А. Носиков) назвала статью «подарком» политику, который они непременно отправили бы на доработку, но, возможно, были бы вынуждены опубликовать.

Затем участникам игры предложили ознакомиться с заказом на экспертизу этого материала – в необходимости таковой не сомневались только «журналисты» (Е. Ганопольская, Е. Кох – экс-редактор «МК в Тюмени», В. Кабакова). По их мнению, экспертиза нужна для того, чтобы обвинения автора в профессиональной недобросовестности получили объективное подтверждение и стали прецедентом, который бы удержал журналистов в дальнейшем от выполнения таких недвусмысленных и низкопробных заказов. Группа «журналистов» сделала акцент на том, что подобные материалы появляются и в тюменских СМИ, этот переход от игровой ситуации к реальной породил пикировку между журналистами и редактором «ТОС» А. Скорбенко, который представлял группу «читателей». Журналисты ограничились лишь намеками на его издание, но этого было достаточно, чтобы подогреть обстановку. Отказавшись от роли читателя, А. Скорбенко выступил как редактор газеты, попавшей под обвинение в недобросовестности, и потребовал либо разбирать конкретные примеры, либо не обобщать, утверждая, что «во всех газетах есть такие материалы». Журналисты посчитали более уместным прекратить перепалку. Все участники понимали, что подобные «заказы» действительно встречаются в их повседневной практике, но открытого обсуждения этой острой проблемы так и не состоялось.

На мой взгляд, главным итогом семинара не стоит считать рефлексию сообщества относительно собственного отношения к профессиональной миссии, выработку общего взгляда или некоего «идеала», на который готовы ориентироваться большинство коллег.

Семинар со всей очевидностью показал, насколько сообщество разрозненно, собственно сообществом его можно назвать с известной долей условности – просто потому, что все работают на одной территории и так или иначе знакомы друг с другом. Но их представление о реальном положении медийного рынка в Тюмени, их профессиональные и этические ориентиры разнятся, часто являя собой полярные позиции.

Кто-то уверен, что не осталось в городе СМИ, не зависящих от власти, не подверженных в той или иной мере цензуре и – даже в большей степени – самоцензуре. Другие считают, что есть СМИ – как правило, представительства федеральных газет («АиФ», «Российская газета», «Коммерсантъ», «МК»), – которые имеют возможность объективно освещать общественно-политическую жизнь региона. Третьи наверняка знают о том давлении, которое оказывает власть на многие региональные издания, но предпочитают не называть это ущемлением свободы слова, в своих публичных высказываниях они в большей степени апеллируют к профессионализму, некоему журналистскому мастерству. Технически грамотно выполненная работа становится для них главным эталоном профессионализма.

Более того, во время внутрикорпоративной дискуссии нет ощущения, что все готовы и считают нужным говорить начистоту. Последний этап семинара показал это очень наглядно – все участники дискуссии старались говорить максимально корректно. Все деликатно делали вид, что не видят среди присутствующих журналистов, допускающих в своей реальной деятельности те «оплошности», которые участники семинара вполне единодушно определили как профессиональную недобросовестность и смешение журналистики с пиаром. Собственно, этот этап семинара был попыткой ведущего познакомить всех участников с гражданскими механизмами общественной экспертизы. По версии В. Бакштановского, журналисты должны использовать такие технологии для более качественного выполнения своей гражданской миссии. Но отсутствие единого этического знаменателя ставит под сомнение необходимость таких технологий в существующей ситуации тюменских СМИ.

Журналисту, который знает, как организовать общественное обсуждение и экспертизу на страницах газеты, придется преодолеть инерцию редактора (игровая ситуация

подтвердила существование этой инерции), инерцию «заказчика» – будь то власть, дотирующая СМИ при условии жесткого контроля содержательной части, или читатель, зритель, слушатель, который не всегда мотивирован на глубокое изучение социальных и политических проблем. В таких условиях высшим проявлением гражданского мужества для журналиста становится как раз преодоление этой инерции.

Возможно, семинар был бы более эффективным, если бы разбирал конкретные и действительно острые проблемы из практики самих тюменских журналистов. Такое обсуждение заинтересовало бы более широкий круг участников и имело бы итогом некое прояснение позиций журналистов и редакторов. Не абстрактная, а предметная дискуссия имела бы больше шансов сплотить сообщество, заставить его отыскать внутри себя те принципы профессионализма, которые, несомненно, объединяют тюменских журналистов, несмотря на видимую разность их служебных обстоятельств.

Л.А.Серых

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ – СКОРЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ, ЧЕМ ПРОФЕССИИ

Буквально с порога участников семинара «заставили» включиться в работу – выбрать одну из предложенных моделей, в которых представлены варианты решения дилеммы журналистики: высокая профессия или сервисная. Должна сказать, что предложенные варианты вызвали у меня небольшое замешательство. В очередной раз перечитывая описание каждой модели, поймала себя на мысли, что не нахожу в них принципиальных разночтений: «вот тут написано хорошо, а вот с этим я не согласна, а здесь я бы сказала по-другому...». В общем, хотелось эти модели обсуждать, а не делать между ними окончательного выбора. Что если из представленных позиций создать модель, пятую по счету, которая бы собрала эти точки зрения воедино? Судя по всему, трудности с выбором возникли не только у меня. Среди участников нашлись и те, кто не согласился ни с одной из представленных моделей. Сформировавшиеся в итоге группы внесли небольшие изменения в сценарий семинара.

Подавляющее большинство журналистов выбрало позицию под буквой «Г». В «защитники» первой и третьей моделей вызвались по одному журналисту. Три человека отстаивали позицию под буквой «Б». Зато неожиданно сформировалась еще одна группа («партия маргиналов» – как они себя назвали), которая не примкнула ни к одной из предложенных точек зрения. Образовавшимся таким образом «коллективам» единомышленников предстояло объяснить и отстоять свои позиции.

Стоит задуматься, почему для большинства оказалась привлекательней четвертая модель. На мой взгляд, не общинные настроения привлекли участников в группу «Г», а слова о личной ответственности и личном выборе журналиста – всегда легче (и понятней) отвечать за себя, а не за профессию в целом. Предположу, что предпочтение данной позиции может быть обусловлено, по крайней мере, двумя различными причинами: в зависимости от того, на чем акцентирует свое внимание журналист – на «личном выборе» или «личной ответственности». Следует, однако, отметить, что такое деление весьма условно: для журналиста равную значимость могут представлять обе причины.

Личный выбор подразумевает возможность принятия журналистом *индивидуальных* решений, например, в вопросе работать ли ему в «желтой» газете, представлять печатный орган власти или уйти в оппозиционное издание. А применительно к теме семинара: проявлять ли ему в своих материалах активную гражданскую позицию или просто предоставлять аудитории информацию. На мой взгляд, в данном случае очень важно, чтобы журналист не перешел разумных границ самоопределения. Иначе получится, что у каждого своя правда и свои профессиональные принципы.

Другие причины выбора четвертой модели будут у журналиста, ставящего во главу угла тезис о личной ответственности. За материал, вышедший в газете, или телевизионный сюжет в первую очередь отвечает сам журналист. Профессионал не может сослаться на корректора, который не доглядел; на редактора, который дал не то задание; не может он обвинить в своих ошибках и профессиональное сообщество со словами вроде: «чего вы хотите от меня, все так пишут», «все деньги берут» и т.д. Под материалом ста-

вится фамилия конкретного журналиста и он, в первую очередь, отвечает за результаты и последствия своей работы. На мой взгляд, журналисты, выбравшие на семинаре четвертую модель, аргументировали свое решение, в основном ссылаясь на право личного выбора журналиста. А вот об ответственности говорили вскользь: «не нужно требовать от нас каждодневного подвига. Общество имеет право требовать от журналистов только соблюдения минимального стандарта».

Последовавшие выступления других групп показали, что во мнениях участников много общего. Так, журналисты были практически единодушны, говоря о том, что нет ничего плохого в сервисном понимании журналистики. «Разве обслуживание общества – это не гражданственность?» – задал вопрос Р.С. Гольдберг. «Любая профессия – это сфера обслуживания», – говорили другие участники.

Сомневаюсь, что ведущий семинара хотел опровергнуть этот тезис. Разумеется, каждая профессия это обслуживание, но какое? Как верно заметила В.А. Кабакова, проблема не в противопоставлении этих понятий, а в том, что современная журналистика все чаще скатывается к сервисному пониманию своей роли, забывая о гражданской составляющей. И потом, занимаясь «обслуживанием», кому журналисты предоставляют свои услуги? Обществу? Проблема как раз в том, что в реальной практике они все чаще оказываются на службе у власти, бизнеса, а не простых читателей и зрителей.

Какой смысл следует вкладывать в понятие гражданской позиции журналиста? Ответить на этот вопрос участникам предстояло во второй части семинара. Небольшой опрос показал, что для многих это профессиональное качество выражается в вовлеченности журналиста в решение общественных проблем. Причем речь идет не о конкретной помощи какому-либо лицу, организации, а об участии СМИ в поиске совместных решений общественных проблем. Просто писать о деятельности некоммерческих организаций недостаточно – сошлись во мнениях участники – это лишь внешний, не всегда отвечающий действительности, признак заинтересованности журналиста в развитии гражданского общества.

Но стоит ли задумываться о гражданственности журналистской профессии за рамками семинара, в своей повседневной практике? Здесь мнения участников разделились. Одни говорили, что нужно просто делать свое дело: смешно представить, как журналист, собираясь на работу, будет планировать написать по-граждански правильный материал. Другие, напротив, считали необходимой подобную рефлексию.

Возможно, опытные журналисты, посвятившие своей профессии многие годы, действительно могут написать хороший материал «на автомате». «Хороший» – не только в смысле информативности, грамотного изложения и яркого слога. Ведь если речь заходит о серьезной общественной проблеме, тем более о спорном вопросе, просто красиво и полно изложить имеющуюся информацию недостаточно.

Думаю, что каждый начинающий журналист в какой-то момент приходит к осознанию того, что умение писать и собирать нужные сведения – это полдела. Не может журналистика ограничиваться только распространением информации. Над этим всегда должна быть какая-то надстройка: осознание, зачем ты это делаешь. Только зарабатываешь деньги? Что ж, это один из возможных вариантов. Другой – ты помогаешь своим читателям сориентироваться в создавшихся жизненных условиях, пытаешься вместе с ними найти решение общих проблем. По-моему, в этом и заключается гражданская позиция журналиста. И нет ничего странного, смешного или излишне пафосного, если перед написанием материала журналист прокручивает подобные мысли в голове. Это лишь говорит о том, что он думает о последствиях своей работы и помнит об ответственности.

Отметим, что тезис о гражданственности журналистики был воспринят участниками семинара неоднозначно. Многие склонялись к мнению, что гражданственность – это скорее характеристика личности, нежели профессии в целом.

Действительно, профессиональная принадлежность человека не влияет на его способность быть гражданином. Но ведь журналистика, в отличие от многих других видов деятельности, является профессией публичной. Свои мнения и комментарии к происходящим в обществе событиям журналист высказывает не на кухне, а делает их достоянием гласности. Возможно, в связи с этой особенностью журналистской деятельности и возникает вопрос о ее особой ответственности перед обществом и особой гражданственности.

Не буду говорить за других участников семинара, но у меня эта дискуссия вызвала некоторые сомнения: а стоит ли ждать от журналистов особой гражданской позиции? Должны ли они идти впереди планеты всей, прокладывая дорогу гражданскому обществу? И можно ли требовать от журналистского сообщества особой гражданской активности в сравнении с основными массами населения? Они ведь тоже вписаны в контекст сложившихся общественных отношений, «выращены» в тех же политических и социальных условиях. На периодически устраиваемые в Тюмени семинары приходят одни и те же лица, а сколько еще журналистов в городе, которые и слыхом не слыхивали про гражданственность своей профессии и про особую роль, которую на них возлагает общество.

Завершая вторую часть семинара, ведущий предположил, что если журналист хочет принимать реальное участие в решении общественных проблем, то обеспечение аудитории двумя противоположными точками зрения не достаточно. Это лишь полдела. По гипотезе В.И. Бакштановского, используя гражданские технологии, журналист может помочь сторонам прийти к единому пониманию проблемы, найти компромиссное решение. Помочь в этом может, например, организация переговорной площадки в рамках журналистского издания или инициирование гражданской экспертизы по какому-либо вопросу.

Возможно, ведущий семинара надеялся, что участники сами придут к подобного рода рецептам, а он лишь поможет им сформулировать «вертящиеся на языке» решения. Но, по-моему, этого не произошло. Отчего практическая часть семинара – деловая игра, в ходе которой журналистам предстояло опробовать одну из таких гражданских технологий, как мне показалось, логически не связалась с теоретической частью.

На этот раз участники семинара разделились на три условные группы: «Журналисты», «Редакторы» и «Аудитория». Каждая группа получила задание проанализировать один и тот же журналистский текст. Это был материал явно заказного характера, политически ангажированный, причем выполненный чрезвычайно небрежно и не профессионально. Каждой группе предстояло ответить на несколько вопросов: «представляет ли данный текст какой-либо интерес для аудитории журналистов и редакторов?», «стоит ли проводить экспертизу относительно мотивов появления этого текста в печати?».

Относительно «интересности» текста участники были практически единодушны. И «аудитория», и «журналисты», и «редакторы» говорили о слишком явном заказном характере данного материала, причем выполненном чрезвычайно слащаво. А потому «аудитории» такой текст читать не хочется, «журналисты» его бы не написали, а «редакторы» не поставили бы на полосу («лучше уволиться», – сказал кто-то из участников).

Следует заметить, что эти мнения были высказаны в рамках семинара, в смоделированной ситуации. При этом участники признавали, что в реальной жизни такие материалы появляются в СМИ с завидным постоянством. А значит, журналисты их пишут, редакторы ставят на полосу, а читатели нередко воспринимают подобные тексты за чистую монету и доверяют им. «Вернувшись на землю», участники скорректировали свои мнения в соответствии с суровыми реалиями: «этот текст можно было написать гораздо лучше», – заметили «журналисты»; «мы бы отправили его на доработку», – уточнили «редакторы».

По поводу необходимости экспертизы, мнения разделились. «Аудитория» заявила, что материал не стоит таких трудов: «и так все ясно», «редакторов» заинтересовал вопрос: «а не написан ли материал под принуждением»? «Журналисты» высказались за проведение экспертизы. Как объяснила решение этой группы Е. Кох-Арбатская, слишком явный заказной характер материала – это не повод, чтобы от него отмахнуться. «Нужно создавать прецеденты, чтобы подобные материалы появлялись в печати все реже», – сказала она.

Поскольку практическая часть семинара была основана на обсуждении реального газетного материала, следующим этапом работы было знакомство с экспертным заключением, написанным на него. Так журналисты поэтапно прошли все стадии проведения гражданской экспертизы, безусловно, полезного и нужного для работы журналиста механизма. Однако, на мой взгляд, предложенные В.И. Бакштановским гражданские технологии все-таки предполагают совместную заинтересованность общества, власти и медиабизнеса в решении социальных проблем и поиске компромисса. Поэтому сможет ли журналист применить эти знания на практике, остается вопросом.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА

В.И. Бакитановский

БУДЬТЕ РЕАЛИСТАМИ – БОРИТЕСЬ ЗА УТОПИЮ

Описание замысла проекта, открывающее «Тетради...», я начал с заголовка к интернет-статье о семинаре одной из его участниц. «Тюменские журналисты прошли гуманитарную экспертизу» – написала журналистка и я отреагировал на двусмысленность фразы «прошли гуманитарную экспертизу», считая уместнее скорректировать ее: участницы семинара провели гуманитарную экспертизу, обращенную к собственной профессии.

Соответственно и в аналитических заметках я постараюсь уйти от соблазна занять позицию экзаменатора, оценивающего «учеников», предпочитая позицию соучастника того поиска, в который были вовлечены журналисты нашим проектом. Поиска, в котором авторы проекта и журналисты провели совместную гуманитарную экспертизу моральной ситуации в профессии, подвергающейся серьезным испытаниям в условиях трансформации общества. И уже сам процесс такого поиска самоценен. Что, разумеется, не исключает, наряду с комментариями к алгоритму поиска, необходимости соотнесения замысла и результатов проекта.

Какую же экспертизу провели тюменские журналисты?

Во-первых, экспертизу версий природы профессии в ее профессионально-этическом аспекте. Причем в формате, так сказать, «объективной» экспертизы, когда рефлексированы «чужие» точки зрения, и в формате «субъективной» экспертизы – через индивидуальное и групповое самоопределение к разным версиям природы своей профессии и ее ценностей.

Во-вторых, экспертизу потенциала современных гражданских технологий как технологий участия СМИ в становлении гражданского общества и роли конкретной технологии «общественная экспертиза» в профессионально-нравственном развитии самой корпорации журналистов – в формате игрового моделирования как «примерки» этой гражданской технологии «на себя».

Соответственно, две этих взаимосвязанных экспертизы – основной предмет этих аналитических заметок. Обе они – экспертиза гипотезы о журналистике как высокой профессии и экспертиза гипотезы о том, что гражданственность журналистики как высокой профессии предполагает культуру использования потенциала современных гражданских технологий, – стали для участников проекта весьма трудной задачей. Прежде всего потому, что и та, и другая гипотезы – весьма рискованны: на первый (а то и на второй, и на третий) взгляд они кажутся не просто чужеродными для профессии, так как выходят за рамки ее традиционной (само)идентификации, но и вредными для нее своим утопизмом, противопоставляющим ее реальности.

Тем интереснее посмотреть на процесс и результат экспертизы.

Идея высокой профессии: утопия или реальная возможность?

ПЕРВОЙ экспертизой был опрос тюменских журналистов. На чем основывалась его программа?

Во-первых, на современных представлениях о природе профессии как таковой, неотъемлемым свойством которой является система профессионально-нравственных идеалов, ценностей и норм.

Характеристика природы профессии с точки зрения возможности и необходимости включения в число существенных признаков профессии нравственной составляющей предполагает преодоление ряда затруднений. Среди них – распространенная практика (не)намеренного отождествления понятий «профессия» и «род занятий, вид деятельности». В практике языка мы видим, что с термином «профессия» могут быть связаны разные значения: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д.

Поэтому в исследовательских подходах для различения понятий «профессия» и «род занятий, вид деятельности» уместно использовать определения professions и occupa-

pations. В качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социологии выделяет такую форму организации работы или тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения».

Невнимание к смыслу различения профессии и любого специализированного рода занятий, вида человеческой деятельности, уверенность в очевидности содержания понятия «профессия» рискованна сведением природы профессии к таким признакам, как квалификация человека, зарплата за предоставляемые услуги, регулярная природа этих услуг, социальный статус и т.п., и пренебрежением роли «морального измерения» профессии.

Наиболее значимые признаки профессии в ее «моральном измерении»:

- * идея профессионального призвания и служения;
- * альтруистическая мотивация;
- * саморегуляция, причем в широком смысле слова, что предполагает
 - самоопределение к профессии,
 - свобода и автономия в профессии,
 - профессиональные ассоциации,
 - этические кодексы.

Во-вторых, программа экспертного опроса опиралась на соответствие идеи высокой профессии дуалистичности природы профессиональной морали. Если одна сторона морали – «обслуживание» социальных систем ради их стабильности, устойчивости, социальной адаптации людей, что позволяет относиться к морали утилитарно, то вторая сторона – служить предзаданной системой ценностей, мотивационным механизмом, превосходящим функциональность, ориентированным на критику любых форм социальности, заведенного в социуме порядка.

В-третьих, программа опроса основывалась на особой значимости выделения вида высоких профессий для отечественной профессионально-нравственной ситуации, в которой обостренная форма вхождения страны в рынок вовлекает профессионалов в напряженные моральные дилеммы⁵.

Профессионально-нравственная ситуация, переживаемая отечественной журналистикой, как уже было отмечено в обосновании замысла проекта, характеризуется кардинальной переоценкой смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Прежде всего такой заметной своей агрессивностью тенденцией в понимании природы журналистики, как редукция профессионализма лишь к сервису ремесленника, умеющего создавать товар на потребу масс и продвигать его на рынок.

Экспертизе (не)готовности признать (или не признать) значимость самой постановки вопроса о необходимости намеренно идентифицировать журналистику в качестве высокой профессии, аргументации «за» и «против» такой идентификации и был посвящен открывающий проект экспертный опрос тюменских журналистов.

Следует уточнить, что этот опрос – начальный этап экспертизы самой идеи идентификации журналистики как высокой профессии, предполагающий, что самостоятельный проект будет ориентирован на более конкретную проблему: существование высоких профессий в переходном обществе, с одной стороны, в рамках сложноорганизованных институций, предполагающих взаимодействие и конфликт высоких профессий с интересами организаций и нормами иных профессий и специализированных видов деятельности, прежде всего менеджмента и бизнеса, – с другой. Так, например, в конкретном СМИ тре-

⁵ Так, например, ситуация в сфере профессиональной этики образовательной деятельности в условиях реформирования российского образования отличается известным дуализмом: образовательная деятельность как *профессия* дополняется, а то и вытесняется образовательной деятельностью как *сервисом*. И этот дуализм создает моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью.

Конкретизация этого диагноза применительно к образовательной деятельности – дилемма для университетов, которую можно сформулировать с помощью такой ригористической формулы: «хозяинствующий субъект, оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения – или корпорация людей, профессия которых – *служение делу духовного производства человека*, а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнескорпорация?».

бования профессиональной этики журналистики вступают в непростые отношения с интересами организации в целом, в том числе – с установками медиабизнеса. Должна ли в ситуации конфликта высокая профессия отступить от своих ценностей во имя прагматической политики организации? Или организация должна корректировать свои интересы во имя ценностей базовой для этой организации профессии – журналистики? Таков предмет экспертизы второго этапа исследования. Моя гипотеза: в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия не отменяется.

ЧТО ДАЕТ попытка анализа полученных в итоге опроса экспертных суждений?

Обратившись к экспертным суждениям по поводу идеи идентификации журналистики как «высокой профессии», стоит отметить, что лишь один эксперт «прошел мимо» этой идеи, «не увидел» ее. Да и то потому, что «означенная тема (гражданственность или сервисность прессы) – только малая и производная часть глубинных общественных процессов, происходящих ныне в стране».

Что касается вариантов позиций в отношении к идее идентификации журналистики как высокой профессии, то эти варианты во многом совпадают. Тем не менее вполне целесообразно представить суждения участников экспертного опроса методом модельной типологизации этих суждений. Каждая из четырех условных моделей мозаична, отражает разброс подходов и аргументов участников опроса. (Здесь приводится полная версия группировки суждений. В кратком варианте эти модели были представлены для самоопределения участникам семинара в тексте программы.)

Модель А. «СООБЩАТЬ МИРУ НОВОСТИ – ЧЕСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

* Характеристика журналистики как высокой профессии уместна, «четко характеризует работу журналиста».

* «...Сообщать миру новости – это честь и ответственность. Любое слово имеет вес, ты становишься частичкой мозга каждого твоего читателя».

* «...Считаю журналистику высокой профессией. И зачем впадать в грех самоуничижения и вычленять отечественную журналистику из мирового контекста? Иногда журналистику судят по ее политической верхушке всего необъятного айсберга. Но вряд ли большая – и не самая существенная – часть организма перечеркивает деятельность всего – еще дееспособного и мощного организма».

* «...Как “высокую” свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как высокие».

* «...Не могу смириться с понятием сервисной профессии. Среди нас есть такие люди, но их видно сразу. Они не развиваются, стоят на месте в профессиональном смысле. В конце концов профессия выбрасывает их на берег».

* «...И врач, и журналист, и даже священник при всей рутинности своей повседневной работы – а это так! – и в самом деле должны быть готовы к тем взлетам, когда профессия перестает быть профессией и становится миссией».

* «...Про “особые мерки”. Сегодня пишет себе корреспондент о том, о сем и пишет. А завтра, например (не дай, бог!), оказывается волей случая в Беслане или Лондоне в момент взрывов. Или на войне. И его новая задача – написать честно и объективно о том, что он увидел и узнал. Конечно, это особые, экстремальные ситуации. Но в них нередко проявляется тот высокий смысл профессии, который не так уж виден в повседневной жизни».

Модель Б. «“ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?” В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ ИЗНАЧАЛЬНО».

* «...“Чего изволите?” в нашей профессии изначально. Оно было всегда, только в советской журналистике относилось к тому, чьим органом было издание. Теперь “чего изволите?” адресовано тому, кому должно быть адресовано – читателю, зрителю, слушателю».

* «...Позволю себе разделить с кем-то мнение, что характеристика журналистики как сервисной профессии не так уж и цинична. Но она не исчерпывающа. И категорически не согласен, что при таком понимании профессии нет места для гражданской позиции журналиста. Изначально циничным может быть только журналист, который идет работать в издание не по убеждению, а потому что “больше плотют”».

* «...Противопоставление “высокой профессии” бизнесу – это отголосок нашего «советского» прошлого, ... ориентация редакции на прибыль, а журналиста – на хороший го-

норар вовсе не исключает того, что мы называем «высокой гражданской позицией», скорее всего даже наоборот – читатель (зритель, слушатель) высоко ценит объективность, журналистскую смелость – это вызывает уважение, доверие, а доверие со стороны аудитории – необходимое условие для долгосрочного медиабизнеса. ...Нельзя согласиться с тем, что при понимании журналистом своей профессии как сервисной нет места для гражданской позиции. Разве не может быть гражданской позиции у пилота, официанта или банковского клерка, или у представителей других сервисных профессий? Случается, что представителям и этих профессий доводится проявлять гражданскую позицию при исполнении ими профессиональных обязанностей».

* «...С термином “сервисная” профессия можно согласиться, если принять, что правозащитные материалы, разработка социальной проблематики, политическая аналитика, отслеживание развития гражданского общества и пропаганда ценностей такового – все это служит обществу».

* «...Любая профессия носит сервисный характер, иначе бы ее, профессии, не было. Все мы в той или иной форме служим друг другу».

Модель В: «Я ГДЕ-ТО ПОСЕРЕДИНЕ».

* «...Рассуждение о “высоком”, “гражданском” – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной невостребованности. С другой стороны, «сервисная» – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы».

* «“Сервисный” журналист и “Гражданин” в крайних проявлениях представляются одинаково отвратительными типами. Можно себе представить: один пафосный, пишущий “много, мутно и в разные стороны”, оправдывающий своей гражданской миссией право сидеть у общества на шее и не задумываться о том, интересны ли читателю его опусы. Другой – прожженный циник, пишущий по выверенному шаблону – эдакий “Долларстрочка”. И потом, иногда, даже довольно часто, “формат” (одно из священных слов для адептов “пластмассовой журналистики”) – это последнее прибежище для бездарности. За словом “формат” (которое мне тоже кажется вполне серьезным, требующим уважения словом) часто прячется достаточно циничная, но популярная сейчас мысль, что потребителей СМИ следует рассортировать для удобства “втюхивания” им других предметов потребления. Мне кажется, честный журналист вслух говорит “сервисная”, но про себя все-таки знает, что гражданская».

Модель Г. «ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОГО ВЫБОРА ЖУРНАЛИСТА».

* «...Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое».

* «...Не готова согласиться, что к представителям этих профессий извне могут предъявляться особые требования: повышенная сознательность, ответственность, готовность отбросить личные дела и по первому зову явиться на место происшествия. Все-таки есть противоречие: выходит, фермер не берет на себя особых обязательств и при этом еще и деньги может спокойно зарабатывать. А доктор или журналист несет груз ответственности и все время должен поступаться личными интересами. Подобные требования со стороны общества к представителям этих профессий негуманны, но вот внутри профессии они могут быть вполне уместны».

* «...Оба суждения кажутся мне крайними, доведенными (естественно, с полемическими целями) до определенной степени абсурдности. Считаю: должна быть позиция журналиста – все остальное является частностями».

КАК ВИДНО из этой типологизации, в суждениях экспертов есть и (а) категорическое в своем лаконизме суждение по поводу приемлемости идеи «считаю», аргументированное уверенностью в полной правомерности такой идентификации применительно и к отечественной журналистике; и (б) утверждение о неактуальности дилеммы, ибо «противопоставление “высокой профессии” бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого»; и (в) терпимое отношение к характеристике своей профессии как «сервисной»: «Действительность, как известно, не является черно-белой, а термин “сервисный” имеет много оттенков»; и (г) реалистический диагноз: «Как “высокую” свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как высокие. Профессия высокая, но отношение к ней разное. Просто сегодня журналистов (наверное, так же, как врачей, педагогов и т.п.), ко-

торые считают свою профессию бизнесом, больше. А тех, кто относит свою профессию к высокой, намного меньше. По-моему, есть и промежуточная группа, которая является носителем и первого, и второго отношения к профессии, при этом соблюдающая определенный баланс».

В суждениях экспертов мы видим и (а) неприятие самого термина «сервис» для идентификации журналистской профессии; и (б) развернутое обоснование достоинства идентификации профессии в терминах бизнеса. При этом не очень четко разведены собственно журналистика как профессия и медиабизнес («Деятельность средств массовой информации, а как мы знаем, они создают рабочие места для журналистов, делают журналистику профессией – это тоже производство товаров и оказание услуг») и потому вполне убедительная моральная реабилитация бизнеса не доводится до четкой позиции в отношении предложенной на экспертизу дилеммы; и (в) подход, стремящийся снять дилеммность идентификации профессии. В свою очередь, в рамках этого подхода предложено несколько решений.

Одно из них исходит из необходимости учета времени и обстоятельств, в которых живет профессия. «Наверное, а скорее всего наверняка, в те времена, когда врачей было очень мало, больниц не было вообще, люди приходили к ним в любое время суток и они врачевали, поскольку врачевание было не столько профессией, сколько специфическим образом жизни со всеми вытекающими из этого плюсами и минусами. ...На мой взгляд, на селе и до сих пор ничего не изменилось. Врач там такой же, почти святой. Но, скажем, кому из граждан придет на ум требовать того же от врачей больницы интенсивного лечения, где поточно делают операции десятки хирургов? Почти уверен, в районных газетах журналист и раньше, и сейчас отражает реальную жизнь и служит обществу. Не получится у него по-другому. У него все общество рядом, спустился с крыльца редакции и – вот оно. А в “больших” газетах все гораздо сложнее. И здесь многое, если не все, зависит от самого издания. Согласитесь, в старом издании, где сохранился костяк профессиональных журналистов и где разговоры о моральных и этических нормах корпорации возникают постоянно, атмосфера особая. И она разительно, поверьте мне, отличается от той, которая существует в сотнях новых СМИ, в которых зачастую вообще нет журналистов. И там понятия не имеют об этих нормах. И разговоры о том “высокая” профессия это или “сервисная” там настолько же нелепы, как в кружке кройки и шитья для домохозяек дискуссия о “высокой моде”. И лично мне спорить с представителями таких СМИ не о чем, да и незачем. Они существуют – это факт. Их много. И какие из них, в конце концов, окажутся более востребованными, покажет время».

Другое решение – снять дилемму идентификации профессии журналиста как «сервисной» или «высокой» с помощью «уровневой позиции», в основе которой зависимость решения дилеммы от персонального выбора, совершаемого профессионалом, причем в самой профессии «востребовано и то, и другое». «Это как в любом деле: есть участковый врач-терапевт, замученный беготней, суетой и безденежьем. И есть Мастер, который сам делает профессию высокой. Я бы не назвал Венедиктова, который ратует за сервисный характер своей профессии, сервисмэном. Он, простите, в каждом слове своем, в собственной практике доказывает обратное. ...Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой, безусловно, востребовано и то, и другое. Как во всякой, повторюсь».

Характерный способ снятия противоречия между сервисной ориентацией и, одновременно, идентификацией профессии как высокой представлен в парадоксальной формулировке одного из экспертов: «Это похоже на парадокс, который любят правые: “Хочешь строить социализм – строй капитализм”. Хочешь строить сервисную журналистику – строй гражданскую, хочешь гражданскую – строй сервисную». Существенно, что автор не исчерпывает свою позицию указанием на парадокс, а видит конструктивное решение дилеммы: «Этот вариант, на мой взгляд, снимает противоречие между “сервисным” и “высоким”. Если аудиторию волнуют некие проблемы – значит она хочет о них читать, значит “заказ” есть, значит газету купят. А дело журналиста – разобраться в проблеме настоящему хорошо. ...Я где-то посередине. Потому что рассуждение о “гражданском”, “высоком” – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной невостребованности. С другой стороны, “сервисная” – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы».

При этом автор свою готовность обсуждать возможность идентификации журналистики как высокой профессии сопровождает ограничительными условиями. Во-первых, деление профессий на высокие и обычные «кажется мне не очень корректным». Аргумент – характеристика работы мужа (связиста), «представителя сервисной профессии». «То и дело ему приходится ночью подрываться на аварии, а то телефоны работать не будут. И следствием этого будет не только то, что родной “Уралсвязьинформ” недополучит каких-то прибылей, но и то, что бабушки “Скорую” не вызовут. Будет думать только о своей выгоде, работать ровно по контракту – пострадают люди». С точки зрения автора, «в любой профессии можно найти скрытую “высоту”, свою этику, которая, может, и не всеми профессионалами разделяется и замечается, а со стороны и вовсе не видна». Во-вторых, ограничение на идентификацию профессии журналиста как высокой связано, по мнению эксперта, со сложным составом самой профессии. «В журналистике есть достаточно много “подотраслей”, которым “высоты” ни к чему. Глянцевая журналистика, например. Там достаточно честного отношения к потребителю. Здесь “сервисное” отношение не опасно. Опасность “чистого сервиса” можно усмотреть в том, что журналист отказывается от социальных тем, потому что они мало кому интересны, не дают немедленной тиражной отдачи. Так ведь как напишешь, с другой стороны. Как-то я брала интервью у психотерапевта о психологии труда. И он рассуждал о своей профессии (той самой высокой) и говорил, что для многих врачей выходом является разложение профессии на элементы. Вот я врач, но заработать этой профессией не могу. Могу заработать в фармацевтической фирме. Но хочу остаться врачом. Что ж, я оставляю себе несколько часов практики, а в остальное время зарабатываю деньги. Для журналиста иногда это тоже выход».

Весьма существенно уточнение еще одного эксперта. Мы уже цитировали выше суждение о неправомерности предъявлять особые требования журналистам извне. Требования самоотверженности журналиста, предъявляемые со стороны общества, представляются эксперту негуманными. Но от имени самой профессии, профессионального сообщества (изнутри) «они могут быть вполне уместны».

В НАЧАЛЕ обзора экспертизы идеи идентификации журналистики как высокой профессии было отмечено, что некоторые эксперты «прошли мимо» этой идеи. Но это не значит, что наши эксперты не считают актуальной рефлексию профессионально-этических оснований своей профессии. Об этом говорит практически тотальная активность ответов на последний вопрос анкеты: «Стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших реальных отечественных обстоятельствах? Что кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным это может дать журналисту в его практической деятельности?».

Большинство экспертов ответило «стоит» и привело конкретные аргументы. Если сгруппировать эти аргументы, получится интересная картина.

Во-первых, суждения о (не)целесообразности акцентирования именно отечественных обстоятельств. Несколько участников опроса подчеркнули, что никакие обстоятельства не являются основанием для уклонения от моральной самоидентификации журналиста. С одной стороны, «Отказ от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии даже со ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равен отказу от профессии в принципе». С другой – «то, что в анкете профессора Бакштановского обозначено как “реальные отечественные обстоятельства”, не кажется мне таким уж безысходным. Газета, зависящая от администрации любого уровня и качества, может и должна искать общий язык с владельцами. Кажется, наш президент очень грамотно обозначил ситуацию, сказав, что власть всегда будет на прессу давить, ну а пресса, по определению, должна сопротивляться. А в нашей “реальности” часто СМИ просто опускает руки, не желает связываться с “сомнительным” сюжетом – “все равно не пропустят”. Между тем, если у всего штата СМИ будет установка на здоровые, “не сервильные” отношения с хозяином, если все, от редактора до стажера, будут понимать журналистику как профессию, связанную с некой социальной ответственностью, – у издания появится существенный шанс, получая средства от власти, не превратиться в скучный официозный мусор».

Во-вторых, уклонение от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии, даже если оно мотивируется ссылкой на реальные отечественные обстоятельства, не оправданно, так как «С каждым новым <условным> этапом профессио-

нального роста журналисту неплохо бы пересматривать свои этические установки в сторону ужесточения. Если начинающему корреспонденту мы простим (учтя недостаток опыта, кругозора, знания технологии) лукавство, неполную информацию, “прогиб” под официоз, непредставление всех точек зрения на проблему, использование непроверенной чужой информации, то подобные упущения со стороны главного редактора представляют существенную угрозу его профессиональной репутации».

Большинство экспертов ответили на вопрос о целесообразности рефлексии этической природы профессии положительно, приводя разнообразные аргументы. По их мнению, «кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным» (так сформулировано в анкете), рефлексия может дать значительный эффект. Какой?

Лаконичное суждение: «...Это поможет журналисту быть порядочным». Конкретный адресат № 1 – «некоторые журналисты»: «...Работникам СМИ, очень далеким от неписанных (да и писанных тоже) законов корпоративной морали и этики, во-первых, хотя бы понимание того, что эти законы вообще существуют, а во-вторых, что их придерживается большая часть профессионалов и их соблюдения требует думающая и авторитетная часть российского общества». Конкретный адресат № 2 – профессиональное сообщество: «... Это позволит хотя бы не забыть о том, что на самом деле представляет из себя профессия. Обсуждение профессиональных проблем – один из способов саморегулирования журналистского сообщества. А наличие инструментов саморегулирования – признак не только профессии, но и наличия самого сообщества».

И – два существенных ограничения: да, заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации «Конечно, стоит!». Однако (а) «не надо превращаться в пресловутую сороконожку и не надо подменять этими поисками сам рабочий или, если угодно, творческий процесс»; (б) стоит ради «ясного осознания своего места в обществе», т.е. «без самоуничтожения, но и без мании величия».

И, наконец, одно успокаивающее суждение: «Да, эти поиски существенно отравляют жизнь. Но не одни мы такие несчастные. Между насущным и должным разрываются сейчас все – и врачи, и чиновники, и милиционеры. И, возможно, даже у парикмахеров и продавцов на рынке – свои невидимые слезы».

ПЕРВИЧНЫЙ анализ материалов экспертизы позволяет сделать наряду с наблюдениями, включенными в сам обзор, несколько более общих выводов о (не)готовности профессионального сообщества журналистов принять идею высокой профессии, предполагающую, что профессиональная этика ориентирована не только на очевидно необходимое обслуживание социальных систем ради социальной адаптации людей (и потому позволяет относиться к ней утилитарно и функционально), но и на то, чтобы превзойти свою функциональность, выступая как предзаданная система ценностей.

Во-первых, как показал экспертный опрос, принятие журналистами идеи высокой профессии требует предварительного формулирования ряда «техусловий». (Кстати, в обзоре я попытался показать, что эксперты весьма эффективно поучаствовали в решении этой задачи.)

* Следует учитывать возможное негативное отношение к такой идее, мотивируемое тем, что если есть профессии «высокие», то, следовательно, есть и профессии «низкие». А негативный смысл такого противопоставления аргументируется тем, что в отечественной литературе традиционно культивировались идеи интеллектуального, нравственного наполнения любого вида труда и равного уважения к самым разным трудящимся.

* Нельзя не учесть распространенность характеристики «свободные профессии», во многом совпадающей с характеристикой «высокие профессии». Обычно считается, что свободные профессии отличаются творческим характером деятельности и ее персонализацией, а соответственно, персональной ответственностью профессионала. Характеристика «свободная профессия» охватывает практически те же виды профессий, что и характеристика «высокая профессия». Однако уместнее характеристику «свободная» отнести к т.н. «творческим профессиям», прежде всего из сферы искусства: писатель, артист, художник, композитор ..., а «высокая» – к деятельности врача, учителя, адвоката, ученого, журналиста, священника и т.п.

Полагая целесообразным выделить подвиды высоких профессий, следует особо подчеркнуть, что в данном случае это производится не через противопоставление «низким» профессиям, а через акцентирование в высоких профессиях доминирующей уста-

новки на «Служение в профессии», предполагающей, что, не отменяя стремления к «честному заработку профессионала» (М. Вебер), эта установка ограничивает для представителя высокой профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена и оправдывается этикой бизнеса.

* Необходимо трезвое осознание такой трудности культивирования идеи высокой профессии в современных условиях, как своеобразная «дегероизация» профессий, являющаяся следствием целого ряда факторов:

(а) массовизация профессий, порождающая ослабление роли призвания как безусловной доминанты этического сознания профессионала, усиление прозаического функционализма. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются возможности для сравнительно легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как служение, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию (глобальная ситуация);

(б) включение профессионалов в деятельность больших организаций и, тем самым, утрата их автономности (глобальная ситуация);

(в) «дикая» маркетизация, в том числе усиление ориентации на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам (прежде всего – отечественная ситуация);

(г) понижение роли профессиональных сообществ (прежде всего – отечественная ситуация);

(д) серьезные ошибки, совершаемые деятелями медицины, науки, образования, журналистики и т.п. в своей профессиональной практике, рост безразличия к последствиям собственной деятельности, в целом усиление известного отчуждения «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии, также подрывающие авторитет профессии.

Высокие профессии в этих условиях могут терять доминанту Служения, обесценивать свою миссию.

Во-вторых, на основании суждений ряда экспертов вполне можно говорить, что и в трудной отечественной ситуации, при весьма неблагоприятных нравах как в обществе в целом, так и в профессии, идея высокой профессии не просто имеет право на существование, но и может быть вдохновляющим ценностным ориентиром для понимания миссии профессии.

В-третьих, подтвердилась необходимость второго этапа исследования, предполагающего более конкретное «вписывание» идеи в реальные обстоятельства, в том числе особенности существования института СМИ в государстве и обществе.

В-четвертых, требуется учесть необходимость более корректно идентифицировать журналистику как высокую профессию – с учетом спорности вопроса о том, является ли журналистика профессией или она находится лишь на пути к такой идентификации.

В целом можно сказать, что первые результаты анализа экспертных суждений дают основания как для уверенности в оправданности гипотезы, так и для осознания трудностей ее теоретического обоснования и, особенно, практического применения.

СВОЕОБРАЗНОЙ экспертизой-испытанием гипотезы о журналистике как высокой профессии стал первый этап семинара. Если в процессе экспертного опроса решалась задача идентификации профессии, то на этом этапе проекта ставилась задача самоидентификации журналиста. Здесь гипотеза рефлексировалась в режиме индивидуального самоопределения к основным моделям решения дилеммы «высокая профессия – сервис» и групповой работы.

Ведущий (В.И. Бакштановский) оправдывал дилеммную формулировку темы семинара обостренным скепсисом по поводу адекватности природе профессионализма журналиста навязываемой сегодня характеристике «сервис ремесленника» и категорической уверенностью в том, что суть профессионализма журналиста – в служении в высокой профессии, отвечающей своей миссией перед гражданским обществом.

Что показал процесс самоопределения, какие аргументы в защиту выбора своей позиции привели участники семинара?

На мой взгляд, это можно увидеть по «говорящим» формулам обоснования вариантов самоопределения участников к предложенным моделям.

Группа «А»: «Отличие между сервисными профессиями и высокими существует. И для себя я всегда их разделяла. Причисляю профессию журналистики к профессиям врача и священника, по крайней мере к этим двум».

И три характерных уточнения спикера группы, дающих представление о том, что стоит за таким самоопределением. Об основании самоопределения: «Врач, священник, журналист – в моем понимании этот ряд существует». О рациональной интерпретации реальностей журналистской практики: «Каждый день “выполнять миссию” никто из нас не собирается, но в определенные моменты становится ясно, что это все-таки придется делать. И к этому нужно быть готовым ежедневно». О возможных заблуждениях: «Кстати, само слово “высокая” нас, по-моему, вводит в заблуждение, потому что нам кажется, что если профессия высокая, то это дает нам право гордиться».

Группа «Б»: «...но Чацкий не работал в газете». Это ответ спикера группы на вопрос ведущего: «Рафаэль Соломонович, помните: “служить бы рад...”, а следующие слова?».

Характерное уточнение по поводу «сервиса» и «сервильности». На реплику ведущего «Вы считаете, что ответили на вопрос, сославшись, что Чацкий не работал в газете? А что, работая в газете, надо прислуживаться?» последовало два тезиса: «Да, мы обслуживаем: несем информацию» и «Мера сервильности – она внутри каждого из нас, а не в природе нашей профессии».

На реплику из другой группы: «Если бы обслуживали именно общество. А на практике получается, что СМИ обслуживают совсем не общество» последовало два ответа. Первый – в виде вопроса: «Почему вы видите противоречие между обслуживанием и гражданственностью? Обслуживать общество – это гражданственно или нет?». Второй – «Но, к сожалению, так получается, что обслуживаем мы иногда не общество, а власть».

Группа «В»: «У меня была проблема выбора между моделями “В” и “Г”. Мне показалось, что эти “буквы” близки друг к другу, стоят рядышком».

Обосновывая позицию «Я ГДЕ-ТО ПОСЕРЕДИНЕ», ее сторонник сказал: «в ее основе – реальность наших СМИ, которая у нас сейчас существует; не только журналистов, но и сами средства массовой информации можно разделить на тех, кто ориентированы либо на сервисное обслуживание, либо на служение. Мне кажется, что деление такое есть. Но есть и позиция средняя».

Характерна реакция журналиста на реплику «Вам не кажется, что ваша позиция – “от лукавого”? Вспомните Евангельское “Да будет вашим словом да-да – нет-нет, а что сверх того, то от лукавого”». – «Не считаю, что выбранная мной позиция – соглашательство, приспособление».

Группа «Г»: «Общество вправе требовать от нас выполнения некоего минимального стандарта профессиональной этики. Все остальное зависит от личного выбора журналиста».

Характерные дополнения к словам спикера других участников самой многочисленной группы.

Первое: «Я выбрала позицию “Г”, потому что самоидентификация журналиста как принадлежащего или к сервисной профессии, или к высокой, зависит от личности». Второе: «Когда встал вопрос о предпочтении той или иной модели, я предпочла группу “Г”, для меня основным в описании этой модели было слово «выбор». Но каждому для себя надо решить: выбор между чем и чем? Выбор того, что я делаю, того, что я пишу – в зависимости от ситуации, в зависимости от заказа? Или это выбор, зависящий от моих личностных ценностей? Мне кажется, что приоритетными в любой профессии, не только в журналистской, являются ценности личности».

«Сверхплановая» группа «Д»: «Это выбор каждого – на сколько высоко поднять свою профессию. Выбор каждого».

Характерные тезисы. Первый: «Любое ремесло – сервис. Говорите о священнике? И его профессия – сервис. И ремесло врача – сервис». Второй: «Любая профессия, по определению, сервисна. Другое дело – содержание, чем мы наполняем эту профессию».

Прочитую поэта, заменив только одно слово: «мы знаем, дело растяжимо, и все зависит то того, какого рода содержимым вы наполняете его». Вот и все».

Рискну сделать предположение. Сравнение суждений авторов экспертного опроса, вполне допускающего абстрактность позиции эксперта, и участников первого этапа семинара, требующего хотя бы и условного, но самоопределения, дает основание говорить об очевидном бремени морального самоопределения в условиях «земного тяготения» и о многообразной роли реальности, в которой живет профессия. Ведь профессия, как мы увидели, способна преодолеть «земное тяготение» решимостью хотя бы в конфликтных ситуациях принять высокую миссию; она может прагматически освоить тяготение реальности с помощью позиции «я где-то посередине»; может и сдаться на милость тяготения – вплоть до греха «гибкого профессионализма». Подчеркну: журналист вполне может в условиях «земного притяжения» приподнять свою профессию над реальностью. Насколько приподнять – это, конечно, выбор каждого. Выбор, в котором он отвечает и за профессию в целом.

Выступая в роли ведущего, я сказал на семинаре, что не Бакштановский изобрел термин «высокая профессия», – он изобретен цивилизацией для того, чтобы из тезиса «все профессии обслуживают» сделать необходимое исключение: некоторые из профессий являются особыми, общество намеренно дает им особое назначение, возлагает на них особые задачи, – и позволил себе предположить, что журналистское сообщество хочет «сачкануть», уклониться от того, что общество ждет от журналистики. Конечно, для журналистов это тяжкое бремя. И легче всего с этим бременем поступить так – сбросить его. Но сегодня, в процессе анализа, а не в пылу семинара, мне кажется, что это было слишком сильное предположение.

Гражданские технологии для «миссии пера» и журналисты в роли гражданских экспертов своей профессии

Еще в описании замысла проекта было отмечено, что в отличие от привычной для публицистики «вечной» темы «Профессионализм и/или гражданственность» наш проект предпочитает иную проблематизацию. Речь шла о дилеммной трактовке природы самого профессионализма современного отечественного журналиста: «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЖУРНАЛИСТА: СЕРВИС РЕМЕСЛЕННИКА ИЛИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ВЫСОКОЙ ПРОФЕССИИ?».

Здесь же подчеркну, что проект стремился выйти за рамки традиционной проблематизации самой характеристики «гражданственность журналистики»: гражданская журналистика как концентрация интереса журналиста на особой – гражданской тематике (деятельность правозащитных организаций, НКО и т.п.); трактовка миссии профессионала как соучастника аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность; отождествление гражданственности журналистики с личным гражданским мужеством журналиста, самоотверженностью в отстаивании своей позиции; требование к журналисту связывать свою деятельность не с интересами какой-либо группы, партии, слоя общества, а с интересами всего общества; ожидание от журналиста личной вовлеченности, персонального гражданского участия в решении какой-либо проблемы и т.п.

Разумеется, мы не пренебрегли этой проблематикой вовсе – достаточно сказать о включении в программу семинара рейтинга значимости этих смыслов понятия «гражданственность журналистики» с точки зрения сущего – того, «как есть», и должного – «как должно быть» в журналистике наших дней.

Но основное внимание проект уделит экспертизе гипотезы, согласно которой при любой трактовке смысла выражения «гражданственность журналистики», а тем более в случае предпочтения тезиса «миссия и технология профессионала – быть соучастником аудитории в осмыслении проблем, которые волнуют общественность», профессионализм и гражданственность журналиста предполагают высокую культуру применения потенциала гражданских технологий, технологий гражданского участия, современных гражданских технологий (гражданский контроль, гражданские переговоры, общественная экспертиза, гражданские дискуссии и т.д.). Возможно, владение гражданскими технологиями минимизирует ситуации, требующие от журналиста личного гражданского мужества?

Приведу один из аргументов, с помощью которого я как ведущий показал актуальность этой гипотезы для участников семинара. Судя по тюменской прессе, даже те СМИ,

которые откликнулись на волнующие городскую общественность конфликты («Березовая роща», «Областной роддом», «Черемуха Маака»), работали лишь в привычном для них формате, не пытаясь освоить современные гражданские технологии.

Поэтому-то на третьем этапе семинара я обратился к участникам с вопросами: «Не слишком ли это мало – просто писать объективно, надеясь, что этим журналист уже выполняет гражданскую миссию своей профессии? Не обманывают ли журналисты себя, полагая, что дают объективную картину, представляют две точки зрения? Чего же еще надо от них? Свою профессию они реализовали, остальное пусть делают гражданские организации или политические партии». И я утверждал, что мало. Без применения современных гражданских технологий («Переговорная площадка» или, например, технологии под названием «Общественная экспертиза», или такой гражданской технологии, как «Общественные дебаты») журналисты мало полезны становящемуся гражданскому обществу. Именно журналисты, а не только политические партии, общественные объединения и некоммерческие организации должны работать на гражданское общество с помощью отрефлексированных и технологизированных до инструментария гражданских технологий.

Что это за технологии?

Наиболее известные технологии гражданской активности – гражданская (общественная) экспертиза, гражданские переговоры (переговорная площадка), анимация, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания. Их объединяет идея активизации гражданского участия, предполагающая эффективную самодеятельность граждан, способных сочетать свои интересы и интересы общества.

Гражданские переговоры – это технология ответственного взаимодействия структур гражданского общества между собой или с органами государственной власти. Цель гражданских переговоров – решение актуальных общественных проблем совместными усилиями сторон. Задача гражданских переговоров – принять конкретные решения по предмету переговоров. Гражданские переговоры проводятся по предварительно согласованной сторонами повестке и формализованной процедуре. Гражданские переговоры предполагают: протокольное фиксирование всех решений и взаимных обязательств, обязательное подписание итогового документа, вне зависимости от результатов переговоров, создание временных рабочих групп (определение органов), отвечающих за реализацию договоренностей, достигнутых в ходе переговоров.

Гражданские дискуссии организуются вокруг проблем, которые не находятся в фокусе общественного интереса, а СМИ, гражданские организации и экспертное сообщество не имеют четко заявленной позиции по этим проблемам. Отсюда задача дискуссий – «запустить» механизм выработки общественного мнения» по рассматриваемой проблеме, «определить, кто и насколько заинтересован в ее решении», сделать более прозрачным это разнообразие интересов.

Гражданская экспертиза – обычно синонимом названия этой технологии гражданской активности является термин «общественная экспертиза». Это вполне допустимо, если, например, иметь в виду задачу различения экспертиз по субъектам: государственная – негосударственная. Но есть и аргументы для того, чтобы настаивать именно на прилагательном «гражданская», существенно влияющем на смысловые особенности экспертизы. Отличительные признаки гражданской экспертизы с точки зрения ее цели, смысла и способа:

- * участие в экспертизе гражданских объединений, проведение экспертизы от имени гражданских организаций, сознательно и активно реализующих права и обязанности;
- * увязывание интересов конкретной социальной или профессиональной группы с потребностями развития общества в целом, согласование противоречивых интересов;
- * открытость экспертного процесса, когда участие в нем может принять любой компетентный гражданин;
- * прозрачность, гласность, публичность экспертного процесса, привлекающего внимание общественности и приглашающего к диалогу все заинтересованные стороны;
- * результаты экспертизы обязательно обнародуются и широко обсуждаются.

Методы проведения экспертиз: анализ, проведенный экспертами; экспертная оценка проблем, на которые обратили внимание инициативные группы; гражданский эксперимент (натурное обследование), игровое моделирование ситуаций⁶.

Особенность испытания потенциала такой технологии, как гражданская экспертиза, на семинаре: оно было предпринято посредством моделирования деятельности общественной институции, направленной на экспертизу профессиональной деятельности самих журналистов. В этом случае журналисты еще до того, как они начнут использовать гражданские технологии в отношении своей аудитории, получили возможность испытать особенности гражданской экспертизы на самих себе.

В этом одна из причин включения в семинар элементов игрового моделирования. В том числе участникам семинара предстояло исполнить такие роли, как «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы».

Интрига игры – стремление ведущего предъявить участникам такие задания, которые бы не дали ролевым группам поддаваться искушению «очевидности» в вопросе о роли гражданской экспертизы. Отсюда поэтапное введение в число заданий текстов, проблематизирующих непосредственные реакции ролевых групп.

В этом смысле важно понять, как увидели интригу игры ее участники. Попытаюсь составить мозаичную картинку по описательным фрагментам текстов из рубрики «Включенное наблюдение».

В описании исходной позиции игры все три участника семинара, принявших на себя задачу «включенного наблюдения», увидели примерно одно и то же: «Участники семинара разделились на три условные группы: “Журналисты”, “Редакторы” и “Аудитория”. Каждая группа получила задание проанализировать один и тот же журналистский текст».

В описании текста газетной статьи, с которым в соответствии со сценарием группам было предложено ознакомиться и дать комментарий: есть ли основания для особого внимания к этому тексту, «наблюдатели» были менее единодушны. «Это был материал явно заказного характера, политически ангажированный, причем выполненный чрезвычайно небрежно и не профессионально» – версия одного «наблюдателя». Версия другого: «Трем группам предложили проанализировать достаточно безобидный с точки зрения каких-то явных нарушений норм профессиональной этики текст. Статья журналиста, написанная ко дню рождения губернатора, представляла собой классический пример того, что из себя представляет “сервисная” журналистика. И это участники семинара определили без труда и споров». Третий «наблюдатель»: «текст, являющий собой пример грубого пиара представителя власти».

Характеризуя решения групп по поводу (не)целесообразности особого внимания к этому тексту, один из «наблюдателей» полагает, что участники игры «были практически единодушны. И «Аудитория», и «Журналисты», и «Редакторы» говорили о слишком явном заказном характере данного материала, причем выполненном чрезвычайно слащаво». И другой говорит об этом же: «Все три группы оценили текст как непрофессиональный, откровенно подбострастный, приглаженный в угоду политическому деятелю». Но в чем особенность позиций групп, принявших на себя разные роли?

Эта особенность проявилась на следующем шаге алгоритма игры, когда группам было сообщено, что некая команда вела мониторинг за прессой и, выделив статью, только что прочитанную участниками игры, написала текст заявки на экспертизу, в которой перед экспертами были поставлены вопросы, для ответов на них недостаточно оценки «с первого взгляда», с позиции «очевидности». И в ответ на задание: «Заслуживает ли прочитанная вами ранее статья специального заказа на экспертизу? Разделяете ли вы содержание заказа?» группы повели себя по-разному.

«Аудитория»: Предложенная нам, «Аудитории», бодяга не подлежит никакому анализу. А умные вопросы из текста заказа на экспертизу только позволяют авторам этой бодяги приподняться в собственных глазах: «видите, как научно нас изучают». Ни читать, ни изучать не надо.

«Журналисты»: Мы единодушны в своем решении: экспертиза такого рода статьи нужна. И вопросы к экспертам оправданны. В том, что материал плохой, никто из нас не

⁶ См.: Будь лицом: Рабочие тетради Гражданского форума. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004.

сомневается, в этом мы не противоречим другим группам. Но, к сожалению, этот материал не только реальный, он и типичный.

«Редакторы»: Как и часть «Аудитории» считаем, что не нужно заказывать экспертизу для того, чтобы узнать, что перед нами на тарелке лежит – дерьмо, извиняюсь, или торт. Очевидные вещи. По тем основаниям, которые заявлены в вопросах эксперту, заказывать экспертизу не хотели бы.

Здесь видно, что группы вели себя в соответствии с ролевым репертуаром. И вряд ли случайно, что прежде всего журналисты увидели эффект технологии экспертизы. Понимая реакцию «Аудитории» («С точки зрения “Аудитории” вы абсолютно правы. Аудитория видит, где конфетка, а где что-то иное и ей экспертиза не нужна»), группа объяснила, почему «Журналисты» настаивают на целесообразности экспертизы: для создания прецедентного решения, чтобы раз и навсегда решить, что хорошо, а что плохо, чтобы было на что опираться, когда окажешься в подобной ситуации.

Почему – стало ясно на следующем шаге алгоритма игры, когда группам было предложено отнестись к экспертному заключению по поводу газетного текста, с которого началась экспертиза.

Вероятно, снова «сработал» потенциал игровой методологии. Участники игры не просто приняли метод и легко вошли в свои роли, но и проявили экспертный потенциал игры. Обратимся, например, к выступлению из группы «Журналисты»: «Мы хорошо вошли в игровую ситуацию. “Аудитории” все ясно. Так и есть в жизни. “Редакторы” успокаивают себя: все нормально, лишь бы законы не нарушать. А “Журналисты” находятся в положении между молотом и наковальней, должным и действительным, и вот поэтому, собственно, нам очевидно, что вопросы экспертам поставлены четко и правильно. Более того, на самом деле это никакие не вопросы, это ответы».

Но разумеется, я говорю о потенциале игры именно как метода серьезной работы, работы с реальностью. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что участники игры сами перекидывали «мостики» в свою реальную практику.

Так, один из «наблюдателей» отметил, что участники игры легко «узнали» текст: и на страницах тюменской прессы подобное – не редкость. «В реальной жизни такие материалы появляются в СМИ с завидным постоянством. А значит, журналисты их пишут, редакторы ставят на полосу, а читатели нередко воспринимают подобные тексты за чистую монету и доверяют им».

Одного из «Редакторов» текст обсуждаемой статьи «натолкнул на воспоминания. Год или полтора назад была пресс-конференция по поводу какого-то юбилейного, двухлетнего или трехлетнего, пребывания нашего губернатора в должности. И представитель одной из наших газет, тюменских, задала губернатору буквально такой вопрос: “Скажите, пожалуйста, а что вы сделали, чтобы стать таким человеком, какой вы сейчас есть?”».

Одному из «Журналистов» игровая ситуация не помешала вспомнить о реальности проблемы «гибкого профессионализма»: «Что касается накаляющейся атмосферы в зале – по поводу реальности такой ситуации для нас – давайте, чтобы не кивать на конкретное издание, вспомним “чай прессы с губернатором” под Новый год. Там были все наши ведущие СМИ. Я помню, что все выглядело так, будто губернатор пытался отвечать на незадаанные вопросы. То есть ему даже вопросов, которые висели в воздухе, никто не задал, а он пытался отвечать. Это ненормально, когда вопрос не задается, а если и задается, то он до такой степени смягчается, что тошнит, а губернатор ведь был готов отвечать (и отвечает) на незадаанные вопросы». Здесь необходимо привести существенное замечание «наблюдателя»: «Появление таких текстов – не обязательно инициатива власти. Как было сказано на семинаре, это диагноз и тюменской прессы: инициатива в руках самих журналистов, которые потеряли “профессиональный иммунитет” и готовы “прогнуться”, “построиться” уже даже без команды».

О потенциале игры как метода серьезной работы, работы с реальностью, свидетельствует, во-вторых, вполне рациональная (в соответствии и с ролью, и с профессиональной практикой) реакция групп на текст экспертного заключения, написанного известным медиакритиком.

Так, из группы «Аудитория» прозвучало: «нам интересно прочитать подобное экспертное заключение, потому что нам интересен сам журналист и то, что происходит внутри журналистского сообщества». При этом отмечено, что «суждения эксперта очень хо-

рошо обоснованы, но, возможно, стоило бы их подать в каком-то другом формате, пока не ясно каком, каким-то другим языком донести свою позицию до аудитории, потому что сейчас это текст, адресованный, скорее всего, профессионалам-журналистам».

В группе «Редакторы» к тексту экспертного заключения отношение скорее скептическое: «Очень много экспрессии, которой не должно быть в экспертизе. Много пафоса, много воды. Видится отношение к явлению, но это не есть результат научного анализа». Соответственно, «Редакторы» предпочитают принять решение по поводу такого рода статей без специальной экспертизы: «Я бы своим собственным анализом текста доказала, до того, как он пошел в публикацию, что он не имеет права на существование».

Группа «Журналисты» по поводу текста экспертного заключения были не столь единодушны, как по поводу заказа на экспертизу: «Один из нас считает, что формулировки все-таки чересчур категоричны. Еще одно мнение: слишком умно написано для такого простого повода. Есть мнение, что текст экспертного заключения полностью соответствует ожиданиям, именно таким он должен быть. В целом мы согласны с экспертом».

Полагаю целесообразным выделить следующее суждение из группы «Журналисты»: «Текст экспертного заключения подтверждает необходимость экспертизы. Я не согласна с теми, кто говорил здесь, будто и без этой экспертизы все сказано. Нет. Во-первых, здесь не прозвучало, а эксперт отметил в статье – смешение функций журналистики и пиара. Эксперт сказал и о манипуляции как приеме – здесь об этом не говорилось. Эти особенности статьи эксперт заострил не зря. Благодаря экспертизе мы пытаемся дистанцировать цех от тех, кто так себя ведет. Это инструмент цеховой защиты. ... Мне кажется важным, что эксперт показал недоработки, дыры в нашем этическом кодексе. Уже поэтому экспертиза нужна, и может быть, благодаря прецеденту какие-то бреши в кодексах будут закрыты».

Критическую часть анализа игрового этапа семинара начну с оценки его эффективности самими участниками семинара. Вполне естественно, что они по-разному увидели (не)эффективность игры.

Один из «наблюдателей» после игры заметил по поводу намерения авторов проекта показать журналистам значимость гражданских технологий: «Возможно, ведущий семинара надеялся, что участники сами придут к подобного рода рецептам, а он лишь поможет им сформулировать “вертящиеся на языке” решения. Но, по-моему, этого не произошло». Это серьезное замечание.

Но вот факт, который спорит с этим наблюдением. Из группы «Аудитория» – оценка потенциала технологии «экспертиза»: «Последние реплики из группы “Журналистов” меня убедили, что такого рода экспертиза – зеркало (вернемся к образу) для журналистов. Если они готовы посмотреть в него и если у них возникнут, как говорит Лена, вопросы, обращенные к себе, то, может быть, здесь и есть та точка роста, то зерно, из которого что-то и может вырасти».

Поспору я и с таким замечанием «наблюдателя» о (не)эффективности игры: «Возможно, семинар был бы более эффективным, если бы разбирал конкретные и действительно острые проблемы из практики самих тюменских журналистов. Такое обсуждение заинтересовало бы более широкий круг участников и имело бы итогом некое прояснение позиций журналистов и редакторов. Не абстрактная, а предметная дискуссия имела бы больше шансов сплотить сообщество, заставить его отыскать внутри себя те принципы профессионализма, которые, несомненно, объединяют тюменских журналистов, несмотря на видимую разность их служебных обстоятельств».

Да, предметная дискуссия может сплотить сообщество. Но она может и окончательно расколоть его. На мой взгляд, сама по себе замена ситуаций с «чужой» на «свою», тюменскую, мало что дает. Другое дело, что гипотезе о роли гражданских технологий хорошо бы посвятить не часть семинара, а целый семинар.

Более всего я самокритичен в отношении слабо проявленной на игре темы этических ограничений к гражданским технологиям.

С одной стороны, на игре прозвучала мысль о необходимости своеобразного «кодекса общественной экспертизы»: «Если говорить об общественной экспертизе в целом, то у нее должны быть свои пределы. Иначе нельзя исключить ситуации, когда кто-то от имени “общества” скажет, что газету надо закрыть. А ведь у общества есть свои инструменты: бойкот газете, призыв не покупать ее, обращение к рекламодателям с просьбой не

размещать рекламу. И это законные средства. Мы должны быть на стороне общества, но и должны не потерять право сказать обществу все, что мы про него думаем».

С другой стороны, практически повторю здесь свои слова из роли ведущего. Жаль, что не хватило времени на особую тему кодекса для гражданских технологий. А ведь журналисты на самих себе только что испытали их потенциал. Дело не только в том, чтобы убедить скептиков, уверенных, что гражданская экспертиза не обязательна (и так все ясно). Но и в том, чтобы предвидеть ловушки этих технологий. Например, ловушку самозванства. Возможно это – одна из задач следующего семинара.

В заключение – комментарии к заголовку моих заметок.

Еще на стадии экспертного опроса мы спросили участников проекта: «как вы считаете, стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших реальных отечественных обстоятельствах? Что кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным это может дать журналисту в его практической деятельности?».

Что показывает анализ экспертных суждений?

* О (не)целесообразности акцентирования именно отечественных обстоятельств. Несколько участников опроса подчеркнули, что никакие обстоятельства не являются основанием для уклонения от моральной самоидентификации журналиста. Например: «То, что в анкете профессора Бакштановского обозначено как “реальные отечественные обстоятельства”, не кажется мне таким уж безысходным. Газета, зависящая от администрации любого уровня и качества, может и должна искать общий язык с владельцами. Кажется, наш президент очень грамотно обозначил ситуацию, сказав, что власть всегда будет на прессу давить, ну а пресса, по определению, должна сопротивляться. А в нашей “реальности” часто СМИ просто опускает руки, не желает связываться с “сомнительным” сюжетом – “все равно не пропустят”. Между тем, если у всего штата СМИ будет установка на здоровые, “не сервильные” отношения с хозяином, если все, от редактора до стажера, будут понимать журналистику как профессию, связанную с некой социальной ответственностью, – у издания появится существенный шанс, получая средства от власти, не превратиться в скучный официозный мусор».

* О (не)целесообразности рефлексии этической природы профессии. Большинство экспертов ответили на вопрос положительно. По их мнению, «кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным» (так сформулировано в анкете) это может дать значительный эффект.

«...Работникам СМИ, очень далеким от неписанных (да и писанных тоже) законов корпоративной морали и этики, во-первых, даст хотя бы понимание того, что эти законы вообще существуют, а во-вторых, что их придерживается большая часть профессионалов и их соблюдения требует думающая и авторитетная часть российского общества».

«...Отказ от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии даже со ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равен отказу от профессии в принципе. ...С каждым новым этапом профессионального роста журналисту неплохо бы пересматривать свои этические установки в сторону ужесточения. Если начинающему корреспонденту мы простим (учтя недостаток опыта, кругозора, знания технологии) лукавство, неполную информацию, “прогиб” под официоз, непредставление всех точек зрения на проблему, использование непроверенной чужой информации, то подобные упущения со стороны главного редактора представляют существенную угрозу его профессиональной репутации».

«...Да, эти поиски существенно отравляют жизнь. Но не одни мы такие несчастные. Между насущным и должным разрываются сейчас все – и врачи, и чиновники, и милиционеры. И, возможно, даже у парикмахеров и продавцов на рынке – свои невидимые слезы».

«...Раз занимаемся этими поисками уже несколько лет, значит, стоит. Одним из нас это позволит хотя бы не забыть о том, что на самом деле представляет из себя его профессия. Обсуждение профессиональных проблем на семинарах – один из способов саморегулирования журналистского сообщества. А наличие инструментов саморегулирования – признак не только профессии, но и наличия самого сообщества».

«...Стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации? – Конечно, стоит! Другое дело, что не надо превращаться в пресловутую сороконожку и не надо подменять этими поисками сам рабочий или, если угодно, творческий процесс. А что этот поиск несет кроме шизофренического раздвоения сознания? – По-моему, это очевидно: ясное осознание своего места в обществе – без самоуничтожения, но и без мании величия».

«...Это поможет журналисту быть порядочным».

«... Определиться с кем ты – журналист обязан. Иначе, действительно, не избежать раздвоения сознания».

Полагаю, что эти суждения «работают» на избранный мной заголовок.

Приложение

ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА-ПРАКТИКУМА

...На мой взгляд, в ходе семинара проявилась большая, нежели три-четыре года назад, сплоченность тюменского журналистского сообщества. Разногласия есть, и они будут, но это не мешает трезво (!) смотреть на нынешнюю ситуацию взаимоотношения прессы и власти, прессы и общества. Если мы и обманываемся, то только на свой счет, полагая себя более чистыми и возвышенными, чем приходится быть в реальности.

...Заметно, что слова «гражданский», «гражданственность» звучат для журналистов если не фальшиво, то слишком громко (а для кого-то и громко, и фальшиво).

Очень полезен разбор конкретной ситуации (текст о карельском губернаторе), знакомство с технологией экспертизы. Взгляд на себя со стороны может способствовать выздоровлению. Или хотя бы ремиссии.

Мне показалось, что миссию «высокой профессии» журналисты рассматривали как лишнюю привилегию, повод для гордости, без которой они обойдутся. (Е. Ганопольская)

...Когда я была маленькой, мы жили на Войновке (район бомжей и спившихся интеллигентов, эзков и ментов, моральных калек и гениев). Так вот, 18 лет назад моя мама у подъезда нашего дома разбила клумбу и с весны ее засеивала. Но только цветы подрастали, их сразу же обрывали. Злобные старушки-лавочницы поддевали маму репликами: «Сирavno ж вырвут-то! Сажай – не сажай! Да кому это надо-то, и так хорошо». Но у моей мамы отличный актерский талант: для них она изображала глухонемую. В этот же год, ближе к осени, на место оборванных в начале лета цветов она посадила новые. Они успели распуститься, но их тоже вырвали, а саму клумбу истоптали. Старушки вновь исполнили свои роли каркающих ворон, а мама свою – глухонемой. Мама сажала цветы и на второй год, и на третий. И знаете, в чем вся соль? На четвертый год их перестали вырывать и вытаптывать. И по сей день в таком неблагополучном районе города разбиты клумбы, на которых к лету сажают красивые цветы. Люди сами до этого дошли? Нет, им «дали пинка», чтобы они «добежали». Не приписываю эту заслугу своей семье, хотя ... кто знает?

Так вот, если организаторов семинара расстроил его ход, его результаты, и вы не пожелаете больше повторять экспериментов, – это будет то же самое, что послушать злобное лавочное воронье и перестать сажать цветы в первый же год. (Е. Егорова)

Удалось задеть нас за живое, потому что несмотря на то, что тема деловой игры была совершенно безобидная, она очень актуальна для Тюмени. Хорошо то, что всем удалось войти в роль. Еще лучше то, как все из нее периодически выпадали, возвращаясь к тюменской действительности. Первая часть была более вялая – просто все уже все сказали раньше, и письменно и устно. (Е. Кох-Арбатская)

Я заметил, что нанизать нас на четыре (или пять?) булабочек Вам не удалось. Практически у всех выступавших возникали некие «но», которые не позволяли уложить их мнения ни в одно из прокрустовых лож (ложов?) висевших на стене плакатиков. Не было упертости – и это уже хорошо. Правда, участвуя я во второй половине разговора, то упертость бы проявил: чтоб увидеть картину во всей ее полноте, надо всерьез подняться на холмик под названием «ремесло». То самое ремесло, которое на семинаре называли сервисной профессией. Это – первое.

Теперь второе. Настаивая на изначальном сервисном характере профессии, уточню: а вот избушку на этом фундаменте каждый строит сам. Она может быть корявенькой и покосившейся (как у какого-нибудь Нуф-Нуфа) – все равно уважаю. Не уважать здесь можно только одно: сознательно построенные декорации.

А возведение этой избушки начинается с того, что где-то в душе поселяется червячок сомнения. И червячок этот грызет не что-то там, а тебя самого: прав ли ты, весь ли круг мнений ты учел? И даже если ты прав, нужна ли людям именно такая твоя правота сегодня? Вот тогда в тебе появляется чувство ответственности за каждое твое слово, адресованное людям, без которого о величии профессии не следует и заикаться, а упомянутое чувство прорасти может лишь на базе профессионализма, то бишь нормального.

Посему позволю себе не согласиться со словами гипотезы авторов проекта об обществе, которое якобы наделяет журналистов МИССИЕЙ. Общество наделяет их функциями, а уж превращать функции в миссии – это общая внутрикорпоративная страсть. В этой связи вспоминается рекламный ролик о каком-то чешском пиве, качество которого проверяли усаживанием пивовара на залитую его продукцией скамью. Тоже ведь внутрикорпоративные понты!

Или вспомним корпоративные понты медиков, а на фоне этого – недавнюю публикацию в местной «Комсомолке» о бомжихе – тоже, между прочим, человеке, – которая несколько дней медленно умирала на территории второй городской больницы и, несмотря на изобилие вокруг наследников Гиппократов, все-таки умерла.

Так вот: высокой профессию делает личное чувство ответственности и тот самый червячок, который заставляет тебя работать все лучше и лучше, точнее и точнее. Иначе – упокоение на высоком пьедестале корпоративного апломба. Зачем работать лучше и лучше, зачем сомневаться, зачем слушать других? Ты – журналист, и это само по себе – МИССИЯ!

А дальше начинается просто страшное. Опираясь на этот апломб, мы пишем в газетах и делаем телевидение, выступаем на семинарах, узурпируем право говорить от имени общества.

И в этом смысле такое понимание профессии, ЗАВЕДОМОЕ наделение ее высокой особостью, попросту опасно. (А.П. Мокроусов)

1. Мне кажется, не удалось в полной мере доказать предложенную нам гипотезу о том, что журналистика – «высокая профессия». Тезис об использовании журналистом гражданских технологий был притянут «за уши», ввиду его противоречия сложившейся практике журналистской деятельности. Деятельность журналиста рассматривалась вне контекста экономических реалий существования СМИ как субъектов предпринимательской деятельности и их взаимоотношений с властью как «контрагентов», а не как самостоятельных институтов гражданского общества. Последнее куда актуальнее темы проведенного семинара. ... Не совсем удалась ролевая игра – роль аудитории возложили на себя слишком «продвинутые» участники семинара вроде Р. Гольдберга.

2. Удалось прийти к пониманию того, что в журналистике не место сервильности, пиару – в тех уродливых формах, в каких это организуется в подконтрольных власти средствах массовой информации. Удалось избежать выяснения отношений на тему «А ты кто такой?» в смысле «приземления» разговора о сервисном характере профессии и гражданской позиции журналиста на «тюменскую землю», хотя искушение было. Примечательно, что за журналистику как высокую профессию выступили коллеги из СМИ, находящиеся в административной (по принципу владения и учредительства) и финансовой зависимости от тюменской власти. (А.Г. Носиков)

Интерес к подобным семинарам есть, об этом свидетельствует достаточно большое количество участников. Оправдано, что ученый-теоретик ставит идейно-теоретические вопросы, касающиеся работы СМИ (практические должны решать отделения Союза журналистов, Медиасоюза, иные лоббистские объединения). Но журналисты, ознакомившись с помощью ученого с идейно-теоретическим инструментарием, не сформировали какой-то идейной платформы и даже не наметили ее контуры. Все ушло в эмоции, касающиеся возможностей для саморазвития даже в условиях диктатуры Департамента (оптимистичный взгляд), либо в ощущения надвигающейся угрозы в виде «двух плит» (пессимистичный взгляд). Во многом дело объясняется эмоциональностью журналистов (любая платформа – абстракция) и психологией межличностных отношений. К примеру, кто-то на ко-

го-то в обиде. Это – весомей. К тому же объективных причин для объединения на идейном или профессиональном уровне пока не просматривается. (В.А. Макаров)

Семинар, как мне кажется, позволил участникам осознать ответственность за выбор, который ставит перед человеком профессия, будущее России.

Поиск своего места и предназначения особенно актуален для молодежной аудитории семинара, а что касается «старичков», то он укрепил убеждения, выкристаллизовав главное и второстепенное. Особенно важной частью работы был диалог на третьем этапе семинара. Это объясняется тем, что многопозиционные модели описания явлений, позиции «читатель – редактор – журналист» дают максимально полное представление о «техне» производственного процесса и создают ситуацию уточнения собственных убеждений участников. (А.Н. Скорбенко)

Тема, выбранная для последнего семинара, актуальна и важна для меня как журналиста, много лет работающего в печати и желающего отстаивать те принципы, которые были выработаны здоровой частью нашей корпорации уже давно. Причем не без помощи наших семинаров. Но для вновь и вновь приходящих в создаваемые и создаваемые СМИ молодых и не очень работников, выстраданные нами принципы – пустой звук. Вот почему я абсолютно уверен, что без таких семинаров эти работники СМИ так и не станут журналистами в нашем понимании. То есть, сам факт обсуждения вопросов этики нашей профессии, ее предназначения, дискуссии по этой проблематике дают возможность сознательного выбора ориентиров для сомневающихся. Другой площадки для воспитания духа корпорации у нас просто нет. (Ю.И. Пахотин).

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА
«Профессионализм современного журналиста:
сервисное ремесло на информационном рынке
и/или гражданственность *высокой* профессии?»
Тюмень, 2005 год

Богоделов Владимир Александрович (ТГУ, отделение журналистики)
Вохмина Лариса Николаевна (Газета «Тюменская правда»)
Ганопольская Елизавета Михайловна (Журналистка)
Гольдберг Рафаэль Соломонович (Газета «Тюменский курьер»)
Елисеев Константин Витальевич (Газета «Тюменская область сегодня»)
Егорова Евгения (ТГУ, студентка отделения журналистики)
Жилин Андрей Николаевич (ТРТР – Тюменское время)
Кабакова Валерия Анатольевна (Газета «Тюменский курьер»)
Караваева Людмила Викторовна (Интернет-газета «Вслух о главном»)
Кондратенко Елена Сергеевна (МШПИ в Тюменской области)
Кох Елена Оттовна (ТГУ, отделение журналистики)
Макаров Владимир Анатольевич (Газета «Тюменские известия»)
Мокроусов Анатолий Петрович («Радио-7»)
Носиков Алексей Геннадьевич (Газета «МК» в Тюмени)
Омельчук Анатолий Константинович (ВГТРК «Регион-Тюмень»)
Пахотин Юрий Иосифович (Газета «АиФ» в Западной Сибири)
Пермякова Ирина Андреевна (Газета «Вслух о главном»)
Подчувалова Ксения (ТГУ, студентка отделения журналистики)
Решетникова Наталья Рудольфовна (ВГТРК «Регион-Тюмень»)
Рычкова Лариса Анатольевна (Издательский дом «Коммерсантъ»)
Строгальщиков Виктор Леонидович (Журнал «Элита-Регион»)
Серых Лариса Алексеевна (Сибинформбюро)
Скорбенко Александр Николаевич (Газета «Тюменская область сегодня»)
Тен Евгения (ТГУ, студентка отделения журналистики)
Шаров Евгений Викторович (ТГУ, отделение журналистики)
Шаманенко Маргарита Борисовна (Газета «Тюменская область сегодня»)
Бакштановский Владимир Иосифович (АНКО «Центр прикладной этики:XXI век»)
Богданова Марина Владимировна (АНКО «Центр прикладной этики:XXI век»)

Отклики на проект в СМИ

Тюменские журналисты прошли «гуманитарную экспертизу»

«...Коллеги из одного города с трудом строили диалог: оказалось, внутри профессионального сообщества есть принципиальные разногласия. Формально они касаются вопроса о том, следует ли считать журналистику высокой профессией, сродни медицине или учительству (версия Бакштановского), или не нужно предъявлять журналистам какие-то особые требования, ведь это обычные работники, вроде сантехника или официанта, продающие свои информационные услуги в виде газет и передач? Понятно, что в последнем случае информационную политику определяет тот, кто платит. В российских условиях "деформированного капитализма" эту политику часто определяет не читатель, "голосующий рублем", не общественные организации, а государство, содержащее СМИ за счет бюджета.

Участники семинара получили возможность порефлексировать над своими взглядами, но, конечно, не пришли к единому мнению. Хотя, наверняка, дали прекрасный материал для ученого, который намерен оформить результаты практикума в очередной выпуск "Тетрадей гуманитарной экспертизы"».

(Интернет-газета "Вслух.ру". 2005, 21 октября)

Гибкий профессионализм?

«...На последнем, практическом, этапе семинара журналисты легко опознали "сервильный" текст. Пример того, во что превращается журналистика, освоив роль информационного слуги.

Но вот почему опознали? Потому ли, что так знаком? Или потому, что показался чужим на общем фоне?»

(«Тюменский курьер». 2005, 1 ноября.)

Журналистика: долг или сервис?

«Граница между гражданским долгом и высокопрофессиональной работой в сознании местного журналистского сообщества становится все менее заметной. Это показал семинар "Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?».

... Обсуждение показало, что местные журналисты трезво оценивают условия, в которых им приходится работать, потому не склонны жонглировать понятием "гражданский долг". Вместе с тем работники пера, особенно молодые, требовательны к обществу, которое больше интересуется колбасой, чем политикой, и считают: оно не вправе втискивать их узковатый "гражданский сюртук", то есть заставлять писать гражданственно.

...О понятии «гражданственность журналистики» говорили во второй части семинара. Согласно гипотезе В. Бакштановского, гражданственность журналистики подразумевает культуру использования гражданских технологий (гражданские контроль, переговоры, экспертиза), которые "минимизируют ситуации, требующие от журналиста личного гражданского мужества". Профессор сделал точное наблюдение о том, что журналисты, когда речь заходит об общественных инициативах, не прочь "сачкануть": рассказать о них формально или, за недостатком времени, вовсе промолчать».

(«Тюменские известия». 2005, 3 ноября.)

«...В. Бакштановский при поддержке Департамента информационной политики Тюменской области спровоцировал очередной "раскол" в журналистском сообществе Тюмени. Сначала в ходе экспертного опроса, а потом – в ходе семинара журналистам было предложено определиться с выбором: является ли журналистика "высокой" профессией или это "сервис", нацеленный на информационное обслуживание читателей (слушателей, телезрителей)?»

(«МК» в Тюмени». 2005, 9 ноября.)